Легенда о травнике

Котов Богдан

Богдан Котов

Легенда о травнике

«Автор»
2026

Котов Б.

Легенда о травнике / Б. Котов — «Автор», 2026

В отрезанную от королевства деревню движется караван. Местный травник Агний и его дочь Эбигейл готовятся к ярмарке, где должна постичь свою судьбу приговорённая к казне ведьма. Необъяснимое стечение обстоятельств приводит к её побегу, а также к пропаже Эбигейл. Её близкие отправляются на поиски, в которых им предстоит встретиться не только с неизведанной магией, но и с собственной тайной прошлого.

© Котов Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 19
Глава 3 30
Глава 4 34
Глава 5 46
Глава 6 49
Глава 7 52
Глава 8 61
Глава 9 69
Глава 10 74
Глава 11 78
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Легенда о травнике

Пролог

Пузыри поднимались со дна озера. Кроваво-бордовые платья бродили по каменистому берегу, вскинув к звёздному небу факелы: одни девушки били стопами по воде, разгоняя круги — другие кружились в танце. Искры метались из стороны в сторону, прыгали на голые плечи, на кудрявые локоны и белоснежные руки.

На дне утопал юноша. Его ноги скрутили водоросли, и как бы он не пытался выплыть — они всё сильнее тянули его во тьму.

На пирсе шептались старик и высокий тёмный силуэт, пока за их спинами, сжав в руках масляные лампы, ёрзала толпа.

— Прыгайте уже кто-нибудь! — крикнул старик с густой, обугленной бородой.

Платья замерли. Круги на воде ударились друг о друга в последний раз и в глади озера отразилось бурлящее полнолуние.

Силуэты переглянулись и, кивнув, один из них нырнул, рассекая водную гладь.

Ровно сто лет назад на этом месте казнили первую чародейку. У неё не было имени, не было дома, друзей или знакомых, её не знали ни в одной деревне и ни в одном королевстве. Она появилась словно из ниоткуда, и глаза её, не от мира сего, сводили людей с ума.

«Чародейка!» — кричали родители увядшего в её чарах сына.

В день казни у озера собралась толпа. Словно бабочку, её обернули в тряпки и обвязали верёвками. Стража мечтала увидеть ужас в её глазах, что снились в ночных кошмарах каждому, смевшему на неё посмотреть. Остриё кинжала впилось в ткань и уткнулось в холодную плоть, цепляя её за собой.

Лезвие замерло. С порезанных бровей на тёмно-зелёные глаза стекала алая кровь.

Трясущимися руками стража толкнула чародейку в озеро, но каждый парень, поймавший на себе её взгляд, прыгнул вслед. Они пытались вытащить её, но стража била факелами по озябшим рукам, цепляющимся за пирс. В тот день на дно ушли девять человек. Девять невинных душ, за которые люди уже сто лет мстят магическому отродью.

Вдруг, со дна показался мужчина. В свете любопытных фонарей его можно было хорошо разглядеть: высокий, с отросшими смоляными волосами, покрывавшими его взгляд. Нос с горбинкой и прижатый к груди подбородок, под которым наполнялась с каждым вдохом изувеченная битвами грудь. Он нёс на спине юношу, перекинув руки его через плечи. Вскоре скованный ужасом парень оказался на пирсе — упал и жадно начал глотать ночной воздух.

— Ты ещё мал. — склонился над ним старик.

Его седая борода блестела в свете луны. В руках он держал небольшой лист и карандаш. Последнее имя было вычеркнуто.

Девушки на берегу опустили факелы и склонили головы перед старейшиной, когда он подошёл к глади озера.

— С сожалением сообщаю, что сегодня ни один из участников не прошёл испытание озером чародеек! Вы все знаете — чтобы попасть в ряды охотников необходимо самостоятельно выплыть со дна. Смышлёные молодые люди, — он громко, показательно прочистил горло — настоятельно рекомендую усиленно тренировать силу воли, а не навыки гребли!

Его речь походила на командирскую, чётко выстроенную и подготовленную, и даже хохот, коим он разорился в конце, не отнял у него величия. Резко он развернулся к толпе, приводившей юношу в чувства.

— Все, кто сегодня не справился — вы можете пробовать через год! Благо, вы все сегодня вышли невредимыми! Помните, королевству не хватает охотников! Охотников на чародеек сегодня не прибавилось, а про охотников на ведьм я даже начинать не буду!

В древних легендах говорилось о силе ведьм. О том, что их чары могут заковать тебя навеки в пустоте. Смерть становилась долгожданным гостем для каждого, кто встречался с чарами ведьмы.

Чародеек было принято сравнивать с озером — мол, противостоять им настолько сложно, насколько сложно выплыть с самого дна. Однако, чародеек боялись не все. В озере было всего два исхода: выжить или умереть — любой верный солдат был готов к такой участи и на обычной войне.

С ведьмами обстояло иначе.

Выжившие никогда не оставались прежними. Словно запертые в горящей избе, они бились руками в окна, пролезая по раскалённым углям животами. Вдыхали едкий тёмный дым и били изо всех сил по запертым дверям, пока льняные рубахи, точно коконы, вгорали в спины и сжимались от языков пламени вокруг шеи.

«И только прошедший чрез ад досрочно готов бороться за рай на Земле!» — кричали священники у горящей избы каждый раз, когда начиналось испытание. Последнее испытание, предназначенное званию охотника на ведьм. Всем селом ссыпали солому в дом претендента, вязали вместе руки и ноги, а затем — жгли.

Процессия подходила к концу. Взмахом руки старик разделил толпу на две части и размеренным шагом двинулся к колонне повозок, стоявшей на выезде из деревни. Матери лелеяли юношей, нахлебавшихся ледяной воды, а молодые девушки шептались у озера, сверкая глазами в ночи.

— По небылице? — крикнул трактирщик и вскинул над толпой деревянную кружку.

Зелье ударилось о стенки и перелилось через край. Экстракт полевых цветов с нотками дикого мёда, терпкий по одному только запаху, придал силы застоявшимся людям и, все как один, они направились в трактир.

— Ты хочешь что-нибудь, Феня? — раздался тёплый, родительский голос.

— Выспаться хочу. – выжал юноша мокрую рубашку. – Завтра стрельба из лука.

На вид совсем молодая девушка в голубом платье держала под руку сына, что был на полторы головы выше неё. Её золотая коса болталась с каждым шагом в сторону дома, пока раскидистые берёзы шелестели свою лесную колыбельную.

— Никак не могу свыкнуться с мыслью, что к концу лета тебе уезжать в академию. Отдыхай, пока у тебя есть время, твой отец не знал такой свободы.

— И чем это кончилось?

За дерзость слов прилетело ему по затылку холодной ладонью. Юноша почесал макушку.

— Не держи зла, он ради тебя не знал покоя. Вот в кого твой брат пошёл...У них даже брови с отцом одинаковые! — посмеялась она.

Звёзды мелькали меж крон, а в воздухе так и стоял терпкий запах, тянущийся из дверей трактира. Он питал собой ночной воздух, обволакивал свет масляных ламп и тёк по холодной земле в сторону небольшого дома на окраине деревни. Девушка смотрела на звёзды, а юноша следил за постепенно угасающим под ногами светом. Вот, казалось, стоит им сделать ещё один шаг и башмаки окутает тьма, как вдруг тусклый луч упал прямо на его носок. Оба подняли глаза на дом, из которого лился свет.

— Ты забыл потушить лампу, Феофан? — прозвучал настороженный голос.

— Надеюсь, забыл.

В залитых светом окнах мелькали силуэты. Девушка остановилась. Подол платья качнулся вперёд и ударился о прямые, замершие ноги, как вдруг дверь отворилась. На пороге показался седобородый старик, внимательно вчитывающийся в бумажный свёрток.

— Феофан? — крикнул он юноше, но не получил ответа.

— Что вы делаете в моём доме?! – поверх зелёных глаз сверкнуло нечто, подобное искрам пылающего костра. Она ступила вперёд и поймала на себе пристальный взгляд старика.

— Ваш сын поступает на охотоведение. Крайне, крайне похвально. — он отложил лист в сторону. — Видите ли, я хотел бы лично поспособствовать его скорейшему поступлению.

Феофан чувствовал неладное: в воздухе больше не пахло трактиром, не доходил шум танцев. Словно звуки и запахи поглощало невидимое глазу — точно они стояли в толпе людей, а не посреди глухого леса. Вдруг, нечто колыхнулось во тьме, робко выдохнуло и наклонилось чуть дальше положенного. Феофан хотел было потянуться за лезвием, вшитым в сапог, но его руку схватила мать.

— Я делаю вам большое одолжение, миссис Лилия, вы знаете это.

Феофан с недоумением глядел то на старика, вытянувшего вперёд ладонь, то на мать, в ужасе шептавшую что-то под нос. Дрожащей рукой она подтолкнула сына вперёд.

— Не переживай, просто иди, я тебя догоню. — прощебетал ласковый, осипший голос.

— Но я не хочу идти! Я не оставлю тебя здесь од...

Вдруг, дряблая, годами пропитанная маслом и чернилами рука вцепилась ногтями поверх рта Феофана и с неистовой силой потащила брыкающегося юношу в сторону дома. Тени сорвались с цепей: первыми пробили тьму сверкающие копья, окружившие Лилию, за ними на свет появились охотники в тёмных одеяниях.

Феофан изо всех сил пытался вырваться из цепкой хватки, но руки и ноги его словно не слушались. Сверкающие копья удалялись, пока дверь перед ним не захлопнулась. Наконец, он смог дышать, упал на пол и с первыми силами потянулся к выходу.

— Она была не худшей их тех, что мы встречали. — произнёс старик, шагнув перед дверью. — Мы знаем, что для неё важно чтобы ты не видел этого.

В груди Феофана, казалось, билось два сердца одновременно. Он мог поклясться, что кровь в его жилах закипает. Дыхание юноши начало напоминать хрип, а к глазам подкатывали горячие слёзы.

— Я тебя понимаю. — старик сел на корточки. — Ты ведь не злишься на фермера за то, что он выдирает сорняки из поля свеклы. На кузнеца, что сливает все примеси расплавленного железа в канаву ради чистого металла. Мы делаем свою работу и предлагаем тебе поехать с нами. Тебя ждёт прекрасное место в университете Северной звезды, ты найдёшь себе столько новых друзей, столько девушек. – старик прикрыл глаза и сладостно улыбнулся. — На факультете пекарного дела учатся настоящие румяные девицы, от которых веет ванилью и сахаром. Тебе ведь нравятся сладкие девушки, юноша?

Ни слова Феофан не расслышал из-за бесконечного биения сердца, что отдавало в уши и голову. Кончики пальцев начало колоть и, наконец, он смог ими пошевелить.

— Садите его в повозку. – скомандовал старик и подошёл к окну.

Четыре окутанные чёрной вуалью руки схватили юношу и поволокли по полу в конец коридора, как вдруг истошный женский крик раздался над деревней.

Ровно сто лет назад был основан первый университет изучения магии — Кровавая роза. Одним из первых открытий стало исследование передачи магических сил. Только девушки могли передавать и перенимать их в роду, мальчики рождались особенно слабыми и редко доживали до двенадцати лет. Переживших этот период считали спасителями рода и давали все возможности создать правильную, настоящую семью.

Некогда Феофану нагадали будущее, в котором он встречает девушку своей мечты и от неё действительно веет ванилью при каждой их неожиданной встрече. Он водит своих детей на охоту и занимается изделием фирменных шуб для исследователей севера. Девушка, что гадала ему в ту роковую ночь, всё глядела на заворожённого Феофана и улыбалась.

— Путь твой будет полон резких поворотов и кочек, но не сопротивляйся — шептала она, переворачивая последнюю карту.

Ему оставалось закрыть глаза и дать рукам унести себя в будущее. Пророчество, озвученное на берегу озера чародеек, эхом отдалось в голове. Прорицательница из воспоминаний протягивала руку — стоило лишь протянуть ей в ответ. От неё веяло обещанной ванилью и покоем, но сердце Феофана не жаждало этой жизни. Оно горело адским пламенем, стучало по голове изнутри и превращало грёзы в тлеющий пепел, оседавший в горле и удушавший юношу.

Руки отцепились от Феофана и испарились в поисках кувшина с водой, как вдруг старик вышел из комнаты.

— Ну и зрелище... — прошептал он под нос, затем обратился к Феофану — Понимаю, в горле может пересохнуть, я тебя не осуждаю. Ты ещё успеешь стать настоящим мужчиной, готовым преодолевать трудности с высоко поднятой головой!

Отец Феофана боялся, что мальчик не доживёт до своих лет. Было в нём нечто тёмное, уходящее корнями в самую преисподнюю. Нечто, о чём Лилия всегда спорила с отцом за закрытой дверью и просила обещания у маленького Фени — «никогда, ни за что не поддавайся тому, что есть внутри тебя».

Первобытная ярость жила в душе юноши. Она болезненно кипела в сердце, извергаясь в набухшие вены с каждым ударом, она загоняла разум в густой туман, щипала жаждавшее крови горло и кричала, кричала, кричала. И крик её был извне.

Старик похлопал Феофана по плечу и наклонился, протянув руку, как вдруг юноша вырвал лезвие из сапога.

Земля сотряслась, стоило первым каплям крови просочиться сквозь половицы. Природа всеми силами пыталась сдержать нечеловеческую ярость, но ей не было то под силу. Деревья отвернули кроны в стороны, Луна спряталась за облаками, а лесные животные, заметив в воздухе осколки треснувшей души, устремились прочь.

Перебравшие с небылицей жители не вспомнят, куда вмиг пропала семья. Почему поляну у развалин дома украшает дюжина кровавых роз. Им останется лишь смутное напоминание — клочок бумаги с аккуратно высеченным именем.

Лилия.

Глава 1

«Агний, я вынуждена тебе написать. Тётушки М не стало сегодня ночью. Бедная месяц мучилась в болезни, не хотела никому сообщать. Прощание состоится в субботу, но не мог бы ты выехать сегодня? Мне страшно оставаться в поместье одной. Я соберу к твоему приезду мёд с травами, проведём хотя бы один день как раньше. Думаю, ты понимаешь, что Эбигейл лучше оставить дома.

Тётушка М написала завещание, но велела не открывать его без тебя.

Буду ждать,

Александра.»

Последние лучи заката обжигали сложенное на столе письмо. Проезжающие за окном повозки то и дело воровали угасающее солнце в своих мешках, но оно выбиралось обратно. Агний смотрел в окно: он ждал, перетирая в труху высушенные на подоконнике лепестки. Закат разливался по начищенным колбам, что заполнили собой полки, печь и деревянные ящики — только стол, оберегавший письмо, был нетронут.

Входная дверь отворилась. В коридоре заскрипели половицы, запахло цветами. Через пару шагов в дверь протиснулся увесистый разноцветный букет. Изворочённые корни переплетали между собой бутоны цветов и ошкуренные ветки кустарников, за которыми скрывались чьи-то еле различимые черты.

— Теперь точно всё принесла! — послышалось за букетом.

Облегчение в её голосе перемешалось с усталостью и лёгкой хрипотой, точно после купания в холодной реке.

— Молодец, клади на стол.

Известие о смерти, розовое от лучей заката, в миг стало погребено под тяжестью цветов. Перед столом появилась девочка лет семнадцати, её чёрные волосы были полны облетевших лепестков, а путеводные линии на руках перечёркнуты бесчисленными царапинами. Потрёпанный временем охотничий костюм и пояс, на котором висели три пробирки бледно-оранжевой жидкости выделяли её среди толпы. Пока остальные девочки готовились к отъезду в академию лекарного дела, виноделия и шитья, Эбигейл лазила по лесам в поисках диковинных (как любил говорить её отец) растений. В деревне, самой отдалённой от близлежащего королевства, у молодых людей была одна цель — уехать как можно дальше. Её время было совсем близко, и она это знала, от того на душе стояла непреодолимая тревога.

— Тут всё, что ты просил. — девушка потёрла указательный палец. — Даже дурацкий златолист...

— Достать повязку, Эбигейл? — погладил он её по голове.

— Всё в порядке, крови не видно. — она обернулась к окну, в которое прежде был устремлён взгляд отца, — Кого-то ждёшь?

В комнате повисла тишина. Краем глаза Агний убедился, что письма из-под груды цветов не видно, сорвал пару высохших листьев и раздавил их в руках.

— Такое дело, Эбигейл...Мне нужно уехать. На день.

— Куда? — она сделала шаг вперёд и пробирки на её поясе звонко ударились друг о друга.

— У тётушки М кое-что случилось, ей нужна моя помощь.

— Не нужна. — голос Эбигейл вдруг стал несвойственно ей серьёзен. В недоумении Агний обернулся, стараясь найти в её глазах ответ. — Не нужна. — настойчиво повторила она, — Ты уверен, что тебе нужно ехать? Именно сейчас?

— Почему ты считаешь, что ей не нужна моя помощь? — скрестил руки Агний.

Эбигейл отвела глаза в сторону и начала выдёргивать из волос лепестки, пытаясь найти взглядом за что зацепиться. Провалившись под натиском удушающей тишины, она выдохнула и опустила руки.

— Отец, я… Я помню, что ты говорил мне не верить этим дурацким снам, но на днях мне привиделось, что тётушка М лежит в деревянном гробу! Не знаю, к чему это, но тебе не стоит ехать! Столько всяческого уже привиделось, и пусть большая часть бессмысленные кошмары — этот уж слишком вовремя.

Свежий ветер пробежал по ногам Агния, раскрывшего створки окна. Собираясь с мыслями, он смёл в ладонь гербарную пыль и развеял её над посаженными у окна подсолнухами.

— Эбигейл, я люблю тебя всем сердцем, поэтому прошу в последний раз, не разбивай мне его. Мне тоже приходят, видения, мысли, сны — как и всем. Это нормально, думать о том, что может случиться.

Порыв ветра потрепал тёмные волосы Эбигейл, сметая последнюю пару листьев.

— У тебя доброе сердце, — улыбнулся Агний, — поэтому ты постоянно думаешь о других. Главное, не принимай свои сны за истину. Вещих снов не бывает.

— Не бывает… — прошептала она под нос, — Хорошо, отец.

Агний расправил руки и заточил её в крепкие объятия, прежде чем пройти к печи с пробирками.

— Славно. Пока меня не будет, у тебя есть работа, нужно почистить корни и поставить отвары кипятиться. Вырученное с ярмарки золото тебя всю осень греть будет.

— Знаю. — она выдохнула и в глазах её ужасом отразилась сотня нетронутых колб, — Можно я схожу до Алисы? Мы вдвоём хорошо управимся. Дядюшку Феофана как раз проведаю.

Агний взял со стола бутылку с дребезжащим внутри пузырьком и, словно через призму, вгляделся в горку цветов.

— Конечно, заодно передай ему немного кровавой розы. Только смотри, он к полуночи вернётся за Алисой, так что из дома…

— Ни ногой! — посмеялась она, — Конечно, он её никогда не оставит!

Повозка подоспела через час. Повесив на пояс три, обёрнутые в кожаные чехлы, пробирки, Агний вышел на улицу. На его отъезд с недоумением смотрели из окон жители деревни. Травник в такой глуши был на вес золота: не все обладали роскошью доставать отвары в своём селе, что уж говорить о соседнем доме.

Кто захворал — для тех отвар из корня златолиста с мёдом. Кому на охоту — приходили за отваром кровавой розы. Приманки — да какие угодно! На здешних обитателей леса давно всё было сварено.

Через эту деревню лежал путь городского каравана. Раз в сезон жители устраивали ярмарку, когда все: от мясника до сапожника, собирались на главной площади с мешками добра и колотили свои небольшие стенды. Однако, ездили с города далеко не за сапогами и вырезками. Травник да лесничий — вот кого высматривали первым делом.

У первого, глядишь, появится отвар из редких растений, так его с руками оторвут. А платят за такое не серебром — золотом!

Пару месяцев назад на болоте утонул пьяница. Поняли это, когда на водной глади появился причудливый кроваво-зелёный бутон. «Сердце утопленника», как его называли в здешних краях, медленно билось, разгоняя круги по воде. В ночи оно тускло отдавало зелёным светом и привлекало к себе особо любопытных птиц, полёвок и сбежавших от рыщущих глаз влюблённых, что на него и наткнулись. Всей деревней пытались срезать бутон, чтобы травнику отдать на работу. Срезали. Неделю отмечали после того, как на ярмарке за него отдали целую повозку с провизией.

Сердце утопленника не встретить почти нигде. Говорят, если правильно его приготовить, всего капли достаточно, чтобы свести человека с ума. Развороченная душа утопленника будет приходить к нему каждую ночь и просить сердце обратно, пока тот его не отдаст.

Лесничим же обычно предлагали заказы с города и увозили с собой. Появится нечто в лесу: то корову утащит, то человека. Стража против людей в городе не особо справляется, а с чудовищем из глубин чащи уж и подавно.

Реже происходило и обратное — так и оказался здесь Феофан, старый друг Агния. Приехал по заказу в деревню на Лешего. Обычно все заказы его шли как раскалённый топор по маслу, но не этот. Никто не знает, что произошло той ночью в лесу. Следов Лешего больше в краях не видели, но Феофана тогда еле спасли. Эбигейл, тогда ещё маленькая девочка, нашла его искусанного и изрезанного у опушки леса. Говорят, даже чародейку пришлось вызывать... Только это секрет. С чародейками нынче особенно строго.

***

Плавная дорога сменилась кочками и ухабами. Это означало, что до деревни, где ждала Александра, оставалось совсем немного. Отсюда весь маршрут был усеян шишками вековых кедров и хвоей, что в тьме вечера различить можно было лишь по запаху. Колёса давили под собой иголки, а прохладный ветер поднимал аромат с земли. Извозчик отложил в сторону кнут и потянулся за куском чёрного хлеба с морковкой.

— Агний, слыхали уже про указ?

— Что за указ? — Травник перевёл свой взгляд с сверкающих ламп на морковку, хруст которой начал перебивать скрип колёс.

— Теперь с караваном будет ещё одна повозка ездить — тюремная! Чтобы перевозить приговорённую к казни чародейку из столицы. Как писал губернатор: «чтобы вселить страх и развеять порочное желание преследовать запрещённые знания магии»!

— Не кажется мне это хорошей идеей.

— Вот и я о том. Представьте! — Он хрустнул морковкой и в его руке осталась лишь попка, да длинная ботва. — Говорят, чародейку будут казнить в той деревне, где больше всего добра выкупят в город. Мол, награда такая. Тьфу!

Заговорившись, он не заметил, как вместо морковки начал жевать ботву. Смачно сплюнув на землю, он ударил заржавшую лошадь.

— Нужна нам такая награда... — Фыркул он, с размаху выкинув покусанную ботву в тьму ночи.

Деревня, в которой раньше жила тётушка М, была небольшой. Дом её, четвёртый по счёту, выделялся панорамными окнами, с которых открывался вид на роскошный яблоневый сад и менее богатых соседей, располагавших лишь парой-тройкой яблонь и общим колодцем на четверо имений. Однако, в их окнах мерцал свет, чего нельзя было сказать об одиноком доме, из трубы которого вяло карабкался дым. На веранде у дома мирно сопела девушка в тёмно-зелёном платье. Перед ней на столе тускло горела лампа, подсвечивая прикрытые веки.

Раньше здесь жила её мать — высокая девушка с миндальными локонами и глазами лисицы. Она постоянно ловила юркую курносую девочку за воровством яблок, а после они хохотали и пили чай с дымящимися кренделями на этой веранде. Агний приезжал сюда когда-то давно. Он успел застать и смерть матери, и, теперь, смерть тётушки М.

От скрипа лестницы веки девушки приоткрылись. Её взгляд упал на столь знакомые ей поясные пробирки.

— Привет, незнакомец. — сказала она вполголоса.

Александра изо всех сил пыталась не закрывать глаза, но усталость брала верх. Травник, дрогнувший от её голоса, подхватил девушку через плечо и отворил дверь, что своим скрипом заставила собак в соседнем дворе завыть.

В доме царили прохлада и аромат мёда с орехами. Александра ступала босыми ногами по лестнице, ведущей в главную спальню. С каждой ступенью она всё больше опиралась на травника, пока не сдалась окончательно.

— Всего пара ступеней осталась. — подталкивал её Агний.

Александра заглянула травнику в глаза. Взгляд её помрачнел, а ноги подкосились.

— Я знаю, Агний. — выдохнула она и упала от истощения прямо в его руки.

Тёмно-зелёный подол не успел коснуться пыльных трещин лестницы. Агний успел вовремя её подхватить и, преодолев последнюю ступень, оказался в спальне, откуда из панорамных окон виднелся окутанный ночью яблоневый сад. Кровать из красного дуба, тёмно-бордовые шторы, вязаный на заказ ковёр, который он когда-то привёз из порта «Худая русалка» и старое, измученное временем, настольное зеркало с туалетного столика — каждая вещь напоминала ему о прошлом. На второй полке снизу, где он и ожидал его увидеть, лежало аккуратно свёрнутое хлопковое одеяло. Тётушка М располагала парой таких, хотя одно на деревню уже считалось своеобразным богатством. Александра сопела, уткнувшись носом в подушку, тихо бубнила и ёрзала ногами, пока Агний не накрыл её одеялом.

— Не уходи, прошу тебя.

Ледяная дрожь пробежала по спине травника. Его взгляд остановился на лестнице, мысли окутал непроглядный туман. Стиснув зубы и сжав кулаки, он вслепую шагнул вниз, чуть не соскользнув со ступени.

— Подкину дров. — прошептал он, скрывшись во тьме.

Коридор до кухни украшали портреты: вот тётушка М пьёт вино рядом с вороным конём, за ней Александра собирает подснежники, дальше по коридору висит какой-то неизвестный травнику кузнец, а за ним... Агний замер и всячески вглядывался в картину, неспособный поверить своим глазам — на холсте стоял он. Он, Александра и ещё пятеро выпускников университета «Кровавая роза» держали в руках плетёные корзины с цветами. Среди букетов аккуратно лежали именные свитки выпускников направления «травы и отвары». Такие картины писали к каждому выпуску, но они всегда оставались на кафедре…

— Сколько же вы заплатили, чтобы её переписать… — взглянул он на даму с бокалом вина.

Агний смог отличить копию исключительно по цвету глаз Александры. На оригинале она постоянно ворочалась и чихала от пыльцы. Три часа пытались запечатлеть столь знаменательный момент. Солнце уже садилось и, видимо, било художнику в глаза, вот он и перепутал зелёный отблеск глаз Александры с золотым, а на этой картине всё было правильно.

«Вы знали, куда вкладывать свои сбережения, тётушка М», — подумал Агний, оторвав взгляд от картины. В печи тлели последние черенки.

Тётушка М любила Александру как младшую дочь, а Агния — как первого и единственного сына. У неё была своя дочь, но она умерла от чумы, будучи ребёнком. В этом доме всегда не хватало любви, пока на каникулы не стали приезжать в деревню юные травники с города. В окрестностях собирать было нечего, потому по ранней весне всех отправляли в деревни, где можно было поохотиться на нечто стоящее. По пути к кухне стояла приоткрытая дверь в библиотеку. Среди вплотную забитых полок он нащупал твёрдый том, размером с целый кулак, и положил его на стол.

Некогда по этим страницам они учились определять растения. С того времени произошло множество открытий, переворотов в травоведничестве и приготовлении отваров. Сейчас это издание молодые травники назвали бы старьём, пылью! Да только было среди этих страниц нечто особенное. В конце определителя поверх страниц были нарисованы самые редкие цветы этих краёв. Один из них — громоотвод обыкновенный, был не просто зарисован — рядом с ним лежал высушенный синий лепесток, обугленный по краям. Под ним было начертано:

«В любой развитой чаще леса есть семена громоотвода. Когда начинается гроза, семечки стремительно всходят. Было описано, как раскрывшиеся бутоны находили рядом с лабораториями, где взрывались пробирки. Значит, они реагируют на высвобождаемую энергию, а не на молнию, однако, в молнию их найти будет легче всего. Обычно один громоотвод всходит на свободном участке чащи: лужайке, месте сруба деревьев, т.д.

Как только он взойдёт, синие лепестки бутона вытянутся вверх, но он будет оставаться закрытым, пока угрозы молнии не предвидится. Он будет менять своё положение, выслеживая её, а затем, когда молния захочет ударить — бутон раскроется, притягивая в себя энергию. На месте удара остаётся небольшой кратер, большая часть энергии уходит через вытянутые корни в землю, поэтому огонь на месте удара не появляется. Если цветок не поймал молнию за время грозы — его бутон увядает в течение одного часа. Тот, кто успеет срезать его живым, может приготовить отвар «молния в банке», который высоко ценится королевской стражей.

Применение: банку с отваром не открывать. При приближении врага плотно закрытую банку встряхнуть и кинуть. Если погода облачная, как только стекло лопнет — в это место ударит ошеломительная гроза.»

Инструкция по приготовлению была вырезана из тома, однако Агний помнил её наизусть.

— Один лепесток громоотвода, 20 миллилитров стабилизирующей вытяжки… — проговаривал он, закладывая дрова в печь. — Температуру выставить так, чтобы ладонь можно было держать у огня не более трёх секунд. В целях безопасности готовить днём, в ясную погоду и при отсутствии ветра с северо-…

Вдруг из спальни послышался звонкий треск. Александра, пытаясь дотянуться до тлеющей лампы, уронила на пол настольное зеркало. Осколков не было, но стекло покрылось паутиной трещин.

— Почему ты не спишь? — спросил подоспевший Агний.

— Мне подумалось, ты ушёл.

В углу комнаты стояло старое, заваленное покрывалами кресло. Травник освободил себе ложу и устроился поудобней.

— Засыпай, я буду в этой комнате до утра.

Александра поправила под собой подушку и впервые за их встречу сверкнула глазами во тьме, поймав на себе взгляд травника, но лишь на мгновение.

— Ты тоже ложись, на стуле спать неудобно... — прошептала она, проваливаясь в сон.

Ночь шла. Луна протиснулась в щель между штор и посмотрелась в треснутое зеркало, отражаясь тысячей ликов по всей комнате. Погладила девушку по лицу, пролилась с кровати на подлокотник, где покоилась рука Агния, которую она явно не ожидала здесь встретить.

Солнце не спешило вставать. Оно медленно карабкалось по горизонту, пробиваясь сквозь наплывшие с севера тучи.

С каждым шагом за ноги цеплялся липучий мороз половиц. По печи больше не прыгали огни, от вчерашних дров осталось лишь небольшая кучка пепла. В лучах рассвета Агний приметил топор, стоявший в деревянном ведре. Взяв в одну руку ведро, а во вторую топор, он вышел на улицу.

Утренний мороз покрыл руки мурашками. Вдохнув полной грудью, Агний пошёл к колодцу, пиная по пути опавшие яблоки. Отставив в сторону ведро с водой, что пойдёт на утренний чай с мёдом и травами, он принялся за дрова.

Вокруг пня для рубки валялись толстые брёвна, покрытые тупыми ударами, но не расколотые до конца. Один за одним они превращались в будущее тепло для этого похолодевшего дома. Взмах за взмахом травник колол дрова, словно не прошло тех долгих лет, что прошли в мгновение ока. Погрузившись в воспоминания, он не заметил, как работа кончилась — оглянулся в поиске пропущенных брёвен, но наткнулся взглядом на застывшую у штор фигуру. «Александра» — выдохнул Агний. Огоньки вспыхивали в её бездонных глазах, словно в тём-

ной печи. Она смотрела на травника и, казалось, не могла поверить, что он настоящий, что он приехал.

Александра ждала на пороге, пропуская Агния с полной охапкой дров. От её платья веяло обожжённой мятой, терпким мёдом и молотыми орехами.

— Я сейчас заварю тебе чай, только печь растопится.

Они стояли посреди комнаты и молча смотрели на разгорающееся в печи пламя. Александра всегда умела выглядеть безупречно: вне зависимости от времени суток, места и состояния, Агний видел её прекрасной. Однако, как бы она не чаровала своей красотой, Агний знал её немного лучше, чем остальные. Пусть она выглядела молодо, хитро и живо, пусть возраст не искажал её лица и кожи рук — одно в ней неизбежно изменилось. Огонь, некогда пылавший в её глазах, ослаб. Угас настолько, насколько угасает человеческая душа в последнюю неделю жизни, изуродованная изнурительной болезнью. Они сели за стол, посреди которого стояла расписная чаша с красными яблоками. С минуту стояла тишина, пока Александра не разрушила её:

— Спасибо тебе, что приехал. Тётушка часто тебя вспоминала, просила написать первому после смерти. Я так и сделала.

— Правильно. — Агний взял яблоко и начал крутить его в руках. — Этот дом теперь твой?

— Да, она оставила в наследство мне всё имение. Я думаю о продаже.

— Серьёзно?

— Какой толк от такого большого дома, если…

Не успела она закончить, как оба столкнулись взглядами, замерев. Агний больше не дёргался, не искал по углам свидетелей его слабости — он блуждал по тропам её болота, искал среди них что-то знакомое, потянулся за вторым яблоком и столкнулся с ледяной от страха рукой. Оба дёрнулись, как ошпаренные, когда на печи засвистел чайник. Комнату окутал запах чёрной смородины, мяты и жареного чабреца.

— Я должна тебе кое-что показать.

Не отрывая взгляд, она медленно обхватила вырез платья и потянула малахитовую ткань вниз. Лучи солнца обжигали бледную кожу, по которой тянулась одинокая чёрная нить. Вдруг, травника ослепило — лучи солнца отскочили от ключа, что висел на её шее.

— Она сказала, что ты знаешь, от чего он.

Травник прищурился, вызвав явное возмущение на лице Александры.

— Я не имею ни малейшего представления.

— Что же, — она протянула Агнию ключ и сняла с печи чайник, — теперь он твой.

Травник перебирал воспоминания, отпивая горячий чай.

— Этот ключ должен много значить, раз тётушка попросила тебя связаться со мной.

— С момента, как она заболела, я готовилась к отправке этого письма. Ты не представляешь, как тряслись мои руки. — она тяжело выдохнула и покачала головой. — За тобой никто не следил?

— Никто. — отставил он чашку в сторону. — Главное, что Эбигейл...

— Она уже совсем большая? — перебила вдруг Александра. — Она, как и хотела, пошла по твоим стопам?

— Она думает. — сказал травник, покачав головой. — Я учу её, она помогает готовить отвары, но мечтает, как Феофан, охотиться на чудовищ.

— Кто не мечтает быть как Феофан… — усмехнулась Александра и выглянула в окно.

В просветах забора бегала детвора, блуждали жители и проезжали редкие повозки. Издалека доносился смех, брань и шутки, а яблони у забора, как им и полагает, беднели. Воришки-братья, жившие по соседству, уже убежали к реке и делили награбленное. Покой и обыденное

счастье текло через крохотную северную деревню, но даже в таком месте не всем доставалось испить его вдоволь.

— Мне не стоило просить тебя остаться, Агний…

Не позволив себе ни взгляда, ни слова, травник поднялся из-за стола. Сжал в руке яблоко и скрылся во тьме коридора, оставив чай недопитым.

Окно библиотеки выходило на задний двор, где спели яблони и цвели за ними поздние сорта вишни. Забор был усажен малиной и чёрной смородиной, в которой они с Александрой копались когда-то очень давно. Тётушка М всегда подкладывала Агнию цветы, когда он до ночи сидел в библиотеке. Один образец он всегда оставлял на гербарий, а остальные дарил Александре. Они ходили вместе по грибы, жарили мясо на речке и писали до ночи отчёты, пока она не засыпала с пером в руке и не просыпалась под шёлковым одеялом. Агний не любил вспоминать сколько прошло лет с тех пор, но и забыть было практически невозможно.

Он аккуратно вытаскивал книги, читал названия и ставил обратно. Вот потёртое «Гербарное дело. Том 1», за ним «Бестиарий лесов дальнего севера», что своим переплётом прилип к запылённому трактату, обложка которого была полностью заляпана чернилами. Ещё несколько минут он переставлял книги с полки на полку, сдувая пыль с переломанных корешков. Тётушка М любила прятать ценности в библиотеке, ибо только они с Агнием открывали её, однако в этот раз она была пуста.

Сжав со всей силы ключ в руках, он пошёл обратно по коридору.

Пар со вкусом чёрной смородины поднимался вверх по мокрым щекам Александры. Лучи солнца переливались в её слезах, но Агний не был их свидетелем. Он стоял у порога, держась за дверную ручку, собираясь с мыслями.

— Прости, прости…Это всё я! Я! — донеслось с кухни. — Какая я слабая! Прости меня!

Стиснув зубы, Агний отворил дверь.

Вдалеке кричали вороны. Агний остановился у калитки и проводил взглядом поместье, как вдруг шум колёс заставил его обернуться. К четвёртому дому приближался караван. Длинная цепочка повозок, увешанная ящиками, шкурами, одеждой и драгоценностями петляла меж улиц деревни подобно змее. В своём животе она расположила пару карет с купцами, дремавшими после плотного завтрака.

— Тебя как в эту глушь занесло, Травник? — крикнул кучер во главе каравана, останавливая лошадь, — Тебе что, в своей добра мало, чужие уже обираешь?!

Смех извозчиков заставил воронов вспорхнуть с ветвей сада. Казалось, они появились словно из ниоткуда. Агний стряхнул с себя нечто, что так усердно высматривал в его лице кучер, и подошёл к первой по счёту повозке.

— Подбросите? — протянул он руку вверх.

— Ну а как же, к тебе едем всё-таки. Но-о!

Лицо кучера напоминало разделочную трактирную доску: такое же плоское, изрезанное и пропитанное небылицей. Оно улыбалось в свои три и два зуба, торчащие сверху и снизу, когда руки его замахнулись, хлыстнув по спине лошадь. Голова двинулась, чёртова дюжина повозок тронулась следом. Позади Агния люди в дорогих костюмах считали вполголоса налог, пересчитывая по пальцам бочки с вырезанным на них «полусладкое», ящики с одеждой, кожей и сувенирами. Считали всё, что везла соседняя повозка: оленьи рога, амулеты, колбы с отварами. За ними ехала, как тому полагает, охрана, а вот дальше... Накрытая тканью повозка и кучер, рядом с которым сидели двое охотников на чародеек.

— Что, хочется посмотреть? — кивнул кучер, — Там зрелище жалкое, не стоит. Эту нам отправили на казнь, ты слыхал уж про указ новый?

— Пришлось. — ответил он безучастно.

— Никому не нравится, но что поделать! Вот я тебе что скажу. Чародейка эта нас только медлит. Люди постоянно напряжённые, даже переночевать спокойно нельзя, у половины вон, глаза смыкаются на ходу. Боятся, что околдует их, бараны необразованные!

Кучер обернулся назад и прокричал, чтобы весь караван услышал:

— Боятся, что девчонка в кандалах их околдует и они своего соседа за жену примут! А-ха-ха-ха-ха-ха! — захохотал он, спугнув всех животных в округе. — Так вот, мы бы её сбросили у вас в деревне, да и поехали с чистой душой!

— У меня в этот раз отваров немного.

— Да ладно тебе! Это за прошлые заслуги благодарность!

— Мы её наконец-то казним-с? — послышался голос упитанного господина, высунувшего голову из окна кареты.

— Да, как следующую деревню выкупим! — отозвался кучер.

— Только я хотел бы срезать волос, дочурка просила сувенир. У вас в деревне есть хороший цирюльник-с? Хотя нет! — поднял он мизинец вверх. - Я сделал бы это сам!

Агний и кучер переглянулись, не проронив ни слова.

***

Лошади тяжело дышали, упорно двигая повозку с храпящими купцами. У кучера слипались глаза. Он щурился, пытаясь разглядеть дорогу впереди, но безуспешно.

— Остановка! — рявкнул он, бросив вожжи в сторону.

Одна за другой повозки завернули на небольшую полянку, в сердце которой ютилось тлеющее кострище.

Товарняк встал полукругом на поляне, а замыкающие — напротив, по ту сторону дороги, там же остановились и охотники. В свете ламп за изношенными волчьими шкурами проглядывался облик металлической клетки, в которой обычно перевозили диких животных или особо непослушный скот. Луна вышла из-за облаков, её свет пролился сквозь хвою деревьев на силуэт, что пытался выбить из огнива искры.

Купцы уже спали, откинувшись на бархатных сиденьях карет, извозчики собрались у занимающегося костра, а охотники, приподнимая волчью шкуру, о чём-то шептались. Ночь брала своё. Путники проваливались в сон под треск и щёлканье раскалённых лучин, накрытые звёздным одеялом и одним большим-большим ночником. Агний не отрывал глаз от повозки: полотно время от времени аккуратно дёргалось, точно ветер пытался стянуть его вниз и обнажить чудовище, скрывавшееся под ним. Было это настолько неуловимо, что измученные дорогой охотники не обращали внимание. Две лампы, висевшие на концах повозки, грели их макушки, медленно опускающиеся вниз.

Агний лёг на бревно, положил руки под голову и вдохнул прохладный дымный воздух. Перед ним расстилалось полотно безграничного неба, полного далёких светил во главе красавицы Луны. Казалось, достаточно вытянуть руку и прикоснёшься к чему-то необузданному. Казалось всем, да не травнику, чей глаз приковали всего два недалёких светила, покачивающихся на лёгком ветру.

— Травник, у вас как с чародейками в деревне? — прозвучал сиплый голос у костра.

— Не видали. — повернулся травник к старику, что грел над пламенем белый гриб.

— Везёт вам. У нас в городе целая катастрофа, каждую неделю новых находим, такими темпами в темницах место кончится, придётся на месте казнить.

Он откусил с обугленной шпажки гриб и его сок брызнул на угли, поднимая в воздух дурманящий запах лесного существа. На мгновение Агния утянуло в воспоминание, где они с Александрой сидели бок о бок у костра и пахло так маняще жареными грибами, и была такая ночь, о которой только в книгах и пишут… Пелена прошлого застелила глаза, но, помотав головой, он откинул её обратно.

— А эту за что? — спросил Агний, кивнув на повозку с тремя лампами.

— Нам много не рассказывают, но я слышал, что она пыталась пробраться в здание университета, на кафедру травоведничества. Хотела выкрасть что-то. Рецепты зелий, наверное, али травы какие.

— Прямо на кафедре и поймали?

— Да если бы. — старик стянул с ног ботинки и вытянул носки к жару костра. — Она успела их кому-то передать перед задержанием, сейчас расследование в городе идёт, пытаются установить, чего на кафедре не достаёт.

— А ещё говорят, дала такой бой, что двое до сих пор в госпитале лежат. Нам не говорили, что с ними, правда. — проснулся второй.

— Так никто и не скажет! — перебил их третий извозчик, что вертел в руках походный нож. — У меня жена врачевательница, она одного из них обрабатывала. Бедный малый. Ни с кем не разговаривает, всё лицо в порезах глубоких, а как своего напарника видит — сразу кричать начинает. И взгляд у него такой... Никакой! Пустой, что ли...

Все тяжело выдохнули.

— Ничего, пока она в кандалах, бояться нечего. — обрубил старик и повернулся спиной к костру, укрывшись самой тьмой.

В глубине леса изредка перекрикивались вороны, ломая под собой мёртвые ветки. Костёр потрескивал, обжигая лучинками сапоги извозчиков. Агний повернулся лицом к пламени, и его грудь обдало теплом. Сердце забилось чуть чаще и воздух прогрел нутро. Было так тепло, словно он лежал на печи, что топят для варки картофельного супа с мясом ежа и свежесрезанными травами, как они когда-то ели в этих краях на учебной практике. Тёплые воспоминания грели душу… точнее сказать — обжигали! Агний отодвинулся в сторону от костра, но тепло продолжало нарастать. Он открыл глаза: костёр был обычным, даже слабым по здешним меркам, но что-то невероятно жгло сердце и грудь.

«Уголь подложили что ли?»

Наскоро он расстегнул рубаху и вытряс всё содержимо на землю. К его удивлению, никакого раскалённого угля на земле не оказалось. Лишь ключ, доселе лежавший в нагрудном кармане, теперь переливался в свете угасающего костра.

— Как ты смог так нагреться? — осмотрелся Агний по сторонам.

Извозчики спали как убитые. Их сон, казалось, не прервать даже пороховой бочкой. Купцы всё так же расплывались в своих каретах, обёрнутые в овечьи шкуры, сшитые надвое, ибо одной им очень часто не хватало. Да и последнее, чего им хотелось после изнурительного путешествия — издеваться над травником, у которого они вот-вот будут скупать отвары! Агний потянулся за ключом, как вдруг в кустах кто-то дёрнулся. Травник схватился за пояс с пробирками и замер, втиснувшись ногтем в пробку, готовый открыть её в любой момент.

Тишина окутала поляну. Костёр был слишком слаб, чтобы трещать, ветер слишком низменен, чтобы выть. Даже храпящие извозчики — все как один мирно вдыхали лесной воздух, не издавая ни звука. Единственное, что слышал Агний — стук своего сердца. Лес застыл. Притаился, готовый напасть. Вот-вот и деревья обрушат шквал шишек, и все мелкие создания прискачут, готовые покусать за ноги и руки. Из-под куста что-то медленно покатилось по холодной земле.

«Шишка?» — подумал Агний, как вдруг с громким криком из кустов вылетела чёрная ворона.

Лагерь вскочил. Арбалетные болты сверкнули в свете Луны, холодные лезвия кинжалов, жаждущие крови, выскочили из ножен. Лес смотрел своей тьмой в озирающиеся глаза извозчиков и непоколебимо ждал. Травник лежал на земле, вытянув руку в сторону куста, в котором никто больше не скрывался.

— Белка? — протянул ему руку старик.

— Да не белка… — отряхнулся он и поднял голову на кроны деревьев, за которыми скрылся пернатый силуэт, — Ворон...

— Ну что, всё в порядке ведь? — хлопнул он травника по спине и свистнул лагерю «отбой».

Действительно, всё было в порядке, не считая рубахи, валявшейся поодаль от Агния, что оставила его обнажённую грудь на обозрение лесу. От правого плеча вниз, до самого последнего ребра, тянулся давний глубокий порез. Накинув пыльную рубаху, он похлопал себя по груди. Лагерь провалился в сон, словно не было ни ворона, ни вскочившего травника. Лишь Агний не мог уснуть, ведь сколько бы он не водил руками по холодной земле — ключа нигде больше не было.

Глава 2

«Ваше Величество! Дворцовое управление по борьбе с чародейством и колдовством докладывает: за последний месяц были арестованы двадцать три чародейки и одна ведьма! Двадцать чародеек были отправлены под стражу по обвинению в особо опасных преступлениях, связанных с магическими злодеяниями. Остальные находятся в госпитале. Ведьму, по решению совета, решено казнить. Казнь необходимо провести за чертой города, как можно дальше от прилегающих деревень. Место казни прожечь костром. Ценности ведьма не представляет, о себе информацию не предоставила. Единственное, что удалось у неё обнаружить — кулон, внутри которого было выведено имя — Селена.»

Лучи рассвета расчёсывали лепестки подсолнухов, обращая к себе молодые семечки. Столь ранним утром редко кто мог помешать их ритуалу, но сегодня солнце без предупреждения скрылось — провалилось в желудок длинной змеи-каравана и несколько минут пробивало себе путь наружу, проваливаясь в разноцветные склянки и бутылки вина. Жители деревни высунули головы в окна, готовые выбежать навстречу каравану по первому же свистку. Однако, как подобает их деревне, ярмарка собиралась к вечеру, днём их ждали, по словам купцов, «торговые прелюдии»: скачки, песни, танцы и прочее, что веселило детей и возвращало человечность в этот деревянный облик змеи.

Агний спрыгнул с повозки и, кивнув на прощание извозчику, зашёл в дом. К его удивлению, на кухне его ждал абсолютно пустой стол. На печи в несколько рядов стояли колбы. В первой половине томилась волчья ягода с корнями светоцвета — излюбленный отвар для снятия слабых чар. За ними спрятались отвары из кровавой розы. По половине лепестка на колбу — как он и наказывал умелой Эбигейл.

Кровавая роза имела для травника особое значение. Пару недель назад медведь затоптал местного кузнеца. Вся деревня его оплакивала, днями караулили место смерти, пока в один из вечеров в дом Агния не постучал белобрысый, запыхавшийся мальчишка.

— Мистер травник! Выросла! Выросла!

В тот день ему удалось срезать кровавую розу. Единственное, что осталось от бедного кузнеца, пропитавшего землю своей кровью. Агний пообещал продать отвары на ярмарке и отдать им вырученное золото. За эти пробирки он отвечал своей совестью, своим словом.

Взгляд его пошёл дальше: полки над печью были уставлены отварами из небылицы бледно-жёлтого цвета. Этот отвар отрывали с руками все, особенно трактирщики. Трактир считался хорошим, если в нём на праздники давали одну деревянную кружку горячей небылицы с жареным на углях куском мяса, а вместе с ним приносили льняной мешочек с раздавленным гранатом и розмарином. После такого на утро ещё никому не удавалось вспомнить прошлую ночь.

Тем небылица и славилась.

Прервали размышления Агния шаги со второго этажа.

— Эбигейл, я дома! — крикнул он, переставляя колбы с печи в деревянный ящик, — Я удивлён, как ты успела сделать так много? Молодец!

Он поставил забитый доверху ящик рядом с печью и принялся наполнять новый.

— Молодцы! — поправила она, бодрым шагом проскочив через порог, — Без Алисы я даже половину не успела бы довести. Ещё дядюшка Феофан приходил вечером, помог немного. Он принёс мёд и за чаем рассказывал, как вы с ним ходили на охоту.

— Это на него похоже. — в одной из колб травник увидел отражение Эбигейл. Она молча выглядывала нечто во взгляде отца, пока глаза её не помрачнели.

— Тётушка Мари умерла? — спросила она, шагнув в сторону открытых створок окна.

Агний снял с полки пробирку и остановился, рассматривая разводы на стекле. Его пальцы по привычке начали перетирать что-то между собой. Обычно это были листы гербария, от которых его большой и указательный пальцы были навеки окрашены в замысловатый оттенок зелёного. Теперь тонкий слой марли, окутывавший пробку, медленно стирался под давлением его рук.

— Боюсь, что да. Мы больше не сможем туда приезжать. Дом скоро продадут, а жильцы съедут.

— Разве там много жильцов?

— Всего один. — отпустил он марлю и поставил колбу в ящик. — На лето туда больше не съезжаются.

Солнце преломлялось в мозаике окна и отражалось в пробирках, наполняя комнату разноцветными зайчиками. Один из них сел на плечо девушке, но тут же растаял в тени проезжающей за окном повозки. Эбигейл ушла, сказав лишь о том, что ей нужно к колодцу.

За утро Агний перетаскал всё необходимое к месту ярмарки. На один стенд приходилось по два человека: в этом году Агний делил его с женой кузнеца. Сгрузив отвары под крыло боевой женщины по имени Ликта, что даже в столь тяжёлое время не находила возможности унывать и встретила травника с горячими пирожками и объятиями, он шепнул ей что-то на ухо и, сжав руку расплывшейся в улыбке даме, положил под прилавок кожаный мешок для монет. Люди наполняли стенды битком и, пока оставалось немного времени, Агний решил проведать старого друга. Из ряда пробирок Ликта вынула кровавую розу и протянула травнику.

— Передайте ему, прошу. Я его знаю — от золота явно откажется.

Деревня гудела в присутствии караванных повозок. Жители колотили на центральной улице стенды, ставили плетёные корзины с грушевым печеньем и таскали провизию. Единственный, к кому приходили лично, жил на окраине деревни, рядом с родником и полным пшеницы полем. От веранды дубовой избы, в окна которой постоянно подглядывали колосья, шла каменная тропинка, ведущая к стойлу с двумя резвыми лошадьми. Завидев травника, они забили копытами и закачали головами.

— Здравствуйте, хорошие. Как вы тут? — травник взял из ведра по морковке и протянул Астре и Гелиосу.

Вороной конь Гелиос наклонил голову и обличил травнику награды, свисавшие с балок его стойла: дюжина венков, фирменные уздечки и трофеи. Феофан с самого детства воспитывал этого коня, изъездил с ним скачки и местные, и городские. Среди прочего можно было разглядеть стальное копыто, а также золотую подкову — самую престижную награду этих краёв.

Астра — белоснежная лошадь с серебристой гривой, взяла морковку и отошла в тень, ударив носом по прибитому к стене колокольчику. Её стойло было пустым, лишь в углу разместилась пустая винная бочка, а на ней — венок из полевых цветов. Тот угол был слишком тёмным, чтобы вдоволь его разглядеть, но Агнию всегда мерещился в нём лакированный гребешок — давний подарок от Эбигейл. Со стороны дома послышались шаги. Девочка с охапкой свежего колоса, что гладил её по веснушкам, шла к конюшне. Астра и Гелиос вытянули шеи.

— Агний, здравствуйте! — положила она сено лошадям и приветственно поклонилась.

Каждый раз, когда Агний встречал Алису, улыбка озаряла его лицо. Среди полной деревни бунтарей, желавших стать великими травниками, охотниками и купцами, жила она — девочка, желавшая быть счастливой. Её рыжие волосы и веснушки прятали в себе солнце и отдавали его тепло даже в самые суровые зимы, а покровительство Феофана гарантировало безопасность и свободу. Пусть такие дары развратили множество благородных умов — Алиса была другой.

— Добрый день, Алиса. Рад тебя видеть, Феофан опять в лесу пропадает?

— Если бы! — отмахнулась она, — Он уехал по делам, Данко за главного.

— Данко? — поднял брови Агний, — Когда он успел приехать?

— Они с дедушкой разминулись в полночь. — Алиса нахмурила брови и добавила низким, насколько могла, голосом: — Неотложные дела, дорогая. — покачала она головой, — Данко, конечно, рассказывал, что иногда работа его неотложная, но чтобы в день ярмарки, когда скачки… — она погладила Астру по гриве и кивнула в сторону поля пшеницы.

— Если Феофан говорит, что дело неотложно…

— Значит его отложить нельзя… — продолжила Алиса, — Какая глупая фраза! Вы если пройдёте за дом — там есть выкошенная тропа, по ней до Данко доберётесь, может он что рассказать сможет. Мне он… — выдохнула она печально, — Ничего никогда не рассказывает.

По левую руку снопы сена отделяли тропу от леса. Густая чаща неохотно пропускала свет через плотные кроны, поэтому даже в солнечный день дорога казалась мрачной.

— Данко! — крикнул Агний, — Ты где?!

Колосья встрепенулись.

— Секунду!

Остриё косы блеснуло в воздухе. Взмахом она пронеслась по стеблям, сметая их на землю, открывая путь между старыми знакомыми.

Данко был высоким, худощавым юношей. Тёплый ветер трепал его пшеничные волосы и цеплял ворот расстёгнутой рубахи, усеянной обрывками травы, а солнце отражалось в золотом кольце поверх указательного пальца. Он закинул косу на плечо и крепко сжал изрезанную временем руку.

— Феофан запряг тебя на работу?

— Можно и так сказать. — посмеялся Данко, — Пару дней назад отправил мне письмо, чтобы я приехал, присмотрел за Алисой.

Данко был мудр не по годам, и пусть дух юношества бурлил в его сердце во всю — он шёл по стопам Агния. Шёл живой и невредимый, что для тех мест, откуда он приехал, было нехарактерно.

Схватив по охапке сена, они направились в сторону дома, с окна которого тянулся аромат жареных орехов — любимого лакомства Феофана. С порога глазу открывались стены, увешанные шкурами медведей и кабанов, рогами оленей и причудливыми лапами не то животных, не то чертей. Над каждым из трофеев висел небольшой лоскут кожи с выжженной на нём цифрой. По ним Феофан писал своё главное детище — бестиарий, лежавший на кафедре перед окном, дабы свет всегда проливался на драгоценные страницы.

Более двадцати лет заполнял его преданный делу охотник. Купцы выстраивались у его дома на каждой ярмарке и предлагали невообразимые вещи за том, толщиной с Феофанов кулак. Продолжалось это, пока он не метнул топор в стадо купцов, срезав штанину самому ярому, что стоял на коленях у стойла, не желая двигаться с места. Столько угроз в деревне ещё никто не слышал. Его дом грозились сжечь, лошадей изъять, а девочку отправить обратно.

Никто не осмелился.

Над обеденным столом отпечатался контур топора. Солнце выжгло его силуэт за годы, что Феофан провёл в этой деревне. Под ним пускало свои корни фамильное дерево, уходящее на пару поколений назад. На миниатюрном портрете совсем юный Феофан стоял плечом к плечу с утончённой девушкой в изысканном голубом платье. От них вниз вели две льняные верёвки — к Данко с Алисой и к Гелиосу с Астрой.

Травник снял с пояса пробирку и поставил в штатив на печи.

— Как твоя учёба, молодой травник?

— Представляешь, — развёл руками Данко, — никак. Помнишь, ты говорил, что на второй год начнутся зачарованные отвары, анатомия волшебных растений, практика кустарного зельеварения? Запретили! «Пропаганда чародейства и колдовства!». — последние слова он сказал с особой напыщенностью.

— А анатомию за что?

— Вот и я о чём! — он поставил на стол кувшин с холодным молоком и наполнил кружки. — Анатомия. То есть учить можно, а практиковать нельзя! Совсем с ума посходили. — он сел у окна и вскинул вверх руку, словно выкинув мысль из головы, — Зельеварение началось конечно, но в черте города особо трав не насобираешь, а на факультете все запасы засохли. Ещё и ведёт его какой-то М...

Агний вопросительно посмотрел на Данко.

— Мул...Мур... — он потёр затылок, — Мор, точно! Профессор Мор!

Избушку оглушил звонкий смех.

— Так и зовут?

— Да чёрт его знает. — махнул рукой Данко, — Я его не видел ещё, да и что я там не знаю на этом зельеварении.

За окном показалась красавица-Астра. Серебро её пышной гривы переливалось в лучах солнца, она била копытом о землю и кивала головой на кожаную уздечку, висевшую за спиной Агния. Вдруг, в дверях появилась Алиса, и то ли солнце падало под правильным углом, то ли трофеи животных украшали её черты, но именно сегодня он увидел в её образе лисицу, о которой все ему твердили. Острый нос и хитрый, звериный взгляд, под которым блестели золотом созвездия веснушек.

— Скоро скачки. — сняла она уздечку с петли. — Я заберу Эбигейл, вы тоже приходите! Там, говорят, кто-то из королевства прискакал.

Фыркнув, девушка вынырнула из дома и испарилась под звонкое «но-о!». Осушив стаканы, двое пошли следом.

У подъёма в стоящую на холме деревню открывался непостижимый королевскому уроженцу вид: в палитре дурманящих цветов проглядывались вытоптанные дорожки, пробегающие между летними беседками и возвращающиеся к главным воротам. На крышах беседок развивались красные флажки — ориентиры для наездников. Они вели вниз и вглубь чащи, где за тёмными кустами скрывалась тропа. Редко в этих краях заходили в эту часть леса, оттого лишь смельчаки знали, что слишком узкой была та тропа для двоих.

У первого флага тем временем собралась толпа. За спинами наездников стояли деревянные бочонки, в которые с огнём в глазах ссыпали монеты и местные, и приезжие. Пять бочонков — пять претендентов на столь незначительную, по меркам королевства, награду. Обычно всё богатство ставили на Феофана, но в этот раз выбор оказался между Алисой и гостем из далёкого королевства. Они стояли по разные концы шеренги, но его гору монет можно было увидеть издалека. Самого наездника, однако, загораживала толпа, скандирующая хвалебные и мотивирующие слова.

Алиса и Эбигейл о чём-то шептались, как вдруг кто-то шумно выдохнул за их плечами. Обернувшись, они встретились с невозмутимым, величественным Гелиосом. Он вежливо ткнул Эбигейл носом и подошёл к Астре. Взволнованная доселе лошадь оживилась и прислушалась к еле слышному фырканью Гелиоса. Кивнула и устремила свой взгляд на тропу.

— Готова? — похлопал Данко сестру по плечу.

Алиса кивнула на полный монет бочонок, что впервые не грел своей полнотой её спину и обернулась. Острый, обрамлённый веснушками взгляд никак не мог выцепить силуэт жокея, вселявшего ужас в соперников, как бы сильно она не вытягивала шею. Бочонки соперников, к слову, были пусты, кроме одного. Маленькая девочка вытянула руки вверх и положила букет из ромашек женщине, что расчёсывала золотистую гриву лошади. Толстые пальцы указали на неё.

— Не переживай, девочка, если она выиграет, мы тебе удвоим — ещё ромашек нарвём! — расхохоталась толпа купцов, облепившая гору монет.

Гелиос покосился на них, и тёмный взгляд его пересёкся с конём, на которого взобрался высокий силуэт в тёмной мантии. Среди лошадей считалось этикетом поздороваться: мотнуть мордой или, хотя бы, хвостом, но этот конь, хоть с виду и благородный, качался из стороны в

сторону, а глаза его, налитые кровью, не находили себе покоя. Гелиос цапнул Алису за рукав и кивнул на пробирки, висевшие на поясе травника.

— Они лошадь напичкали отварами! — всплеснула руками Алиса, — Конечно так любой выиграет, какой толк?!

Эбигейл хотела сказать нечто для неё важное, но Данко её опередил.

— Отвары — это, конечно, беда… — протянул он, перекручивая на пальце кольцо. — Да только можно его обогнать.

— У меня не магический конь, не зачарованная уздечка… Не отвары за мешок золотых, от которых конь как ураган мчится!

Данко сверкнул глазами, стянул с пальца кольцо и бросил в бочонок. Оно ударилось о скудную подложку монет и пару раз перекрутилось, прежде чем застыть окончательно. Глаза Алисы округлились, она хотела ударить брата по груди, крикнуть, чтобы он забрал его обратно, но стоило кольцу упасть — прозвенел горн.

— Ставки закрыты! Претенденты, седлайте коней!

Гнев в глазах девушки прожигал Данко насквозь, но за долгие годы он был одним из немногих, кто смог выработать к нему стойкость. Кивнув ей в сторону чащи, он занял место на скамейке и принялся ждать.

Впервые Алисе удалось взглянуть на фаворита. Его вороной конь походил на Гелиоса всем, кроме невозмутимости. Голова его тряслась, глаза бегали из стороны в сторону и копыта били о землю, поднимая в воздух пыль. Тёмная мантия наездника сливалась с конём, образуя, казалось, одно целое. Лишь руки его, изящно-тонкие, держали трясущуюся уздечку.

— Готовы?! — донеслось позади.

— Да! — крикнула Алиса в ответ.

Она была единственной, чей голос отчётливо отзвенел в ушах судьи. На мгновение он замешкался, обернулся к купцам, но те разом кивнули и, наконец, горн протрубил во второй раз.

Во весь голос ликовали купцы, когда их любимец вырвался вперёд, не оставив ни единого шанса остальным. Было заметно, как в глазах наездников потух огонь, стоило пыли подняться от стремительно удаляющихся копыт. Потух у всех, кроме Алисы. Она гналась за развивающейся на ветру мантией, как лиса гонится за зайцем.

— Что думаешь? — кивнула Эбигейл отцу, — Если он первый в чащу зайдёт, то вверх до финиша с ним уже не сравняться будет.

Агний взглянул на Данко, Данко взглянул на Гелиоса. Из четверых он был единственным, кто со спокойствием наблюдал за Астрой, словно всё так и должно быть.

— Будем надеяться на чудо. — посмеялся Агний в ответ.

Алиса вцепилась со всей силы в седло. Топот копыт бил по ушам, а перед глазами, казалось, существует только добыча, которая становится всё ближе и ближе. Купцы повставали на носочки, деревенские сжали кулаки и, наконец, выдохнули. Их ставка зашла в чащу первой, и пусть Алиса нырнула в колючую тьму следом, это уже ничего не значило. На лице Эбигейл проскользнуло недоумение. Словно что-то было не так. Она знала, что именно, но объяснить никому не могла.

Тем временем последний всадник скрылся. Его лошадь застыла перед чащей и, внимательно оглядевшись по сторонам, прогулочным шагом скрылась во тьме тропы. Болельщики замерли в ожидании. Настала тишина, в которой плескался шёпот купцов:

— Ты срежешь!

— Почему я должен?! Тебе письмо пришло, ты и режь...

— Болван! Я тебе это письмо…

Вдруг, между деревьями мелькнула белоснежная грива.

— Смотрите! — крикнула девочка с ромашками, указывая пальцем на тропу. Нечто заставило пыль подняться непроглядным облаком. Этому «нечто» некогда было присуждено имя цветка, отражавшегося своей красотой в звёздном небе — Астра. С неистовым рвением она мчалась вперёд. Данко и Агний вспрыгнули со скамьи. Эбигейл, однако, в недоумении смотрела на свои руки, изредка поднимая глаза на Алису, стремительно приближавшуюся к финишу.

— Магический, верно, конь. — не верил своим глазам Агний.

— Да не… — махнул рукой Данко, — Зачарованная уздечка!

Вслед за Алисой с чащи показался ошарашенный конь и его наездник, с которого в порыве гонки слетела мантия, обнажая молодого юношу — ровесника Алисы. Ветер зачёсывал его растрёпанные волосы назад, бился об острые черты лица и падал вниз, смахивая текущие со рта лошади слюни.

Втаптывая траву копытами, стремилась вверх по холму Астра. Бутоны цветов кренились при её величии, а болельщики кричали во всё горло «не-е-е-е-т». Лишь Агний, Данко и Эбигейл зазывали руками к финишу. Эбигейл достала из-под лавки венок и побежала встречать.

Под разочарованные всплески рук пронеслась, сметая финишные флажки, Астра. Не успела Алиса слезть с коня, как на её шее оказался венок из полевых цветов, что выглядел чуждым на фоне раскалённых щёк и веснушек. Глаза лисицы, наполненные злостью, отвернулись от крохотной толпы, кричавшей овации.

— Видишь, стоило мне подкинуть кольцо!

Алиса отмахнулась, стараясь протиснуться к финишной черте и встретить серебро, но стоило юноше в мантии пересечь черту — конь его повалился на землю, а сам он, окружённый разъярённой толпой, вынужден был отступить вглубь: в беседку, где сидел особо раскалённый купец. По его лицу можно было подумать, словно он сам только слез с коня, так ещё и финишировал первым, не менее!

— Я же говорила, что ты выиграешь… — прошептала Эбигейл и только сейчас взгляд Алисы переключился на окружавших её людей.

— Как ты… — оглядела её с недоумением Алиса. — Впрочем, неважно! Данко!

Она попыталась ударить брата под дых, но тот ловко отбил её руку и кивнул на Астру, что обливалась слюнями при виде колодца. К удивлению Алисы, почти все финишировавшие лошади вдоволь упивались водой — это не то, чему учил её Феофан. Сжав кулаки, она извинилась и отошла в сторону от людей.

— Сначала — прогулка. — процитировала она нарекания и повела Астру в сторону.

Ветер гнал ароматы цветов вверх по холму. Алиса вела лошадь по тропе и высматривала вдалеке силуэт. Наконец, взгляд её зацепил тёмные локоны. В тесной беседке над ним возвышался толстопузый купец. «Над ним» было, конечно, преувеличением, ибо купцу пришлось встать на скамейку, чтобы говорить сверху вниз. Вытянув указательный палец, он тыкал парню в лицо и невнятно рычал, клацал зубами и махал руками в стороны. Его грудь надулась от возмущения, и, казалось, пуговица вот-вот выстрелит в лоб не хуже арбалетного болта. Вдруг, Астра замерла, пропуская кого-то перед собой.

— Ты победительница! — проголосил звонкий девичий голос.

Кроха с золотой косой стояла у ног Алисы и протягивала букет ромашек.

— Спасибо, дорогая, — села победительница на корточки, — но я хочу, чтобы ты отнесла этот букет маме, хорошо?

— Хорошо! — одобрительно кивнув, она развернулась и побежала к девушке, выгуливавшей своего коня у подножия холма. Неподалёку послышался голос трактирщика, гласивший о бесплатной выпивке для наездников и сахаре для их лошадей.

Вечерело. Напротив трактира танцевала толпа, отбивая каблуки в старом амбаре, переколоченном под фестивальные застолья. Люди то и дело бились плечами в распахнутых воро-

тах, стараясь протиснуться внутрь. У стен амбара сидели за столами те, кого ноги уже не держали: через окна им подавали кружки и наполненные до краёв миски. От горячих угощений вверх тянулся пар, он устремлялся в широкий просвет крыши, вырубленный специально для главной ночной гостьи, дабы она могла благословить своим светом праздновавших людей.

— Не-бы-ли-ца! Не-бы-ли-ца!

Алиса в этот вечер отказалась от выпивки, как отказывалась и во все другие. Будь она дочерью любого другого жителя этой деревни — её, по традиции, освистывали бы всю дорогу до трактира. Алисы эта участь не касалась. С Эбигейл они танцевали в амбаре, кружились и пили холодный мятный чай. Казалось, они единственные, кто сидел за столом с чайником, (и парой жареных на костре медвежьих рёбер, маринованных в гречишном мёде и остром зелёном перце, чей запах восходил к самым звёздам), однако в углу Алиса приметила знакомые черты.

Он сидел за пустым столом, вскинув голову к просвету в крыше. Звёзды всё ещё прятались, но Луна светила сегодня ярко. Её половинка нависла прямо над толпой и покачивалась из стороны в сторону. По крайней мере так казалось тем, кто не выработал привычку закусывать.

Силуэт ворона пронёсся, разрезая собой Луну.

Пока народ веселился, купцы старательно рассматривали подготовленные для них товары. Чтобы далеко не ходить, караван было решено прикатить поближе. Змея повозок извилась, вытянулась полукругом и позволила извозчикам перетаскивать ящики, пока купцы отсчитывали кожаные мешочки.

— Вам серебром али золотом? — спросил один из купцов Агния, что забивал оставшийся ящик колбами.

— Золотом.

Одна за другой на небе начали загораться звёзды, словно лампы в одном необъятном ангаре. В руках Агния оказалось два увесистых мешочка. Кратко оглядевшись, он скрылся за стендом и бросил один в барсетку Ликты, отлучившейся за детьми.

В сторону каравана пронеслась девушка, чуть не врезавшись в толпу извозчиков. В обугленных верхонках теплился глиняный горшочек, из-под крышки которого сочился наружу пар. Охотники на чародеек при её виде оживились, выпучили грудь и задрали вверх подбородки, но она прошла мимо. Ткань на клетке, которую они охраняли, дёрнулась.

Вечер брал своё. Местный фонарщик плёлся с лестницей от столба к столбу. В любой другой день фонари здесь не зажигали, они горели в особые праздники и, конечно, во время ярмарки. В пламени разгорающегося фонаря показалась Эбигейл. Вместе с отцом они начали прибирать лавку, пока народ медленно перетекал в их сторону.

— Алиса не с тобой? — удивился Агний.

— Она скоро придёт.

— Тогдапотащили. — кивнул он на ящики из-под отваров и, сложив их друг на друга, двое отправились во тьму дороги.

Фонарщик — одинокий старик, жил в конце деревни и начинал зажигать лампы с дома Феофана, ковыляя через трактир в сторону главной арки. В особые дни он спускался к лампам внизу холма, но только с парой крепких ребят. И не потому что лестница была тяжёлая или кончались силы бить кусок кремня о сталь, а потому что лес, окружавший деревню, никогда благой славой не обладал. Вечером лишь отчаянный смел ступить за порог лесного царства, но такие долго здесь не задерживались.

До дома Агния фонарщик ещё не дошёл, поэтому приходилось всматриваться под ноги.

Пиная с дороги камни, Агний и Эбигейл болтали о вечерних звёздах, скачках и фирменных медвежьих рёбрах, рецепт которых ни одна кухарка в деревне так и не смогла выудить у гордого своим детищем трактирщика. Со стороны ярмарки послышался звон колокольчика.

— Дамы и господа! — донеслось издалека, — От лица всего каравана я выражаю свою благодарность жителям деревни за ваш труд! Уже целый год мы специально берём с собой

дополнительную повозку только ради вашего поселения — он поднял указательный палец вверх и с особой сладостью произнёс: — и ни разу вы нас не подвели!

Эбигейл закатила глаза и поставила ящик на крыльцо.

— Интересно, они на каждой остановке это говорят или через одну.

— Их только под небылицей и слушать, ты немного выпила?

Девушка замялась, потыкала носком ящики и повернулась в сторону ярмарки.

— Да не пила я! Без Алисы не стану…

Агний упёрся руками в бока и рассмеялся.

— Ты перед кем взрослую строишь? — потрепал он её за волосы, — Для меня ты и так взрослая, скоро уже покинешь меня. Небылица уж точно меня не волнует, а вот…

Нечто промелькнуло в глазах девушки, и не дав отцу договорить, она со всей силы обняла его — главного и единственного члена семьи, которого она вот-вот покинет ради своего будущего, как все «взрослые» дети в этой деревне. С ярмарки вновь донеслось:

— И, таким образом, вы вновь становитесь лучшей деревней! Это значит, что вам полагается особый приз!

Столь яркие речи никогда не были частью празднований, оттого нечто фальшивое, нечто смутное цеплялось к разгорячённой коже слушателей, покрывая её мурашками. Обычная ярмарка кончалась большими костром — ведьминым, как принято было его называть. Костёр, песни и танцы. Караван никогда не задерживался дольше положенного. Из раза в раз купцы скупали всё подчистую, выезжали за ворота, где шум празднований их не достанет, и, с первыми лучами солнца, двигались в путь. Даже Феофан за все свои годы исключений не встречал, хотя он бы точно почуял неладное.

— Смотри, — указала Эбигейл на дубовый пень, когда они возвратились к ярмарке, — оттуда лучше видно будет.

Взобравшись наверх, взору их предстал переваливающийся с ноги на ногу купец. Он бормотал слова, но их смысл терялся где-то в толпе, что с недоумением вытягивала вверх шеи. Наконец, он подошёл к клетке и неуклюже, со второй попытки, стянул с неё полотно, обнажая ужасающую картину. За железными ставнями оказалась девушка. Её кудри слиплись в каше из грязи и крови — они закрывали её поникшую голову и обнажённое тело. Лишь изорванный в клочья льняной мешок, перевязанный на её поясе, закрывал покрытые синяками ноги. Бледная кожа облепляла её кости. Руки её, закованные в кандалы, прятали под собой обглоданное медвежье ребро. Она сидела бездвижно и, казалось, почти не дышала.

Толпа недоумённо переглянулась. Купец прокашлялся.

— Кхм...Поскольку ваша деревня — абсолютный победитель по качеству и количеству товаров, вам достаётся особая честь — казнь этой паршивой воровки! Она была уличена в краже из знаменитой Кровавой Розы, а также в других злодеяниях...кхм, наверное... В любом случае мы просим вас отойти в сторону, мы выбрали это кострище для совершения...

— Эй! — Послышалось из толпы. Голос напоминал клич о бесплатной выпивке. — Это моё кострище!

Купец ударил себя по животу и рассмеялся.

— Что же. По распоряжению верховной власти мы вынуждены его изъять. Так о чём это я... Да! Стража, выводите эту грязную ведьму!

От слова «ведьма» охотники дёрнулись, зашептались о чём-то. Один, что помоложе, хотел было сложить арбалет в сторону, но в последний момент передумал. То ли слова про «ошибся этот пузатый», то ли «какая разница кто она, через пару минут её уже не будет!» вернули веру в глаза молодого парня, которому всю дорогу твердили, что везут они чародейку.

Магию действительно многие недолюбливали, даже боялись, но происходящее не оценили даже самые ярые её ненавистники. На другом конце толпы Агний заметил Данко, озиравшегося по сторонам.

Со скрипом отворилась решетка, и охотники швырнули ведьму на землю. Кандалы звенели, когда в отчаянной попытке подняться она падала вновь и вновь. Один из стражников оглушал смехом присутствующих, пока в горле его не пересохло. Сплюнув, они схватили её за волосы и поволокли по камням к кострищу. Она не кричала — не было у неё сил. Она лишь тихо плакала, стиснув зубы, пока камни впивались в оголённые ноги. На пне у кострища стоял топор. Его лезвие переливалось в огне масляной лампы.

— В этот прекрасный день, — начал купец, размашистой походкой следуя за стражниками, — мы сделаем мир безопасней. И в память об этом дне верховная власть попросила нас привезти сувенир. Мы долго думали и пришли к выводу! Поскольку у приговорённой кроме имени ничего нет, да и то отвратительное — Се-ле-на… — его дёрнуло, он помотал головой. — Мы возьмём клок её волос, как в старых добрых традициях! Вот тот — указал он кривым пальцем — сбоку, что покрасившее!

Из пазухи его блеснуло лезвие охотничьего ножа.

— И эту честь мы хотели бы предоставить тому, кто вывел деревню в очередной раз в победители! Госп`дин травник, где вы? Прошу!

Не успел Агний опомниться, как рука Эбигейл стянула его с пня. Бездонные глаза её заливались слезами, а рука, что вытащила его с поля зрения, судорожно тряслась.

— Папа, послушай меня... — сжала она отцовские руки, — Я знаю, что ты мне не веришь, но я видела сны! Пожалуйста, что бы ни случилось, не иди за мной, так должно быть, слышишь?

«Сны» — эхом отразилось в его голове. Он знал, он сталкивался с подобным когда-то давно и надеялся никогда не услышать подобное вновь. Эбигейл крепко вжалась в отца, стараясь устоять на ногах. Раздвигая в стороны толпу, к ним стремительно приближалась стража. Агний хотел было что-то сказать, но его перебил возглас появившегося купца.

— Как это прекрасно! — он сложил руки лодочкой и приложил к щеке, — Смотрите, как дочь счастлива за своего отца! Ничего, дитятко, он скоро вернётся.

Стража схватила Агния под руки и, отцепив от Эбигейл, повела к кострищу. Данко протискивался сквозь толпу, но взволнованные жители не пускали его вперёд.

Холодная рукоять оказалась во власти Агния. От сверкающего в отражении лезвия огня ему стало не по себе, он попятился назад, но ударился о стальную грудь стражника. Ведьма стояла на коленях, спиной к травнику, лицом к расплывающемуся в улыбке купцу. Он пытался заглянуть ей в глаза, щурясь и неестественно заворачивая шею.

— Вперёд. — лязгнул холодный голос позади.

Агний шагнул навстречу ведьме и подцепил небольшой локон, на который указывал купец. Поднёс остриё ножа и застыл. Вдруг, прямо над ним раздался истошный крик ворона. Рука его дёрнулась, и в ней остался локон чёрных кудрей.

— А вы всё медлили! — прокричал купец и выхватил сувенир, запечатав его в бутылёк, — Вот так всегда, надо чтобы кто-то прикаркнул! — захохотал он, довольный своей остроумностью.

В свете Луны проскользнула тень ворона по рукам травника. Птица обогнула толпу и осела на одной из повозок, громко закричав. Сотня глаз обернулась на взбушевавшееся животное, как вдруг с крон леса поднялась целая армия, медленно закрывая своими крыльями небо. Часть воронов садились на повозку и о чём-то перекаркивались.

— Что вы тут забыли?! — начал махать руками купец, разгоняя надоедливых птиц, — Кыш! У меня тут товар! Драгоценный!

Стража разжигала факелы, пока люди в панике отходили как можно дальше от повозки, наверху которой стоял перемотанный льняной верёвкой ящик. Всю дорогу в нём бренчала колба, переливающаяся синем свечением. Дюжина клювов принялись дербанить верёвку на волокна и, наконец, она лопнула. Колба качнулась. Вороны, перекрывавшие собой небо, раз-

летелись в стороны, и тучи сгустились над ярмаркой. Ворон прокричал во всё горло что-то похабное, не сводя глаз с купца, и толкнул колбу взмахом крыла.

На мгновение в её осколках можно было увидеть страх в глазах стражников, но лишь на мгновение.

Повозка озарилась дьявольски-красным. С треском полетели щепки, стёкла, люди. Ударил гром, и в пронзительном крике толпа начала метаться по сторонам. Кони вырывались из уздечек, разрезая натянутой тканью шеи. Агния и ведьму проволокло по земле. Затопали копыта, поднимая пыль, залетали беспросветным ураганом вороны, развеивая крыльями пепел и искры, падавшие травнику на лицо. Дымилась земля. Щепки, словно звёзды, загорались и угасали в непроглядной пелене пыли и дыма, как вдруг среди них мимо травника пролетел знакомый ему ключ.

Вороны падали с небес на стражу, не останавливаясь даже перед остриём кинжалов и пламенем факелов.

— Казните её! Сейчас же! — истошный крик купца прорвался сквозь обугленные останки повозки.

Ведьмы рядом с травником больше не было. Он пытался выползти из необъятного хаоса, как вдруг из тьмы пепла показалась рука, схватила его за ворот и потащила за собой. Облако начало рассеиваться: в безумии махала кинжалами стража, кровь воронов смешивалась с человечьей и ручьями текла по земле. Наконец, тьма развеялась достаточно, чтобы проявить запыхавшееся лицо Данко. Он затащил Агния за повозку и вручил в руки кинжал.

— Где Эбигейл? Где Алиса?! — перекрикивал Агний шум битвы.

— Не знаю! Как в этом развидеть хоть что-то?!

Данко встал во весь рост и заглянул в самый хаос, в котором загорались и в тот же миг тухли звёзды невинных глаз. Вдруг, из тьмы выскользнули три силуэта.

— Вон они! Бежим!

— Стой! — схватил его за руку травник, — Найди Феофана, пойдёте по моим следам, я постараюсь нагнать их!

Стартовый флажок неистово трепался на ветру, когда мимо него промелькнули трое. Они бежали вниз — в сторону леса. Агний выдернул с пояса пробирку и опустошил её в один глоток. Горькая жидкость пульсировала по венам, отдавала вкусом металла и заставляла суставы прогреваться лучше, чем на пороге самого ада. Сердце его пропустило удар, а затем забилось, готовое проломить собой рёбра.

«Мы найдём тебя!» было последним, что травник услышал со стороны бушующей ярмарки. Он мчался к подножию за ускользающими силуэтами и, к его изумлению, трое бежали плечом к плечу.

Околдовала! — кричал его внутренний голос, — Сволочь!

У беседки, где холм набирал крутизну, голова травника затуманилась. Во тьме леса судорожно задвигались не то палки, не то деревья… Лапки! Гигантские пауки перебирали лапками, врезались друг в друга и скакали из стороны в сторону, стараясь втиснуться между корнями, между ветками, вжаться в ствол и, прижав лапки к себе, вытянуться во весь рост, слившись с силуэтами деревьев. Они пищали, шипели, плели липучие сети и крутили каждым из восьми своих глаз.

Силуэты стремительно удалялись, точно невидимые силы подгоняли их вперёд. Сердце билось, горячая кровь щипала голову изнутри, не давала пропасть свежим следам из его охотничьей хватки. Трое скрылись во тьме, но он знал дорогу, он видел отпечатки их ног, частички волос и запах, этот противный запах крови и грязи тянулся в лес и вёл травника за собой.

Вдруг, выдыхая носом пепел, загрохотала копытами Астра. Она пронеслась по правое его плечо и устремилась с пущей силой во тьму, когда Агний вцепился в вожжи. Её рёв, истошный, яростный, заставил на мгновение сверкнуть два глаза во тьме, но…

Лишь на мгновение.

Глава 3

«Фиалка, только не переживай. Я забрал топор, хлеб и последние пробирки с кипящим мёдом. С Алисой что-то случилось, я выезжаю обратно в деревню. Позаботься о Данко и Гелиосе, я обработал раны, но поставить на ноги их придётся тебе. Ни пуха.

Твой, Феофан.»

В погоне за троицей их окутал непроглядный туман, из которого один за другим начали вытягивать лапы диковинные пауки, коих Агний никогда не встречал. Яд сочился из клыков, обжигал руки травника, просачивался в пробирки и вены, да только не отравить было его кипящую кровь. С первыми лучами солнца чудовища сбежали, попрятались в тени деревьев и малинных кустов, словно никогда их и не было. Тогда-то и начала остывать его голова. Астра лежала у дерева, измотанная дорогой, пока Агния выворачивало на небольшой опушке — первом месте, где лучи солнца не путались в слипшихся кронах деревьев.

Однажды он выпивал кровавую розу и поклялся себе, что больше к ней не притронется. Тогда он спасся от шатуна — заколол его разбитой колбой, а сам без царапинки, только жалел потом, что не умер, когда действие отвара кончилось. Глаза травника заплыли кровью, в агонии его тело извивалось, словно руки и ноги привязали к четвёрке диких коней. В бреду он пытался кусать траву, царапать корни и бить головой о землю, да только не помогало.

Астра смотрела на него издалека, дёргалась от каждого хруста, когда тело его извивалось, и ждала. Ногти его кровоточили, зубы скрипели, изо рта вырывался с хрипом воздух, затем со свистом влетал обратно. Казалось, раскалённые меха раздувались в его груди, его красное горло вновь сжалось, но в этот раз…Он вдохнул. Отчаянно, как вдыхают выплывшие со дна те, кто уже не надеялся увидеть свет. Тело его плашмя разложилось на опушке и мистические кони, терзавшие его с восхода солнца, пропали.

Солнце встало в зените.

Тишина. Вдалеке запела одинокая кукушка. Медленно поднялась грудь травника. Опустилась. Астра настороженно подошла ближе.

— Скорее. — просвистел он сквозь сжатые зубы и вытянул руки вверх, когда Астра лизнула его щёку.

Не то труп, не то человек обвил из последних сил её шею.

Пробирки на его поясе забренчали, когда обессиленное тело оторвалось от земли на пару сантиметров. Астра, разгоняя паром из носа муравьёв, начала подниматься вверх. Ледяные руки его вскарабкивались в седло. Астра подталкивала его что было мочи, пока, наконец, он не свис по ту сторону головой. Словно урванный с ярмарки ковёр, который Астра везла домой. Где был дом она, к сожалению, могла только догадываться, во тьме ночи они мчались наугад. Сначала их вёл сквозь полчища монстров крик Алисы, но вскоре он стих. Эбигейл не отозвалась ни разу.

Астра пыталась привести его в чувство: тыкала носом, ревела, шаталась, чтобы пробирки его забренчали, но безуспешно. Медленно она зашагала вглубь чащи, прочь от поляны, стараясь выглядеть вдалеке хоть что-нибудь. Ни запаха, ни волоска — ничего не осталось от скрывшихся в ночи. Сердце её разгоняло по телу горечь. Поникшей головой она выверяла каждый свой шаг, как вдруг перед глазами её засверкали образы:

Вот между деревьев скачет Алиса с охапкой колоса. Хохочет на весь лес и зазывает её к себе. Седлает и плетёт косы, нашёптывая что-то неразборчивое — человечье. Так ласково и умиротворяюще. А вот Феофан. Его голос как гром гремит вдалеке, он зовёт Алису, зовёт Гелиоса.

Гелиос для неё был как старший брат. Без Астры он отказывался идти на скачки, даже когда она была совсем кобылкой. Он останавливался у стойла и смотрел Феофану в глаза. Не многие могли похвастаться этим, но у него всегда было право, и Феофан его слушал.

После тренировок он всегда пропускал Астру первой к поилке, следил, чтобы она получала ухода не меньше, чем он, а вечерами, когда их выпускали в поле, мог резвиться с ней часами. Она знала, что ей не угнаться за Гелиосом, но чудесным образом ей всегда удавалось ткнуть его носом и устремиться прочь, гогоча во всё горло. Ей его не хватало, особенно сейчас.

Постепенно видение растворилось, за ним пришло другое.

Данко. Юное, целованное солнцем, измазанное пеплом лицо. Смеётся и катает на спине Алису, а она скачет за ними. На пне рядом с небольшой горой дров сидит Феофан. С ним женщина: их лица гладит солнце, пока они отпивают из деревянных кружек шипящую пену. У дома собираются гости с корзинками, в одной из них стопкой лежат пряники: слева — с листьями мяты, справа — черничные, с начинкой из варёных ягод, а по бокам уложены воздушные — на молоке. Семья праздновала, их лица загорались при виде новых гостей так, словно они не виделись десятилетиями. В тот день солнце не спешило заходить, желая лично увидеть каждого новоприбывшего.

Вдруг, среди тьмы леса показался столб света. Поваленные деревья и обугленные кроны, а ещё… увядший громоотвод. Астра задрала голову вверх и в глазах её сверкнула полярная звезда. Она ткнула Агния носом, но державшееся на последних силах тело не отозвалось. Собравшись с силами, она взглянула на звезду последний раз и устремилась в её направлении. С каждым просветом она задирала голову вверх, тыкала Агния и шла вперёд. Ничего не менялось: звезда всё ещё светила, травник всё ещё не отвечал, лишь солнце всё глубже пряталось за горизонт, пока совсем не сдало. На очередной поляне она задрала голову и в глазах её отразилась Луна. Вдруг, вдалеке закричали.

— Мне какой раз вам повторять?! — возмущался строгий женский голос.

— Да не видно же ничего, весь день ищем!

— Надо учебники читать, двоечники! Вы тут весь день проторчали, а нужно было прийти ночью, потому что лжемалина что?

Тишина. Астра устремилась на далёкие голоса, чуть не выронив Агния с седла.

— Светится! Светится она слабым розоватым оттенком, бестолочи! Вон, видите!

Девушка указала пальцем на куст, в бледно-розовом свете которого показалась лошадь. В изумлении застыли её глаза, когда обессиленное животное вильнуло хвостом, съело светящуюся ягоду и в то же мгновение повалилось на землю. Тело травника перекатилось по холодной траве и остановилось у её ног, рядом с которыми лежала стопка гербарных листов. Девушка в недоумении наклонилась и нащупала слабый пульс.

— Зови профессора… Живо!

Юноша бросил на землю охапку трав и побежал прочь.

За её спиной раскинулось полное кораблей море. На каждом из них горели опознавательные фонари. Они отражались звёздами в водной глади и озаряли порт, за которым раскинулся необъятный каменный город. За его чертой теснились рыбацкие домики, со стороны которых в их сторону бежали силуэты…

***

Так Агний и представлял себе смерть. Тьма и пустота. Никаких сказок про «посмотреть сверху», никакой боли и воспоминаний. Его душа была чиста от прошлого, и ей не суждено было будущее, как вдруг резкая боль охватила его. Всё-таки, просто так умереть ему не было суждено. Далёкий свист оглушал, душа его сжималась, точно кто-то давит сверху. Гул и свист нарастали, пока не стали в один момент невыносимо громкими. На душу его надавили сильнее прежнего и он, сам того не ожидая, вдохнул.

Боль пронзила его насквозь, и он почувствовал каждую частицу своего изувеченного тела. Под закрытыми веками плескался свет, но глаза он открыть не мог. Лёгкие обжёг ещё один вдох.

— Живой... — прозвучал изумлённый, далёкий голос девушки, — Профессор, быстрее сюда!

Вокруг всё задвигалось, забренчало и зашагало. Каждый звук молотом бил по голове и из-за шума склянок послышался еле разборчивый голос.

— Что вы выпили?

Челюсть его не разжималась, горло свело. Травник прорычал сквозь сжатые зубы.

— Р...Роза...

Агний выдохнул резко, как мог, и руки его свело.

— Так и знал! Вот, держите, помогите выпить ему всю пробирку.

Горячая жидкость обволокла дёсны, просочилась сквозь сжатые зубы и, наконец, медленно спустилась по горлу. Свист прекратился. В комнате витал аромат свежей малины, мяты и мёда. Агний с опаской вдохнул, но воздух больше не обжигал его изнутри. Медленно он приходил в себя.

Кровать, на которой лежал Агний, стояла напротив балкона. Издалека за открывающим глаза травником наблюдали величественные, укрытые снежным одеялом горы. Прохладный ветер (от которого пахло миндалём и ромашкой) гладил его по щеке. Комната плыла перед глазами, и он не мог точно сказать есть перед ним кто-нибудь или нет.

— Профессор, я вам так благодарна. — послышалось вдалеке.

— Не стоит. — прервал расплывающийся силуэт девушку, — Вы проверили его?

— Так он же парень…

— Проверь. — настоял суровый голос.

В руках её блеснул небольшой нож. Девушка опустила его в кипящий на печи чайник и взяла Агния за ладонь.

— Будет немного щипать. — сказала она человеку, пережившему смерть, надрезая указательный палец.

Вяло выступила одна-единственная капля и, словно утренняя роса, упала на незабудку в руках девушки.

— А если он...

— Всё может быть, тогда держать его здесь небезопасно, сама понимаешь.

Незабудка раскачивалась в руках девушки, но не более.

— Листья в порядке, стебель тоже... — вгляделся силуэт.

В голосе его не было грусти, не было радости. Он был… Разочарован? Силуэт затопал к двери.

— Я передам, что вы заболели, Екатерина.

Дверь хлопнула, отозвавшись в голове травника не то взрывом, не то раскатом молнии. Он вскочил с кровати, сердце его забилось.

— Где Астра? — воспоминания резко врезались в голову, прорезавшееся зрение заставило суматошно оборачиваться по сторонам.

— Лежите, лежите... Ваша лошадь? Она в порядке, мы её отпоили, она ждёт вас в стойле. Вам нельзя вставать!

Выдохнув, Агний закрыл глаза и положил голову на подушку.

— Где я?

— Вы в надёжных руках.

— Кто вы? Вы видели Алису? Эбигейл? Две девочки, с ними…

— Тихо, тихо… — она положила руку на грудь травника, — Вам нужно прийти в себя. То, что вы вышли из леса живым после кровавой розы… Вам нужен отдых, хотя бы ночь. С утра я вам всё расскажу.

На прикроватном столике забренчали стеклянные кружки.

— Я добавлю вам мёд. Это чай с лжемалиной, он быстро поставит вас на ноги.

— Спасибо. — протянул он трясущиеся руки. — А вы…

— Зовите меня Катерина.

— Катерина... — сделал он глоток, — Как давно вы меня нашли?

— Вы объявились в полночь, упали прямо перед студентами в буреломе. Мы всё ждали пока вы очнётесь. Метались, пытались выяснить от кровавой розы у вас такие красные глаза или от вороньего пойла. Кровавая роза?

— Я пытался кое-кого догнать. — прохрипел он.

— Вижу...Что же, отдыхайте, я навещу вас с утра.

— Кто вы? — переспросил Агний в надежде на стоящий ответ, но силы покинули его. Он упал без сил и тотчас уснул, не дождавшись ответа.

Глава 4

Обожжённая солнцем рубаха развивалась на перилах балкона. По оживлённой улице шли повозки: одна была аккуратно уложена шитыми жилетками, брюками и плащами, вторая доверху набита книгами, а в последней звенели банки парного молока.

— Эй! Долго там? Опять эта белобрысая половину библиотеки заказала?! — проголосил молочник.

— Следи за своим языком! — прокричали ему из-за стопок книг, — Объезжай, коль не хочешь с нами таскать!

«Эта белобрысая» часто становилась причиной пробок в западной части города. Книги в её дом ввозили повозками, иногда по несколько за один день. Странности её заказов породили множество слухов. Одно время считали, что из-за Катерины купцы намеревались ввести ограничение в сотню книг на повозку, но (опять же, по слухам) кто-то влиятельный замолвил за неё слово. Слухи, что с ними поделаешь. Таких по закоулкам города зародилось столько, что не найти нынче среди них правды. Даже потомственные бездомные, к которым раньше ходили за истиной, разводят руками. Тяжёлое время настало в городе, и пока сотни наполняли погреба закрутками — Катерина забивала книгами полки.

— Вы не обращайте на ту бестолочь внимания, мадам. — махнул кучер в сторону скрывшегося за углом молочника, — Вам как обычно?

— Да. — улыбнулась она кокетливо, — Запишите на счёт университета.

Сняв шляпу, кучер ударил лошадь и скрылся за поворотом. Аромат чёрной смородины и свежего хлеба потянулся из пекарни, открывшей свои двери для проснувшихся горожан. Он вскарабкался по лианам на балкон, прополз между ножек стульев и забрался на кровать, в которой приходил в себя Агний.

Рядом с чистой рубахой (не считая ожога в виде ключа, что попытались затереть крахмалом) висел охотничий костюм, из его нагрудного кармана выглядывала записка длиной в два слова: «надеюсь, подойдёт».

В голове Агния стоял звон. Всю ночь его мучали кошмары — единственный кошмар, если быть точным. Он повторялся из раза в раз. Начинался с того старого пня, на котором крутилась Эбигейл, и заканчивался погоней в лесную чащу. Агний не мог больше прокручивать его в голове, как бы сильно ни было желание отыскать в отрывке воспоминаний подсказку: он был слаб и потерян. С этими мыслями травник поднялся с кровати и огляделся.

Стены просторной комнаты были увешаны картинами известных писателей, а углы уставлены изящными креслами и подставками для свечей. Посреди комнаты располагался длинный стол, уставленный дюжиной стеклянных банок, под горло забитых экзотическими травами и выжимками. Некоторые из них были настолько редкими, что Агний не мог вспомнить похожие ни в учебниках, ни в рассказах: они походили на что-то из фантастического произведения и отражали цвета ему ранее незнакомые — один из отваров походил своим окрасом на жидкую тьму! Однако, были среди колб экземпляры, что вживую он видел впервые, но знал по старым легендам. В его руках его оказалась банка с тёмно-оранжевой жидкостью.

— Небылица...

Слово, ласкавшее уши каждому пьянице, прозвучало тревожно. Что-то было не так, и травник мог это чувствовать, всматриваясь в глубину банки. Нечто в плотности осадка, в консистенции, цвете выжимки. Она была «слишком» во всех возможных значениях, чуть ли не светилась от концентрации, а значит, делал её либо неуч, либо… Травник покосился на банку, отставил в сторону и спустился на первый этаж, где на лестнице у большого книжного шкафа возвышалась Катерина. Комната под её ногами походила на трясину, в которой увяз книжный караван.

— Подошёл всё-таки костюм! — улыбнулась она травнику, свесив ноги с лестницы.

— Спасибо, вам не стоило.

— Не думается мне, что вы были бы рады показаться в оборванных штанах. — посмеялась она, — Всё в порядке, лучше подайте мне во-о-от тот экземпляр.

Стремительно кончались полки в дубовом шкафу. Агний жаждал расспросить её обо всём, но девушка была настолько сосредоточена на составлении книг по алфавиту, что за всё время не проронила ни слова, лишь отдельные буквы. Впрочем, мысли формировались тягостно, и с каждой книгой на полке что-то в его собственной голове становилось на место. Он поднял с пола последнюю книгу, и в его руках оказалось потёртое «Гербарное дело. Том 1». Травник окинул взглядом страницы знакомой некогда книги, но треть материала была вырвана или измазана не то пеплом, не то прахом.

Катерина, тянувшаяся за финальным экземпляром, застыла. На её пальцах можно было насчитать пару десятков полос, оставленных острым кинжалом.

— Это всё? — прощебетала она, не спуская глаз с полок.

Каштановые волосы закрывали целованные солнцем плечи, когда её рук коснулся заветный том. Она покрутила его и протянула обратно.

— Положите на стол, пожалуйста. Это мне нужно отдать студенту.

— Студенту? Вы преподаёте?

— Я же вам говорила. Ах, точно... — выдохнула она горестно, — Да, я недавно начала преподавать гербарное дело и ботанику. Профессор Мор, мой наставник, отдал мне пару десятков часов. — она спрыгнула с лестницы и отставила её за шкаф.

— Неужели? В университете Кровавой Розы?

— Вы бывали в этих краях?

— Я учился в этих краях.

Глаза девушки округлились, она положила руку на плечо Агния и застыла.

— Постойте...Я поняла, почему вы мне показались таким знакомым: вы на портрете выпускников, что висит в чулане.

— В чулане? — озадаченно переспросил Агний, — Неважно, послушайте, когда вы нашли меня в лесу, я гнался за своей дочерью...

Целый час бродили они по каменной плитке столь знакомого некогда города. Катерина шла бок о бок с Агнием и постоянно просила снизить тон, а на слове «ведьма» вдруг зашипела, приложив палец к губам. Речь их окончательно превратилась в шёпот, не оставив надежды греющим уши бродягам. Катерина знала всё: от ярмарки до кровавой розы. На последнем Агний задержался, попытался расспросить про университет, но девушка лишь опустила голову.

— Время такое… — протянула она, — Вас вряд ли кто пустит, а вот меня…

Город кипел жизнью: в трактиры таскали верёвки колбасы, из кузниц летели искры, а в пекарнях суетились молодые девушки. Из распахнутых настежь окон тянулась ваниль, перебивавшая запах лошадей, цокающих по шумным улицам города. Катерина, пусть и внимательно слушала, постоянно оглядывалась и направляла Агния по известному одной ей пути. Так, за очередным поворотом показалось стойло, в котором стояла Астра. Рядом с лошадью крутился мальчик в диковинной шляпе, с которой свисали разноцветные пуговицы на нитках. Он подставил ей ведро с водой, погладил по гриве, а как завидел Агния с Катериной — тотчас испарился в завитках наковален, стоявших под навесом. На них остывали подковы, пока трое невысоких мужичков бурно спорили, подымая при виде прохожих кружки с пивом. Агний и Катерина тоже удостоились подобной чести.

— Бранн, ну как она?

За густыми бровями проклёвывались заморгавшие глаза. Мужичок опрокинул кружку до дна, вытер с бороды пену и с гордостью выпучил грудь вперёд.

— Как-как, Екатерина! Как новая! Мой проходимец от неё всё утро не отставал! Ты это, слушай, насчёт моего сорванца...

Оставив их наедине, Агний подошёл к Астре. Она топала ногой, ржала и глубоко, со свистом, дышала, отпугивая от себя сторожил.

— Всё в порядке... — погладил он лошадь по гриве, — Потерпи денёк, мне нужно узнать в университете, куда могла деться... — голос его охрип, — Ведьма.

Строгим взглядом она окинула Агния и опустила морду вниз — между её копыт бегала крыса. Астра топнула что было мочи, спугнув её в щель в стене.

— Оставайся здесь, я заплачу, чтобы о тебе позаботились.

— Да ладно вам. — отозвалась за его спиной густая борода, — Такую лошадь честь у себя держать. Вы на скачки с ней не ездите случайно?

— Это долгая история. — усмехнулся он, — Скажите, сколько я должен за два дня.

— Если вы так хотите отплатить — приносите вечером вино ежевичное, а лучше — пиво! Моя жена будет рада и тому, и другому.

Сидящие на наковальнях кузнецы болтали ногами и смеялись.

— Спасибо за заботу, любимый! — сказали они хором и расхохотались, но завидев, как в кузне напротив залетали искры, принялись за дело. Катерина схватила Агния под руку и отвела в сторону.

— Мне кажется, я знаю, как тебе помочь.

Катерина увернулась от испытывающего взгляда Агния и повела его вглубь города, запретив задавать вопросы до возвращения домой. Травник шёл и, стараясь скоротать дорогу, водил глазами по сторонам. Город, к его удивлению, совсем не походил на то прекрасное место, что отпечаталось в давних воспоминаниях. Он не был похож на беззаботный студенческий городок — мечту любого юноши с захолустной деревни. В его распахнутых настежь домах не сверкало счастье, не принимали незнакомцев в гости. Девушки не спускали с балконов воду молодым студентам, что среди дня дурачились на полевой практике, а среди ночи учили гербарии, освещённые десятками свечей. В то время любой мог пройти в распахнутые двери Кровавой Розы и обрести новый дом. Это было прекрасное время, но, к сожалению, оно прошло. Город, каким его помнил Агний, больше не существовал.

Теперь по вымощенным плиткой улицам маршировала стража: обычно по три человека, с ног до головы в доспехах, с длинными копьями и кинжалами на поясах. Бедняки сидели на переплетениях улиц, укрывшись тенью закутков. В их лицах Агний боялся встретить знакомые глаза, оттого взор его не опускался, как бы он того не желал. Самым удивительным ему казалось то, что за весь день им не попался ни один студент с охапкой книг, ни один практикант или мечущийся по библиотекам должник! Агний поинтересовался у Катерины и тотчас об этом пожалел.

— Это и есть студенты. — кивнула она в сторону стражи, — Это их практика.

Холод прошёл по спине Агния. Холод, с которым Катерина жила с того самого дня, когда охотники на ведьм изменили город до неузнаваемости. В тот день она провожала уходящее лето, вдыхала его последний закат. С балкона ей открывался вид на соседний дом, дверь которого снимали с петель. В тот день изувеченная мечами броня, скрывавшая под маской совсем молодых студентов, выводила на улицу преподавателей Кровавой Розы и резала пальцы, окропляя жалкие букеты цветов. В тот день Катерину порезали впервые, но профессор Мор настоял на регулярной проверке учащихся и преподавателей. Живые букеты оставляли как знак чистоты и верности, а увядшие кидали в темницу вместе с чародеями, чья кровь их погубила.

По вечерам студенты заполоняли все свободные трактиры (коих утроилось со времён Агния) и заказывали по кружке небылицы — в этих краях она была отборная, чтобы наверняка.

Катерина наскоро провела Агния мимо «Пьяной пчелы», откуда доносились громкие споры, и подошла к двери дома.

— Смотрите. — начала она приглушённо, — Если вы говорите, что ведьма была уличена в краже из Кровавой Розы, то я знаю, про какой случай вы говорите. Здесь была всего одна кража, не так давно. Посторонним в университет не попасть, но я могу вам помочь, если вы поможете мне.

— Конечно, у меня как раз...

— Стойте. — она схватила руку Агния, — Не доставайте золото, я знаю, что оно у вас есть.

Катерина отворила дверь и пропустила Агния первым, на два оборота провернув стальной ключ.

— За вашу помощь я готов отдать целый мешок, если это хоть как-то поможет найти Алису и Эбигейл.

— Мне не нужно золото. — девушка сделала глубокий вдох и отодвинула в сторону лестницу, с которой выставляла книги.

— Я не думаю, что могу предложить что-то ещё. У меня есть погреб отваров, среди них есть невероятно редкие экземпляры, но он в деревне. Хотите — забирайте его. Мне нужно узнать, что ведьма выкрала из университета — это единственная зацепка, что у меня есть.

Катерина пододвинула лестницу ближе и села на третью ступень.

— Агний. Мне не нужно золото, не нужны отвары. Настало тяжёлое время, и я не вправе говорить о том, во что превращается Кровавая Роза, но она не такая ужасная, как я рассказываю, правда!

Бровь Агния повело вверх.

— Я младший преподаватель, Агний. Да, чуть преувеличила, не профессор, но мне ничего нельзя разглашать, особенно про деяния кафедры! Агний, поверь — все в университете пытаются привнести столько хорошего, сколько вмещает их душа! Хорошее нынче под запретом. — Усмехнулась она угрюмо. — Я могу раздобыть для тебя информацию и мне так стыдно просить у тебя помощи, но ты тоже мог бы привнести столько хорошего!

— Обещаю, стоит мне вернуть всё на свои места, и я сделаю для кафедры что могу.

— Агний, ты уже можешь помочь! Кафедре не нужно золото — кафедре нужна Астра!

В комнате повисла тишина. Лицо Агния исказилось, его брови съехались, а глаза потемнели.

— Я понимаю! — всплеснула руками Катерина, — Понимаю, понимаю! Я прошу много, но меньшее не поможет…Хотя бы на какое-то время, до зимы! Она будет перевозить людей, нуждающихся в помощи, таких сейчас на каждом углу! У нас не хватает лошадей, Агний, люди гибнут…

— Толку от меня без лошади? — скрестил он пальцы в замок, — Астра единственная, кто у меня сейчас есть, я не могу отдать её. Да на моё золото вы лошадь такую же взять сможете, если не две!

— Нам нужна лошадь прямо сейчас, ты не понимаешь... — протараторила она.

Агний поднялся из-за стола, спугнув Катерину своим грозным видом. Она соскочила с лестницы и поставила её перед собой.

— Это моя цена, Агний. — сказала она дрожащим голосом, — Не желаете — сделки не будет.

— Не желаю. — шагнул Агний вперёд. Катерина заслонила своей грудью дверь, придвинув к себе хлипкую лестницу.

— Они её не отдадут. Не вреди себе! — вскинула она руки вверх, словно пыталась напугать медведя, — Послушай же ты меня! Поверь, так должно быть! Я не знаю, как тебе это объяснить...

Агний схватил лестницу и отодвинул её вместе с Катериной. Дверь распахнулась. Лучи заката ударили в блестящие глаза девушки и стоило ей на мгновение отвернуться, как след травника простыл.

— Агний! — шагнула она за порог, да только улица была пуста.

Каменная плитка города остывала. Дома, возведённые несколько веков назад, прятали в одиноких спальнях горе, коего не было раньше в этих краях. Изредка в окнах теплился свет, но из створок вылетали лишь оскорбления и, иногда, хрупкий старинный сервиз. Именно такой разбился у ног Агния, когда он проходил мимо «Пьяной пчелы». Утробный смех донёсся из распахнутых дверей трактира. Перешагнув разбитую посуду, Агний повернул к стойлу, где ещё с утра стояла Астра. Теперь в нём никого не было, лишь старая баба выметала грязь.

Кузня по соседству пустовала в столь поздний час. Под деревянным навесом валялись инструменты, копыта и деревянные кружки. Дряхлые руки старухи дрожали, она пыталась вымести меж половиц застрявший взгляд травника, но не смогла. В её глазах мелькал свет далёких ламп, пока Агний не закрыл его своим приходом.

— Чего тебе? — прохрипела старуха, не поднимая глаз на незнакомца.

— Здесь сегодня стояла лошадь, вы не знаете куда её увели?

— Не твоё дело куда её увели! Тебе-то что до лошади эдакой?

— Это моя лошадь.

Впервые она подняла взгляд, не прекращая, однако, работу. В стойле между щелей пробивался слабый свет.

— Нет её здесь, можешь не искать.

— Может вы знаете…

— Не знаю я! — замахнулась она веником, — Уходи отсюда, пока стражу не позвала! Прочь!

В воздух поднялась пыль, со старого веника полетели в стороны обломки веток и грязь, но среди этого облака мелькнула в стойле фиолетовая искра. Она появилась на мгновение среди щелей, из которых проливался в стойло бледный свет. Травник шагнул за порог и метнулся к стене. Под удары веника и крики старухи он нащупал крючок для одежды, потянул его на себя и отворил невысокий проход. Веник замер в воздухе, старуха смолкла, её уста промолвили тихое «стой», но травник уже протиснулся внутрь.

В канделябре тлели свечи. Их угасающий лик падал на стол, окружённый большими — во всю стену — книжными полками. Две фарфоровые чашки дымились на блюдцах.

— Выходи оттуда скорее, не глупи! — наказательно прошептали из стойла.

Ни окон, ни дверей в комнате не было, лишь небольшой лаз, за которым скреблась старуха. Её боязливые постукивания смешались с тиканьем настенных часов, встроенных в книжный шкаф. В блеклом свете мелькала секундная стрелка, она дёргалась вперёд и отскакивала назад, на пятнадцать минут девятого.

Агний шагнул вглубь комнаты, ведомый запахом дыма. В воздухе замер его тонкий след, тянущийся к свечам. С каждым шагом запах дыма окутывал Агния, пока он не подошёл к столу. Невидимая нить заискрилась и вспыхнула над свечами, вернув им огонь. Тёплый свет пролился на его ладони.

— Чёртово чародейство…

Пламя озарило диковинные книжные полки. На разноцветных обложках не было текста: ни авторов, ни названий, лишь по цвету одну можно было отличить от другой. Рядом с вспыхнувшими свечами лежала книга с белоснежными, абсолютно пустыми страницами. Ничего в этой комнате не имело смысла, от того голова у Агния пошла кругом. Стук за дверцей прекратился, его заменяла дёргающаяся стрелка часов, что безуспешно пыталась выбраться с положения в пятнадцать минут девятого.

Стараясь собраться с мыслями, Агний листал пустые страницы, пока в разочаровании не захлопнул книгу. На обложке золотым цветом была выведена цифра четыре. Агний обернулся к книжному шкафу. На третьей полке действительно не хватало одной книги — четвёртой по очереди. Взгляд его ещё раз упал на часы.

— Всё может быть. — потянулся Агний к девятой полке за книгой, что стояла пятнадцатой в очереди.

Стоило ему потянуть на себя тёмно-зелёный том, как вдруг в комнате что-то щёлкнуло. Это были часы. Стрелка дёрнулась в последний раз, остановилась, и стоило Агнию подойти ближе к массивному циферблату, как вдруг он медленно начал опускаться, открывая за собой длинный тоннель, в конце которого мерцал тусклый свет. За неимением альтернатив, Агний взобрался и начал свой путь. Холодная земля липла к свежему костюму, а свисавшая паутина липла к лицу. С конца тоннеля тянулся запах воска и соломы, исходивший явно от тлеющего огонька. Пусть он и казался крохотным в необъятной тьме — он был единственным ориентиром, и Агний не спускал с него глаз. Вдруг, огонёк колыхнулся, словно раскрыл что за ним следят. Из тьмы показались обрамлённые тёмно-синим полотном руки, они взяли свечу и скрыли её из взора Агния. Лишь запах воска, тянущийся вместе со слабым сквозняком, вёл травника к выходу. Карабкаясь по темноте, он не заметил, как опора под руками пропала, и с грохотом полетел вниз — на деревянный пол. Всё заскрипело, затрещало, а огонёк, что висел в воздухе неподалёку, резко затух.

— Тсссс… — зашипела темнота.

Агний осмотрелся, но глаза его различили лишь отдельные балки и не то вёдра, не то деревянные бочки. Тем временем нечто во тьме приближалось. Агний схватился за пояс, но пробирок на нём не оказалось. Балки заскрипели прямо перед его носом, он закрыл голову руками, как вдруг тьма прошептала:

— Вы как тут оказались, мистер?

Невинный мальчишечий шёпот донёсся из темноты. Агний открыл глаза и увидел потрёпанные башмаки, стоящие перед его носом.

— Через лаз. — потёр он лоб, на котором начинала ныть свежая шишка.

— Вам нужно уходить, пока сюда не пришли, вас не должны...

Не успел он договорить, как вдруг дверь под ними распахнулась. Свет пролился внутрь, освещая нечто вроде большого амбара. Агний протёр глаза: перед ним на корточках сидел мальчик в шляпе, прижав указательный палец к губам. Пуговицы на его шляпе колыхались, пока медленно он ложился на живот, подражая положению непрошеного гостя.

Лежали они над амбаром, под своеобразной крышей, прикрытые ящиками, забитыми доверху мантиями, ржавыми вилами и прочим хламом. Недалеко от них стояли вёсла и рваные рыболовные сети, над починкой которых корпело не одно паучье семейство. Их гнёзда виднелись в груде деревянных кружек, изъеденных не то крепчайшим алкоголем, не то неведомыми отварами. Один за другим они выползали из своих нор, пока свет не спугнул их обратно. Люди в мантиях заполоняли амбар и располагались на снопах старого сена. У каждого с собой была масляная лампа, и не смотря на изобилие света, Агний не мог разглядеть ни единого лица — слишком плотными были их капюшоны. Всего одиннадцать мантий сели в круг. Мальчик прикрыл глаза и подогнул ухо рукой, стараясь уловить каждый возможный шорох.

— Опоздавших ждать не будем. — тембр голоса тронул смутные воспоминания. — У нас всё готово?

— Готово. Сегодня ночью выводим из города троих.

— Всего троих? А что капитан?

— На перроне теперь проверяют не только прибывших, но и отбывающих.

Мантия поднялась с места и зашагала по кругу. Остальные, не оголяя голов, покачнулись.

— Плохо! — ударил его голос молотом, — Мы так до самой зимы людей выводить будем — по три в неделю. Чёрт подери!

— Надо будет до зим, значит до зимы.

Шагавшая по кругу мантия всплеснула руками и схватила лампу, спешно удалившись.

— Делайте что в ваших силах!

Остальные мантии поднялись и, пожав друг другу руки, размеренным шагом двинулись прочь. С каждым из них уходил и свет ламп, пока амбар вновь не погрузился в непроглядную тьму. Пауки зашуршали в гнёздах и выбрались наружу, недовольные простоем в работе. Однако, стоило им коснутся рыболовной сети, они тотчас побежали обратно, ибо рядом вновь разгорелся свет. Измученный временем фитиль вспыхнул, освещая виноватое лицо мальчика в шляпе.

— Что это было?

— Я правда, правда не могу вам рассказать, мистер... Мне нельзя было тут быть, а уж вам — тем более!

Пуговицы на его шляпе тряслись, сверкая и переливаясь в огне свечи. С его поджатых губ пытались сорваться самые захватывающие слова, но не решались.

— Постой, мы ведь виделись с тобой сегодня. Ты ухаживал за Астрой — белоснежной лошадью с серебристой гривой.

Шляпа двинулась назад, подальше от пламени свечи. Пуговицы закачались, засверкали, затем поникли вниз.

— Я лишь хочу узнать, где моя лошадь, это они её забрали? — прошептал Агний, — Ты ведь помнишь, я сегодня подходил к стойлу. Мы ещё были с…

— С тётушкой Кэт... — перебил его мальчик и тяжело выдохнул, чуть не задув пламя свечи. Затем наклонился близко-близко и прошептал: — Только если вы никому не расскажете, что видели меня здесь, хорошо? А то меня дома запрут на месяц, как в прошлый раз! В общем… Вашу лошадь забрали вечером, я хотел проследить, но меня заперли в чулане! — он показал рукой на тоннель, — От скуки я перебрал все книги, пока часы вдруг не слетели со стены! Но я их не сломал, честно, она сами!

— А кто забрал лошадь, ты видел?

Мальчишка пожал плечами. Травник потрогал лоб, на котором всё пульсировала неугомонная шишка.

— А про Селену ты что-нибудь слышал?

— Вы про ту тётушку с чёрными кудрями? — спросил он задорно, — Конечно! Она играла со мной, даже научила кое-чему, смотрите!

Мальчик щёлкнул пальцами и в лицо Агния полетели искры, как от огнива.

— Ой, извините! Я не специально!

***

— Так, кто мне ответит первый закон передачи магических сил?

Лучи рассвета преломляются в арке окна, падают на эскиз курносой девочки, прямо на первую парту. Он выделяется характером своих линий среди привычных её работ, но Агний не в силах его рассмотреть. В тщетной попытке он вытягивает шею, но ловит на себе ехидный взор преподавателя. В его густой бороде прячется лепесток ромашки, который он забыл вычесать в столь раннее утро.

— Агний, ты тянешься к знаниям? — улыбается он тепло, как родной дедушка.

Миндальные локоны колыхнулись за первой партой, она оборачивается в конец класса и видит юношу: его мятая рубаха и неопрятные вьющиеся волосы цепляют её взгляд. Он впопыхах листает учебник, пока преподаватель терпеливо ждёт.

— Профессор, первый закон передачи магических сил гласит: в роду они передаются только от матери к дочери, парни рождаются больными, редко доживают до двенадцати лет.

— Отлично. — кивает профессор, — Как вы думаете, почему так? Почему именно девушкам достаётся этот ни то дар, ни то проклятие?

Агний чешет макушку и задирает голову вверх.

— Возможно… Девушки более чувствительны? Использование магических сил требует особо чутья, ощущения своего тела?

— Тогда рано или поздно найдётся мальчик, «прочувствовавший» слишком много за свои короткие двенадцать лет.

Девочка с первой парты аккуратно ставит перо в чернильницу и поднимает руку.

— Да, Саша. — кивает профессор.

— На истории легенд нам говорили про отвар кровных уз. Если правильно его приготовить, то можно перенять силы любого поверженного чародея. Не важно кто его выпьет: парень или девушка. Значит, совладать с силами может любой…

— Вы забегаете вперёд, юная любительница легенд.

Профессор подцепляет ногтями эскиз девушки и поднимает его перед всем классом. Детальный рисунок сердца с подписями, стрелочками, списком необходимых трав и условий.

— Пусть это всего лишь легенда, но у всех мальчиков действительно останавливалось сердце, как только они пытались пользоваться своими силами. Мы не знаем с чем это связано, но большего наука на данный момент дать не может… Дело в сердце. Возможно, кому-то из вас удастся открыть завесу этой тайны, но, — лучи рассвета отразились в глубине его медных глаз, — вряд ли это придётся на мой век.

***

— Она тебя этому научила? — прошептал в удивлении Агний.

— Этому — да! А остальное я и так умел, показывал ей, смотрите!

Пуговицы засверкали в огне свечи, мальчик сжал кулаки: костяшки его покраснели, брови нахмурились, пуговицы затряслись… Вдруг, поверх воска пошла трещина и вскоре свеча, свободная от оков, поднялась в воздух. Он разжал кулаки и огонь поднялся меж его трясущихся ладоней.

— Смотрите…

Резко он захлопнул пламя в своих руках. Засидевшиеся пауки зашуршали по гнёздам, но и в этот раз вылезти им было не суждено. Огонь вновь вспыхнул, но теперь он горел позади мальчика. Словно невидимый фитиль витал в воздухе, подчинявшийся застывшему мальчишке.

— Не может быть… Кто твои родители?

— Бабушка говорит, что родители меня бросили. Она привезла меня сюда, чтобы я жил в семье кузнеца, учился делать мечи... Тоска! И никто не разрешает мне играть, как сейчас.

— А Селена…Она ничего тебе не сказала?

Заворожённый травник не мог оторвать глаз от огонька, мелькающего по разные стороны шляпы, резко вспыхивающего и моментально угасающего.

— У неё лицо было такое, как у кошки испуганной! — посмеялся мальчик, — Сказала, что я очень способный и если бы не дела, то забрала бы меня с собой! Я бы пошёл с ней, если б не бабушка — она меня не отпустит…

— А про дела свои она что-нибудь говорила?

— Я пытался подслушать их разговор с тётушкой Кэт, но у меня закружилась голова и я не расслышал ни одного слова... Тётушка Селена сказала, это потому что я много играю, но у меня никогда не кружилась до этого голова! Странная она, если честно...

— Тётушка Кэт… — произнёс в неверии Агний.

— Пожалуйста, только никому не говорите, что это я вам рассказал!

— Можешь не переживать.

Сердце Агния забилось огнём. Едкая смесь, сродни кровавой розе, растеклась по набухшим венам. Он поднялся на ноги и протянул руку в тоннель, вдавил кончики пальцев в землю и замер, глубоко вдыхая.

Ночной туман обволок улицы города. Его противный, липнущий к коже холод покрывал тело мурашками. Прохожие, потирая плечи, прятались по домам. Бессильные против тумана лампы казались далёкими маяками, и каждый из них вёл травника по направлению к дому.

— Катерина!

Он ударил несколько раз по двери и застыл, наблюдая за бликами света в окне — кто-то метался по кухне, бренчал посудой и озирался по сторонам. Наконец, дверь отворилась.

— Агний, я так рада, что ты вернулся, послушай…

Нечто скрывалось в её взгляде: нечто столь неуловимое, юркое, что не раскрыть ни порезом, ни букетом цветов, будь они хоть вместе, хоть раздельно. За этим нечто скрывалась Эбигейл, скрывалась Алиса. Драгоценное время жгли в закулисье её глаз смеющиеся тени, и только теперь Агний понял: её глаза не блестели — они горели пламенем. Оно будило в травнике что-то, о чём он сам до этого момента не догадывался. Что-то, о чём упоминал лишь Феофан…Он хотел копнуть глубже, увидеть в них отражение чего-то большего, и у него получилось.

Агний толкнул Александру в глубь комнаты, по которой тянулся с улицы вязкий туман. Она пыталась схватиться за стол, но он предательски пошатнулся: колбы с дребезгом начали биться о пол, разлетаясь на блестящие осколки, по которым топтался сапогами Агний. Кончики пальцев его закололи, обвитые локонами каштановых волос. Она кричала, когда травник тащил её по лестнице вверх, но этот крик увязал в тумане, что тянулся за ними по пятам. Дверь в спальню отворилась, простонав петлями.

— Я спасла тебя! — визжала Катерина, царапая руки травника, пока он связывал её запястья, — Пожалуйста, что тебе нужно?!

Затянув узел потуже, Агний отошёл к столу и начал перебирать колбы в поиске чего-то особого, но поднявшийся по лозам туман просочился в двери распахнутого балкона. Он окутывал взгляд травника и прятал Катерину в свои объятия.

— Где моя дочь?

Горячее дыхание Агния развеивало туман, но тот наплывал обратно, внимая каждому его слову. Позади травника упала на половицы слеза, разбилась на тысячу капель и растворилась в тумане, словно её никогда и не существовало.

— Я не знаю, Агний! Честно!

— Ты говорила с ней! Ты говорила с Селеной! Отвечай!

— Откуда? — протянула она в изумлении, и слёзы её заблестели, — Я ничего не знаю. Она хотела, чтобы я провела её на факультет, но я отказалась!

— Ложь!

Катерина вертелась по сторонам, опрокидывала голову в туман, рыскала глазами по его дну, но безуспешно. Агний сжалился. Он не стал вытягивать её наружу, не стал топить дальше — он оставил всё как есть и продолжил рыскать среди склянок, пока в руках его не оказался заветный экземпляр.

— Знаете, когда я учился на факультете, нам рассказывали легенду. Существовал когда-то профессор Крюк… Нынче её, наверное, не рассказывают? Позор.

Агний обернулся, но в тумане было почти невозможно разглядеть черты её лица. Он протянул руку в туман и вынул из него колбу с небылицей. Густая жидкость зашипела, стоило ему встряхнуть колбу.

— Капитан Крюк был грозой морей. Со своей командой они бороздили океаны, возили провиант с разных концов света. Не осмеливались его потопить ни пираты, ни морские чудовища, и команда его процветала. В далёких путешествиях он любил читать. Иногда брал плату

книгами и выходило так, что помимо бочек с мёдом, ромом и экзотическими фруктами, просили его перевозить травы.

— Делать мне нечего — сено возить! — ругался он на юношей, хвативших его за рубаху, что просили его привести лепестки диковинных растений.

Длилось так несколько лет, пока знакомый его травник, хороший друг детства, не отплатил ему золотым мешком, чтобы перевезти всего один потрёпанный временем том.

— Держи его при себе — ни смей спускать глаз! — наказал ему травник, — Отдашь мне лично в руки!

Путь оказался долгий, изнурительный, больше месяца они скитались по океану, один шторм сменялся другим, книги его давно закончились и остался при нём лишь потрёпанный том старого друга. Первые дни он считал на потолке солнечных зайцев, составлял домики из игральных карт — всё делал, лишь бы не читать скукоту о «сене и цветочках». Спустя неделю, когда скука стала невыносимой, у него оставалось два равных выбора: за борт или за книгу. И вот так, при свете лампы, он сел читать и не мог поверить себе. Читал взахлёб! Точно за борт прыгнул всё-таки и воды нахлебался — а нет ведь. Цветы и сено оказались интересней, чем он мог себе представить.

Поверх страниц той книги были выведены очертания растений, коих он за свои годы не встречал, хоть и был заядлым грибником в своё время. В его распоряжении оказался тогда ящик растений, что не пережили бы затянувшейся дороги и потока солёных волн, грозившихся перевернуть их корабль. И вот, с масляной лампой и пустой бутылкой рома начал он экспериментировать. Сначала сварил небылицу, попробовал — отменная! Всю команду тогда угощал, поднимая дух уставшим матросам. Затем пробовал что посложнее, а как ступили на берег — сразу выложил золотой мешок местной травнице за склянки да ножички, коробы для пыльцы и давилки для корневищ. Тогда он и познакомился с ней — травницей по имени Роза.

Команда его за годы плаваний обогатилась, обзавелась детьми и ему было пора. Не мог он сдержать улыбки, когда в команде шастала новость о пополнении. Так, отплавали они последний год и разошлись друзьями до гроба. Купили себе имения, письмами обменивались, собирались из года в год. Жили, в общем, счастливо. Вот и у Крюка, последнего из команды, как и полагается капитану, появились долгожданные новости.

Вне себя был от счастья Крюк, жили они в самом знатном месте нашего королевства, было у них и виноградное поле, и большая травническая лавка была. Роза готовила, а Крюк помогал. Искал самые диковинные растения из той книги, открывал для себя отвары, коих даже поверх тех страниц не было! И была у них стая собак, которой они их спаивали. Всё на белых страницах записывали и подчёркивали, мол: глаза покраснели, начала рвать с деревьев кору, обливаясь слюнями. Весь день валялась на солнце, виляя хвостом, отказывалась от еды и воды, ласкалась и прочее-прочее. И вот, наступил тот день. Пока Роза лежала у знахарки, Крюк собирал по городу самые пышные бутоны белых роз. Дома их семьи готовили яства, смеялись и пили вино.

Долго роды длились, мучительно. Увезли её днём, а уже вечерело. Гости, прождавшие день, сели есть, а его всё не звали. Небо затянули тучи, с ними пришла гроза, а его всё не звали. Молния сверкала в окне, освещая склонившие голову цветы, и с первым громом Крюк подорвался. Вскочил на коня и под зов родных и раскаты грома ринулся к Розе.

Знахарка никак не хотел открывать дверь, что-то кричала ассистенткам, а те в слезах бегали по комнате, перетаскивая тряпки с места на место. Внутри бренчали склянки и стулья, дребезжали голоса, пока, наконец, дверь не отворилась. Увядший букет выпал из его трясущихся рук. Грудь Розы больше не поднималась, а на руках знахаря лежал бледный, мертворождённый сын.

— И знаете, что было дальше, Катерина?

Агний откупорил шипящий отвар, и тонкая линия пара потекла из горлышка вниз — к туману, походившему на грозовые тучи у его ног.

— Вернувшись домой, он взял с собой недописанный Розой том и, отбиваясь от всей своей семьи, побежал к кораблю. Без команды, еды и воды он скинул швартовы, снял с пояса ярко-зелёную пробирку и разбил её о железную цепь якоря, вмиг заржавевшую и рассыпавшуюся, опустил паруса и скрылся. Судорожными руками он листал книгу, пока не наткнулся на безымянный отвар, под которым было начертано:

«Собака Долли, которой мы добавили его в воду, на следующее утро попыталась сбежать, смотрела непонимающими глазами на нас — тех, кто вырастил её с самого щенячества! Словно она нас никогда и не знала. В первый день мы её поймали, но на следующий она сбежала с концами. Мы так и не смогли её найти. На людях проверять отвар мы не собираемся и вас предупреждаем! Корень стражника леса (на странице были выведены очертания колючего кустарника с ярко-зелёными цветами, в тени которого прятались грибы, а корни соседних деревьев, выступавшие из земли, все как один росли в его направлении) слабо изучен и может вызывать провалы в воспоминаниях. Также стоит отметить, что его состав перебивает действие всех остальных отваров и, по словам знающих людей, раньше использовался для снятия проклятий, что наводит на мысли о…»

— Нашли его через пару дней на берегу, где вы меня встретили. Его корабль попал в шторм — это единственное, о чём он смог рассказать. Ни друзей, ни родителей, ни Розу он так и не вспомнил.

Агний тяжело вздохнул и сел на корточки перед связанной Катериной.

— Я не пожалею ни капли этого отвара, поверь мне. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы найти Эбигейл. Либо ты продолжаешь лгать, либо — он потряс перед ней колбой и едкий пар вылился на её колени — мы сделаем это правдой.

Ветер, какой бывает только перед грозой, толкнул двери балкона и развеял туман, в котором прятала глаза испуганная Катерина.

— У меня нет другого выбора.

Сладкий запах отвара въедался в одежду, простыню и подушки, обживая свои владения. Агний с изумлением всматривался в янтарную жидкость и прокручивал в голове записи со своей старой учёбы. Он знал — в любом отваре есть свои слабые места. Одни настолько вязкие, что встают поперёк горла, другие отвратительны на вкус. Небылица, например, только её любителями оценивалась по эффекту. Травники оценивали её по проценту осадка. Лучшая на всём материке временами появлялась в порту «Худая русалка». Два с половиной процента считалось идеалом, потому легенду капитана Крюка никто не воспринимал серьёзно — люди считали, что невозможно растворить каждый элемент стражника леса. Но Агний знал, что это не было легендой — он видел её своими глазами. Изумление Агния отразилось в глазах Катерины: она смотрела, как мифический доселе отвар переливается в пробирку и страх окутывал её целиком, пока она не сдалась:

— Селена… Она пробралась в здание старой библиотеки, в крыло устаревших изданий. Перевернула там всё вверх дном. Чёрт знает, что она вытащила оттуда — неделя уйдёт только на пересчёт экземпляров!

— Ты помогла ей пробраться туда? — оторвал он взгляд от колбы.

— Нет! Она вломилась в мой дом, допрашивала меня про старое здание, про…Она убьёт меня. — Оранжевая жидкость отразилась в её глазах. — Хотя не знаю даже, что хуже…

— О чём ещё вы с ней говорили?

— Она искала девушку.

— Эбигейл? — слетело с его языка.

Травник вытянул пробирку с небылицей в сторону. Настолько важными были её слова — он не мог позволить ей забыть ничего, даже если она сама ринется за отваром. Сердце забилось вновь, как вдруг Катерина произнесла:

— Она искала Александру.

От напряжения пробирка в руках Агния лопнула, девушка взвизгнула, а с ладони травника потекла алая кровь. Тучи за окном, сгущаясь в непроглядное полотно, начали сверкать.

— Она убьёт меня. — прошептала под нос Катерина.

Травник заметался по комнате, вытер руку о лепестки лжемалины и бил кулаком о висок. «Александра» — отдавалось в голове с каждым ударом.

— Я найду её… — повторял травник.

— Тебя не выпустят за ворота, солнце уже зашло. Тебе нужен другой путь.

— Например?

— Я могу вывести тебя за черту города, у второй башни есть секретный тоннель.

— С чего я должен тебе доверять?

— Я не проживу долго, Агний. — поджала губы Катерина, — Я не имела право произносить это вслух. В городе мне осталось недолго, в бегах хотя бы… — она тяжело выдохнула, — В общем, одна я отсюда не выберусь, как и ты.

Молния ударила на берегу, от грома затрещали створки окон, засвистел неистово ветер. Агний взглянул на Катерину и толкнул с печи колбу. Звонко лопнуло стекло. Дымящаяся жидкость въелась в ковёр, начала сочиться сквозь половицы. Лезвие, ранившее сочившийся корень, перерезало жгут на запястьях девушки.

— Агний, мне очень жаль…Будь мы в других обстоятельствах, я бы ни за что не стала от тебя ничего скрывать.

Травник сел на кровать и уставился на развивающиеся шторы. В заливе качались на волнах корабельные фонари, еле различимые за надвигающимся дождём.

— Теперь мы в других обстоятельствах.

Молнии освещали отвесный мыс по левую сторону залива. На нём стояла одинокая избушка, из её трубы тянулся к небу столп дыма. Катерина смотрела на стёртые запястья, на блестящие в мгновении молнии осколки и на обессиленного травника. Ему больше не нужно было казаться большим и страшным. Он думал, редко покачивая головой. Катерина поймала взглядом развивающиеся на ветру шторы и всё поняла.

— Я знаю где они прячут Астру.

Глава 5

Рассвет отражался в каплях росы. Белки скакали по веткам, стараясь догнать назойливых птиц, насвистывающих свои мелодии. Лес дышал, подобно спящему медведю. Босыми ногами можно было почувствовать, как корни тянут воду. Словно кровь, она бежала по веткам, цепляя на пути каждый листочек, каждую ягоду. Исцарапанные руки ощипывали малиновый куст, наполняя плетёную корзину. Когда места для неё не осталось — высокая особа распрямилась, расправила складки на коричневой рубашке и двинулась в сторону хижины, стоявшей на тихой опушке, окружённой ранами от выкорчеванных пней. Впрочем, раны заросли мягкой травой, в которой тёрлись друг о друга уставшие копыта.

Солнце расчёсывало чёрную гриву, гладило лошадь по ранам и запекало изодранную кожу. На крыльце дремал юноша. Под лавкой стоял полупустой кувшин молока, за которым лежала корзина пряников, накрытая фартуком. Дверь в хижину отворилась, не потревожив звуком ни одну птицу, гнездившуюся вблизи.

На печи кипятилась вода. Закончив с ягодами, стройная фигура взялась за исключительно острый нож. В первую очередь в котелок окунулся картофель, за ним морковь и измельчённый лук. Пока овощи отваривались, остриё скользило по свежесрезанным травам, по пряному чесноку. Рукоятью ножа она разбила в ступке горстку чёрного перца и кинула его к оленьим рёбрам, томившимся в котелке по соседству. В кормушке у окна выстроилась очередь из мышек, белок и пары ругающихся между собой сплюшек, выбивающих место в очереди. Хозяйка дома смахнула им остатки моркови, высыпала из льняного мешочка семечки и поднялась на печь. В её руках показалось письмо.

Её глаза блестели по-особенному: в них не было тревоги, не было горечи. В её тёмных глазах теплилась надежда на скорое возвращение. Она перечитала каждое слово ещё раз, отложила письмо в сторону и с особой лёгкостью, точно актриса дворцового театра, спустилась на пол. Мочка её уха дёрнулась, когда она перебирала корзинку с ягодами: в комнате кто-то появился.

— Тётушка Фрея, сколько я проспал?

— Достаточно. — тепло улыбнулась она.

— Мне намного лучше. Ваши пряники делают чудеса! И Гелиос выглядит отдохнувшим.

— Вынеси ему воды.

Юноша откланялся и вышел с наполненным до краёв ведром, полным неизвестных даже ему — студенту кафедры травоведенья, лепестками. Через бок Гелиоса шёл порез, покрывавшийся тонкой корочкой. Данко сел рядом с конём на прохладную утреннюю траву.

На крыльце появилась Фрея. Она была высокой, стройной и крайне утончённой особой. Редкие морщины под глазами и уставшая на руках кожа выдавали её возраст, но стоило ей надеть перчатки и театральную маску — никто не отличит её от молодой актрисы. Переодетая в охотничий костюм, она ступила босыми ногами в сторону Гелиоса. Завидев её, верный конь оторвался от воды и склонил голову.

— Вы поедете за Феофаном?

— Да. Дождёмся только гончего. Феофан сказал, что как выяснит в деревне детали, отправит письмо с указаниями.

Фрея села в тени неспешно пьющего Гелиоса.

— Нельзя было Агнию к ней ездить… Хотя, — продолжила она после небольшой паузы, — я его понимаю.

— Не стоило оно того, тётушка.

— Ты ещё слишком молод, Данко. — посмеялась она беспечно, — Ты бы его понял.

Она поднялась с земли, не сбив ни единой росинки, забрала опустошённое ведро и скрылась в хижине, из которой тянуло лучшим лечебным отваром — похлёбкой с оленьими рёбрами. Ещё ребёнком, когда Фрея уезжала в театр, Данко клянчил у Феофана похлёбку с рёбрами. В тот день вместо сытных угощений на столе дымилась каша, а на печи блестели заточенные наконечники.

— Хочешь оленины?

Дверь в хижину распахнулась. Феофан загораживал своими плечами солнце, в его руках лежал простенький охотничий лук. Схватив наконечники, Данко выбежал на поляну, сел на пень и начал клеить горячей смолой стрелы.

— Главное — это терпение.

Феофан растягивал тетиву на луке, проверял обещанную оружейником прочность. Первая стрела оказалась в его руках.

— Мы с братом раньше знаешь, что могли в два лука устроить? — посмеялся он и отпустил натянутую тетиву. Стрела с треском вонзилась под дупло дятла. Птица выпрыгнула наружу и, покачав головой, улетела восвояси. Данко протянул вторую стрелу и вопрошающе поднял глаза.

— Про это в другой раз. — похлопал он Данко по плечу, — Нам пора выдвигаться.

— Но я ведь сделал всего две стрелы, одну ты уже потратил!

— Тебе хватит.

В тот день они ели кашу, потому что Данко промахнулся. Феофан не был огорчён, наоборот: он видел, как разгорается огонь в глазах юноши, как он смотрит на висящий на стене лук и ждёт следующего утра, чтобы попросить Феофана о тренировках, расспросить о похождениях и добыть, наконец, свою первую оленью похлёбку.

В воспоминаниях Данко, он с Гелиосом провалялись на поляне до самого вечера, пока со стороны леса не послышался грохот копыт. Между деревьями показался гонец в вымокшей от пота рубахе. Под его поясом, измызганное каплями грязи, аккуратно лежало скрученное в трубочку письмо.

Измождённые дорогой, гонец с конём упали прямо на поляне, в заботливые руки Фреи, ждавшей их прихода. Пока она отпаивала гостей, Гелиос выхватил зубами письмо и подал его Данко. Среди измокших грязных строк он вылавливал отдельные слова, отражавшиеся в его удивлённых глазах.

— Покой длился недолго?

Фрея оставила прибывших наедине с едой и водой, хотела было подойти к Данко, как вдруг тот отпрянул в сторону.

— Тётушка Фрея. Вам нельзя. — трясущимися руками Данко пытался удержать письмо, пока её взгляд, казалось, прожигал юношу насквозь. Она высматривала в его глазах отражения слов, но Данко не поддавался. Тогда она вырвала из воздуха глоток и спросила:

— Почему?

— Здесь так написано! Первой строкой, чтобы вы не читали.

Фрея застыла, вытянулась, вдыхая полную грудь.

— Это письмо он написал?

Вдруг, гонец оторвал голову от кувшина и, глотая ртом воздух, начал:

— Он! Он просил передать, что жив и здоров! Письмо велел передать высокому, светлому парню и никому больше! И чтобы как можно быстрее, вот я и мчался…

Фрея стояла неподвижно, собираясь с мыслями.

— Вы уезжаете?

Данко провёл указательным пальцем по строкам, внимательно перечитывая каждое слово. На последней строке он шепнул Гелиосу на ухо. Конь в ответ кивнул головой.

— Нет. — прокашлялся он, — Уезжаем, но не сейчас. На рассвете.

Фрея взглянула на Данко, его уши были красными от стыда, но он ничего не мог поделать с приказом Феофана. Её взгляд прыгнул на Гелиоса. Сглотнув, он мотнул головой в сторону Данко.

— Хорошо. — прошептала она и скрылась за дверью хижины.

Вскоре из дома потянуло пряным, неимоверно вкусным яством. Гонца и след простыл, а Данко и Гелиос всё смотрели друг на друга ошарашенными глазами, пока в окне избушки не появилась корзинка, полная золотистых пирожков.

— Вам предстоит та ещё дорога. — сказала она, заворачивая оленье мясо в воздушное тесто.

— Простите меня, тётушка Фрея.

— Не за что извиняться. Он знает, что делает.

Ночь пришла досрочно. Небо затянули непроглядные облака, издалека доносился гром, но в этих стенах ничего не казалось страшным. Он доверял этой избушке не меньше, чем Фрея доверяла Феофану, и, хоть он думал, что не сомкнёт глаз до первых лучей солнца, сон застал его в полночь.

Распрощавшись на рассвете, они выдвинулись в путь. Попутный ветер трепал привязанный к седлу узелок, полный пирожков, и тетиву старинного охотничьего лука.

Глава 6

Две мантии мелькали в окутанных туманом переулках. Надвигавшиеся с севера тучи спугнули с улиц фонарщиков и попрошаек, оставив город без света уличных ламп и тления самокруток. Во тьме приходилось ориентироваться по памяти Катерины, шустро перебегавшей между каменными плитами закоулков.

Вскоре они оказались на окраине города — у стены, вверху которой качалась одинокая лампа. На смотровой башне сопел сторожевой. Винить его было нельзя, в такую погоду лампа даже коморку осветить не может, что говорить о затуманенных окрестностях города.

Взору Агния предстала заброшенная кузница, слившаяся воедино со столбами охранной стены. Вход её был завален разломанными копьями, вилами и обугленными рубахами, но Катерина ловко, словно кошка, прошагала к двери, минуя острые зубцы под ногами. К удивлению Агния дверь оказалась податливой, её петли не пискнули, даже когда Катерина повалилась вниз, споткнувшись о груду инструментов.

— Помоги мне. — прохрипела она, потирая рукой колено.

Вместе они раскидали завал, под которым пряталось ржавое кольцо. Ухватившись покрепче, Агний поднял увесистый люк, что с грохотом ударил по полу, стоило его отпустить. От удара весь хлам, стоявший у двери, повалился вниз с характерным треском и лязганьем. Сторожевой вскочил на ноги и шлем его чуть не слетел с башни в кромешную тьму. Он протирал глаза и озирался в попытке выявить источник шума, как вдруг небесный рокот прошёлся дрожью по стенам его поста — надвигалась гроза, о которой молвили ему синоптики. Поправив ремешок на шлеме, он тяжело выдохнул и закурил самокрутку, устремив взгляд в сторону порта.

В заброшенной кузне тем временем сверкали искры от огнива. Они падали на вымоченный в масле фитиль и вскоре заставили его вспыхнуть. Огонь с трудом пробивался через запылённое стекло, но его хватало, чтобы осветить лакированную лестницу, ведущую в потайной зал. Катерина шла первой, закрепив лампу на поясе.

— Долго задерживаться не будем. — прошептала Катерина ступающему на пол Агнию, — накинем мантии и уходим, кто знает кого тот грохот может сюда привлечь.

В тусклом свете переливались оттенки тёмного, аккуратно свисающие на вешалках, рядом с ними стоял ящик, доверху набитый котомками, а в стене за ним виднелся тоннель, через который можно было пролезть только на корточках.

— Закулисье… — оглянулся Агний.

На стене висели исчерченные именами листки. Более сотни человек в одном нескончаемом списке. Катерина накинула плащ, взмахнув им перед Агнием, но она не успела уберечь его от увиденного. В конце списка небрежно было зачёркнуто имя — «Селена». Агний прильнул ближе и принялся читать список. К его удивлению, он встречал эти имена раньше, но лишь в бюллетенях о розыске. Каждое принадлежало без вести пропавшей чародейке, и лишь поверх Селены шла тёмная линия.

— Мы не просто так тебя проверили в тот день, когда ты объявился, Агний. Будь в тебе кровь чародея, не пришлось бы столько утаивать. Профессор Мор ищет доказательства своей теории и всё ждёт… Однако, как ты видишь, мужских имён в списке нет.

— Вы что, помогаете чародейкам бежать?

Катерина развернула котомку и вынула из неё бутылку воды.

— Считай меня кем хочешь, мне уж недолго осталось терпеть мою ношу, но я считаю чародеек… людьми. Мы уже какой год выводим из города девушек, перехватываем прям из-под носа стражи и знаешь что? Среди них я встречаю не больше монстров, чем среди студентов Кровавой Розы! Одна чародейка сотню лет назад оказалась чудовищем, так люди и нашли в

ней козла отпущения. Думают, избавившись от магии у них всё наладится, да только чушь это! Все только ожесточаются, ищут в соседе повод доложить, но те бедные девушки не выбирали такой судьбы, они рождены с ней! Профессор Мор пару лет ко мне присматривался, чтобы поведать в свои планы — это он выводит их, даёт второй шанс!

Она сделала глоток и кивнула на список.

— Мы предлагали Селене бежать, как всем остальным. Она… Она не плохая, правда. Мор пытался вразумить её, но в эту же ночь она вломилась в библиотеку. Такие, как она, вешают клеймо на всех остальных, но…

Она опустошила бутылку и со всей силы швырнула её в стену.

— Не верю я, что она хочет зла! Она просто… Заблудилась! В себе заблудилась, Агний! Я уверена, стоит тебе с ней поговорить, и ты увидишь её настоящую: поймёшь, что какими бы её действия не казались — она делает их ради блага!

— Какое благо может скрываться за похищением двух невинных детей? Нет такого блага. Что бы она ни задумала — она пытается спасти себя за счёт других, и нет этому другого объяснения!

Приглушённый гром донёсся со стороны тоннеля. Катерина отвела взгляд в сторону и сняла со стены вожжи.

— Астра. Мы хотели вывозить на ней чародеек, но… — она закрыла лицо руками, — Что же их теперь ждёт…

Агний окинул взглядом плащи и, не проронив ни слова, укутался чёрной тканью. Со стороны заброшенной хижины послышались шорохи.

— Вперёд, мы должны успеть до их прихода, — встрепенулась Катерина, — у нас будет фора, пока Мор инструктирует чародеек. За мной!

Вход в тоннель оказался настолько узким, что Агнию пришлось выдохнуть весь воздух из груди и, зацепившись за выпирающие из стен корни, протолкнуться вперёд. Тоннель поднимался вверх под серьёзным уклоном, пока не стал больше похож на ров колодца. Из холодной земли выпирали деревянные балки, по которым пришлось карабкаться вверх, с каждым шагом приближаясь к свирепым раскатам грома. Вспышки молнии пробивались через щели во тьме, освещали тоннель на мгновение и вновь пропадали. Вдруг, Катерина остановилась, вытянулась во весь рост и оттолкнула люк в сторону.

Удивление озарило лицо Агния, когда они оказались на том самом месте, где он встретил её впервые. Корень дерева был спилен и прибит на петли, как полноценный люк, приваленный листьями и землёй от посторонних глаз.

Катерина схватила травника за руку и ринулась в сторону берега, двигаясь определённым, выверенным опытом, путём. Хижина лесничего стояла без света, но дым из его трубы, словно маяк, вёл беглецов к себе. Сквозь проливной ливень пробивались двое. Ветер разбушевался настолько, что взглянуть на дорогу удавалось лишь промежутками, но уверенная рука Катерины всё ещё вела Агния за собой. Вдруг, гроза разорвала небо на части. На мгновение хижина вспыхнула, и под её навесом сверкнули знакомые травнику глаза.

Из окон хижины пробивался свет: его хватало, чтобы осветить порог, на котором появились несколько промокших насквозь мантий. Дверь отворилась и на пороге появился старик с мешком в руках. Глаза по правую его руку запрыгали, заржали. Сердце Агния облилось теплом: ещё одну потерю оно не было в состоянии пережить. В стойле Астра стояла одна.

— Где Мор? — кричал старик наперекор шторму, — Я думал вас будет больше!

Катерина выхватила лезвие из рукава и подставила к горлу старика.

— Где остальные лошади? — сказала она, и голос её дёрнулся.

— Вы что? — вскинул он руки вверх, — Я не виноват! У них что-то случилось, они не смогли вывести больше лошадей, только её удалось, и то с трудом!

То ли слеза, то ли капля дождя сверкнула в свете молнии на лице Катерины. Она сделала шаг назад, но нож от горла не отпустила. В серебряных глазах старика тлели фонари портовых кораблей.

— Мы забираем лошадь. Передай Мору... Передай... — через полотно неба протянулась молния, разрывая собой облака. Её свет озарил лес, со стороны которого приближались три мантии. — Чёрт…

Катерина выкинула кинжал в сторону и толкнула старика в дом.

— Передашь всё как было, не лги ему. — прокричала она и захлопнула дверь.

Травник снял со стойла замок и Астра, оттолкнув калитку мордой, выбежала наружу. Верная лошадь била копытами и ржала во всё горло. Агний взобрался в седло, дождь бил его по плечам, прижимая к седлу.

— Бегите. — крикнула Катерина сквозь дождь.

Агний схватился за вожжи и вцепился в седло, но Астра не двинулась. Она заворожённо смотрела на Катерину, в панике тянущую на себе рукава. Свет из окна гладил её по плечам, а промокший капюшон налип на лицо, полностью скрывая её взгляд.

— Что с тобой? Но-о!

Астра не двинулась. Она взвыла и затопала копытами по грязи, пока Катерина не подняла на них полный отчаяния взгляд.

— Астра, она похитила тебя! Она пыталась помешать нам, она лгала и… — раскат молнии осветил рукав охотничьего костюма, идеально сидевшего поверх запястья травника, в котором текла чистая от смертельного отвара кровь, — Она…Чёрт!

Укрытая мантиями троица приближалась со стороны леса, горланя что-то невнятное, сносимое с пути порывистым ветром. Агний схватил изрезанную ладонь Катерины и помог взобраться на лошадь, что тотчас рванула прочь, выкидывая из-под копыт грязь. Они мчались через шторм, разрезая в непроглядной тьме паучьи сети, пока не оказались на лесной тропе. Тучи ушли, выпустив из своей пасти Луну. Астра замедлила шаг, стоило её копытам ступить на сухую землю под ногами.

Обессиленная Катерина опиралась на Агния, пребывая в состоянии между сном и смертью. Вдруг, она покачнулась, но травник успел вовремя её поймать.

— Астра, зачем? — прошептала Катерина.

Лошадь не ответила. Не качнула головой, не промычала на понятном ей одной языке. Она просто шла, и шаг её был твёрд.

— Агний... — промямлила Катерина, но от нехватки сил провалилась в сон, оборвавшись на полуслове.

Усталость брала своё, и вскоре было решено остановиться на ближайшей поляне. Отходящие от города тропы всегда были обхожены и найти кострище, прогоревшее не менее дня назад, не оказалось проблемой. Агний вдохнул в него пламя и, спустив Катерину с лошади на лесной подстил, устроился на ближайшем бревне.

Глава 7

«Ваше Величество! Ведьма сбежала! Мы пытались сделать всё, что в наших силах. К счастью, обошлось без потерь, пострадала только повозка с отварами.

Сбежавшей присвоен статут «особо опасный преступник», сегодня утром первый отряд добровольцев выехал на её поиски. Письма с пометкой «ведьма» отбираются лично мною, все записи очевидцев немедленно раскрываются и прочитываются. Последний раз её видели в окрестностях имения ныне покойной миссис Мари, первый отряд будет на месте через день, по прибытию от них гонца посылаем второй.

Ваш...»

Перо остановилось. Купец закрыл руками лицо и взвыл, словно дикий кабан.

— Прибытию или прибытии… — выдохнул он повержено, — Никакого больше отпуска чёртовому писарю!

На полный скомканных писем пол упало последнее письмо. За дверью в кабинет битый час надоедливо шумели. Купец поднялся, и ножки кресла съехались ближе. Дерево выдохнуло.

Дверь кабинета вела в просторный зал, выстланный бордовым ковром и залитый светом из панорамных окон. Со второго этажа в зал выходила ложа с перилами из красного дерева. Рассвет отражался в них окровавленными зайчиками, скачущими по ковру.

Маневрируя между лучами света, шёл юноша. В его руках был доверху набитый ящик с мишенями для тренировок.

— Сколько можно шаркать!? — выглянула из кабинета грузная фигура, — Я тут работаю!

— Прости, отец, мы с Хью переносим мечи на задний двор.

— Какого чёрта тебе помогает дворецкий? Этот паскуда кучер что, взял и уехал?

Юноша кивнул в сторону окна, за которым скрывалась из виду пустая повозка.

— Я его... Будет до конца своих дней таскать на горбу эти ящики, я знаю кому написать! И напишу сейчас! Прямо сейчас!

Дверь захлопнулась, и юноша пошёл к арке, ведущей во внутренний двор. По своей сути он являлся и садом, и местом тренировок, и летней кухней. Некогда его полностью засадили плодовыми деревьями, но с каждым днём глава имения указывал на новые места сруба: в его планы входило вырыть третий винный погреб, соорудить гостевую баню или очередной дом прислуге.

В центре угасающего сада была искусно выложена каменная плитка, по периметру которой стояли стенды для мечей. Юноша поставил ящик на землю, и тот с грохотом опрокинулся на бок. Впрочем, ни его, ни хмурого Хью это не потревожило.

— Тренировка? — спросил худощавый мужчина в тёмно-бордовой жилетке и прямых тёмных штанах.

— Нет, скоро придёт Элизабет.

— Вам подготовить кабинет для живописи?

— Не стоит, расставь оружие по полкам, кабинетом я займусь сам.

Вид панорамного окна выходил на сад, в котором работал Хью. За высоким забором оберегал свои владения хвойный лес. Изо дня в день с него наведывались ежи — они разрывали под забором тоннели и объедали опавшие груши и яблоки. В последний раз юноша положил опавшую грушу перед забором и, дождавшись ежа в гости, сделал набросок карандашом. Этот набросок был сверху большой стопки, в которой лежали рисунки города: среди них можно было разглядеть отдельные улицы, трактиры и товарные лавки. Среди пейзажей проглядывались несколько портретов, но ни один из них не выглядел завершённым.

В двери появился силуэт в белоснежном платье. Она держала в руке сумочку, из которой выглядывали наружу кисти и вытянутые склянки, полные цветных жидкостей.

— Я принесла оранжевое масло, как ты просил.

Из-под стопки бумаг юноша вытянул лист с эскизом молодой девушки: она сидела среди безликой толпы, наклонившись вперёд, внимательно слушая кого-то по ту сторону стола, но глаза её были обращены к автору. Элизабет достала связанный бечёвкой набор разноцветных склянок.

— Ты ведь не любишь писать портреты. — удивилась девушка.

— Это исключение.

Уже много лет в этот дом ступает Элизабет — невероятной красоты художница, известная под псевдонимом «Пташка». Многие грезили ночами о том, как она выглядит, ибо на выставках не найти было ни одного автопортрета, несмотря на предложения о горах драгоценностей даже за простой эскиз. Рассказы воочию её видевших лишь подогревали интерес правителей и купцов, а её работы сводили с ума своим превосходством. Ради таких девушек начинали войны, потому прятались они искусней всяческих ведьм.

Дорога в этот дом для неё не была выстлана золотом, как считали невежды. Горестно склонялся лес за забором при виде гостьи, навещавшей единственную родную кровь, текущую по венам племянника. Каждую неделю она гостила в кабинете с видом на сад и разговаривала со своим любимцем за уроками живописи.

До самого вечера набросок переходил на холст. В масляных мазках оживали оранжевые локоны и тёмные точки веснушек. Глаза на портрете сверкнули в лучах заката, стоило кисти оторваться от полотна. Юноша дрогнул, и масло капнуло с кисти, размазавшись в оранжевой кляксе по ковру.

— Про неё ты рассказывал? — подошла Элизабет к холсту и внимательно вгляделась, — У неё очень выразительные глаза.

— Да, такие невозможно забыть. — покачал головой юноша, — Это её украла в ту ночь ведьма.

Тепло наставнической руки растеклось по плечу.

— Неужели она так отпечаталась в тебе? Ты пробовал сходить на бал, развеяться? Мне по пути встретились объявления о театральной ночи…

— Не нужна мне театральная ночь! Я думал развеяться, но не хочу ни с кем проводить время, пойми...Она — настоящий талант. Не позолоченный, как все остальные в городе — настоящий! Мы с ней весь вечер проговорили тогда, а тут что? Пару слов связать никто не может, лишь про батюшку, да про «погостить»! А мы говорили о скачках, о травах говорили! Ты знала, что златолист, который мы тут как сорняк вырываем, на самом деле главный ингредиент в кипящем мёде, за который мы мешки золотых выставляем?

Элизабет отрицательно качнула головой, заворожённо внимая его речи.

— А она знает. Отца, вон, не унять, если про скачки начнёт говорить. Да только он про ставки, а она — про то, как обогнала меня!

— Она обогнала тебя? — в удивлении её руки поднялись, прикрывая рот.

— Отец не сказал, да? Обогнала! Да так, что через облако пыли пришлось лошадь вести!

Юноша выдохнул, украдкой взглянув на портрет.

— Говорила, что думает поступать в город, а тут… — юноша повернулся к окну и открыл небольшую форточку, — Прости, что засиделись, я знаю, что у тебя своих дел по горло.

Вместо ответа тётушка заточила его в свои тёплые объятия и потрепала по голове, затем нежно поцеловала в макушку и поправила вздыбившуюся рубашку.

— Я навещу тебя завтра, в это же время, хорошо?

Распрощавшись, она скрылась за дверью. В саду разгорались лампы. Слабый огонёк, прикрытый отполированным стеклом, распухал в руках юноши, как вдруг из темноты лестницы донеслось:

— Кай, бегом ужинать!

Необъятный обеденный стол был готов предложить всё, что человек только мог пожелать.

От центра к краям шёл виноград, за ним вишня с выдернутыми косточками, дальше — яблоки, груши и персики! Правда, их тяжело было разглядеть за большой индейкой, блестящей своей золотой корочкой и напичканной специями с мелко нарезанными овощами и мёдом. Мёд, казалось, ели исключительно ложками в этом доме. Мясо с острым мёдом, чай с мятой и мёдом, да что уж там! Яблоки — и те стояли бок о бок с горшочком мёда, сервированные дольками на деревянных шпажках.

За столом сидел мужчина, своей спиной отбрасывая тень на четверть стола. Слуги стояли рядом, прижавшись к стене, выдерживая идеальную осанку. При виде юноши Хью оживился, отодвинул стул и отошёл обратно на своё место.

— Фсё-в уше стынет! — бормотал отец, жадно отрывая куски от хрустящей индейки.

Кай покрутил в руках дольку яблока, внимательно оглядывая непоколебимую взглядом прислугу.

— Ты-х макай! Вон, подахте ему!

Молодая девушка в тёмно-бордовой жилетке оторвалась от стены и протянула руки к горшочку, как вдруг Кай поднял вверх ладонь. Прислуга взглянула на главу имения, но тот не видел дальше сочного мяса.

— Отец, я хотел поговорить.

Замыленные глаза оторвались от мяса. Проглотив последний кусок, он вытянул вперёд руки и две молодые девушки тотчас подбежали с полотенцами, аккуратно протирая заплывшие жиром пальцы.

— Конечно, что ты хочешь?

— Я хочу вступить во второй отряд.

— Второй отряд чего? — не сдержав смех он хотел было впиться обратно в аппетитную ножку, как вдруг Кай встал из-за стола.

— Второй отряд. Первый уже выехал на поиски ведьмы. Я поеду вместе со вторым.

Глаза отца округлились. Он сделал глубокий вдох, попытался собраться с мыслями, сжал руки в кулаки… Затем вырвал из рук помощниц полотенца и медленно, надавливая что есть силы, начал вытирать руки.

— Да их же убьют. — выдохнул он, — Эта ведьма, ты знаешь, за что её хотели казнить?! Не за воровство, не обманывай себя!

Уперев руки в стол, он поднялся, кивком выгнав прислугу из комнаты. Дверь за ними захлопнулась.

— Помнишь, в госпиталь привезли двух парней? На пару лет старше тебя. Ты знаешь, что с ними произошло?

Он обошёл стол, приблизившись к Каю на расстояние двух ладоней.

— Он говорил, что даже не успел заметить её, как вдруг всё вокруг накрылось непроглядной тьмой, словно его и не существовало никогда. Затем со всех сторон начала виться паутина, а из неё кокон, из которого пытался выбраться его напарник. Он бился в конвульсиях, словно личинка, молил о смерти! Так вот этот малый и подошёл ближе, а как вгляделся в плетёные нити — увидел не напарника, а иссушенное тело отца. Его кожа, словно кора дерева, отрывалась от мышц, прилипая к стенкам кокона с каждой конвульсией.

Мальчишка тот пытался что-то кричать, но, говорит, не мог. Потерял сознание, а потом оказался в больнице, до сих пор ночами кричит и клубочком сворачивается. Ты что, хочешь так же, а?!

Лицо его покраснело, ноздри расширились, а глаза налились не то кровью, не то мёдом, ибо приобрели мутно-жёлтый оттенок. Сердце Кая пропустило удар, грудь его колыхнулась. Он провёл глазами по стене, но никого рядом с ней не было.

— Иди в комнату, Кай. Я рад, что ты меня услышал.

В коридоре прислуга всё шептала, что отец правду говорит: нечего ему там делать и вообще! Кай заткнул уши и, влетев в комнату, запер дверь, за которой ещё с минуту шептались подвязанные языки.

— Да ладно вам, он ведь не глупый мальчишка. — отвечал отцовский голос на жалобный шёпот.

Постепенно голоса отдалялись, стихая на фоне шелеста листьев. Юноша высунул голову в открытую форточку и вдохнул полную грудь вечернего воздуха. В саду вспыхнула дюжина лампад. Они собрались у молодой груши, покачались на ветру и, словно светлячки, разлетелись по домикам, гонимые светом выступившей Луны. Её мертвенный свет преломлялся в окне, стремительно расползаясь по комнате. В свои объятия она заковала портрет рыжей девушки и на мгновение Каю привиделся кокон, обвивший её с головы до ног, но это была лишь игра света, отражавшегося в банках с краской. Покосившись на Луну, он задёрнул шторы и зажёг полупустую лампадку. В её огне порозовели щёки, ожили веснушки девушки, от которых невозможно было оторвать глаз. Долго ли, коротко ли он так просидел, но теперь она глядела на мирно сопящего в кресле юношу с холста, в углу которого оранжевой краской было выведено — «Алиса».

Всё утро Кай не находил себе места, встречу с Элизабет отменил: попросил гонца передать, что всю ночь не мог уснуть, вечером будет отсыпаться. Отец до обеда спал, а после уехал на ярмарку собирать долю с привезённых товаров.

В саду Хью собирал груши в плетёную корзину, отбирая самые спелые, а Кай наблюдал за этим с окна, переглядываясь время от времени с Алисой.

— Знаешь...

Юноша подошёл к двери и пару раз провернул ключ, напоследок крепко дёрнув за ручку — заперто. Поставив перед собой полотно, он достал баночку масла и, смочив кисточку языком, начал выводить линии.

— Я всю ночь думал… — он аккуратно прошёлся кисточкой по её векам, — С ухода матери скоро два года. С того самого дня, как это произошло, к нам приходит Элизабет. Впрочем, они часто собирались, но теперь это… иначе. Ровно сорок дней мой отец горевал, каждый день носил букеты и бился лбом о мраморную плиту. Сорок первый букет он оставил Элизабет. Затем — сорок второй. Затем он начал поджидать её в саду… Привозил драгоценности с ярмарок, грамоте стал обучаться чтоб письма подкидывать.

Кай отшагнул от портрета и вгляделся в глаза Алисы.

— Сорок дней. Неужели этого достаточно… — он сделал мазок поверх её густых волос и опустил голову.

Из-под груды эскизов следили за ним родные глаза. Кай осторожно снял холст Алисы и поставил его к окну, освободив место для второго и последнего портрета в его коллекции.

На мольберте была девушка, смутно напоминавшая Элизабет. Она сидела на качелях под поникшей ивой и тянулась носками к реке. Холодные брызги окропляли подол её платья, прогоняли прочь от воды, но ей было всё равно. Она мечтательно прикрыла глаза и сложила руки вместе. Юноша оторвал глаза от холста и обернулся к лесу, раскинувшемуся за окном.

— Знаешь… Я помню, как ты хотела отдать меня в музыкальную школу. Мы с тобой услышали на улице такой завораживающий инструмент, весь вечер обсуждали, а потом отец привёз с одним из караванов её — скрипку из ели и клёна. Ты так хотела, чтобы я научился играть, но отец запретил водить оборванцев с улицы, а музыкальная школа была за восемь ночей от нашего дома, поэтому она так и лежала в углу. Помнишь, когда я пытался играть, он так разозлился, что сломал её пополам. Ты тогда долго обманывала меня, говорила, мол, её уронила прислуга, да только не было в тот день дома никого, кроме вас с отцом. Тебе я верю. Тебе…Я верю.

Кай сел на пол, скрестил ноги в позу лотоса и закрыл глаза.

— Помню, после похорон отец до следующего утра исчез. Оставил письмо с наказаниями для прислуги, чтобы все ходили в чёрном, глаз не поднимали и не смеялись. А я смеялся. Убежал тогда из дома, пошёл до озера, куда ты меня водила прыгать с тарзанки в воду — и прыгал. И было так хорошо, так свободно… Я знаю, ты приказала мне слушать отца, потому что хотела обезопасить меня. Ты знала, что я в тебя, что моё сердце мечется и не усидит в клетке из золота и мёда. Мёд, что б его… — посмеялся Кай, — Дай отцу волю, так он целую пасеку осушит! Не верю я тем проплаченным художникам, что рисовали его в молодости…

Кай поднял голову и взглянул в родные глаза цвета голубого моря.

— Как мне тебя не хватает. — Прошептал он, как вдруг за дверью скрипнули половицы. Кай вскочил на ноги и метнулся к двери, но шаги резко начали удаляться. Судорожно он пытался отворить замок, но тот поддался слишком поздно. За дверью никого не оказалось. Отодвинув холсты к стене, он поправил рукава и выбежал в сад, в котором Хью наполнял уже третью корзину.

— Хью, тебя не было сейчас в доме?

— Последние два часа я в саду, Кай. Только к колодцу за водой отходил.

— Кто ещё сегодня в имении?

— Пока — никого. К вечеру повозка всех привезёт. — Хью протянул сверкающую в лучах солнца грушу в корзину.

— А отец?

— Он просил присмотреть за Вами до вечера. Сказал, что после сбора процентов ему нужно заехать в университет, отправить приказы.

— На кафедру охотников на чародеев?

— Не могу знать. — сказал он, срывая очередную грушу. Казалось, он был настолько сосредоточен на отборе лучших плодов, что остальное для него не имело значения. Откланявшись, Хью перебрался в глубину сада, к последним нетронутым деревьям, оставив Кая наедине с собой.

До вечера Кай не находил себе места. Источник странных шагов так и не объявился, хотя он обошёл всё имение несколько раз! Из поисков его выдернул стук колёс. Прислуга прибыла раньше, чтобы подготовить обеденный стол.

Вечер, словно болотная тина, тянулся долго и не нравился никому. Отец выглядел недовольным, но рассказывать о сборах не торопился. Про вчерашний разговор все молчали, словно его и не было. Ужинали наскоро и в тишине.

Вскоре солнце спряталось, а вместе с ним и фигура, протиснувшаяся в дверь кабинета. Перо с характерным звуком начало царапать бумагу, и от всеобъемлющей тишины его можно было услышать даже в коридоре. Слуги начали расходиться по жилым домам, когда Кай выбрался в сад. Он расположился на качелях между пары яблонь и поднял голову к небу, с которого смотрела Луна. Они долго приглядывались друг к другу, иногда она пряталась за облаками, словно за шторами театра, и выходила на ночную сцену ещё ярче и помпезней, затмевая собой свет ближайших по небу звёзд. Кай нахмурил брови и кивнул Луне.

— Ты была свидетелем стольких вещей, сколько не было и не будет описано во всех книгах. — наклонил он голову, — Ты знаешь, где сейчас ведьма.

Тучи прикрыли Луну, оставив лишь небольшое остриё её серпа, точно она ехидно выглядывала из-за ширмы на юношу, следила за ним через ветви яблони.

— Прячешься? — посмеялся Кай, не сводя глаз, — Ответь мне хотя бы что с Алисой.

Тонкая нить дыма из соседской бани протянулась вверх, закрывая собой выглядывающую Луну. Вдруг, свет в спальне отца потух: сегодня он лёг особенно рано. Кай слез с качелей и направился в дом.

С каждым шагом приближаясь к кабинету отца, он всё сильнее кусал себя за щёки, но виду не подавал. Часы над дверью в кабинет щёлкнули полночь — это был первый и единственный звук, что он расслышал в мёртвой тишине дома. Выдохнув, он толкнул дверь вперёд.

Иногда ему приходилось заглядывать в кабинет отца — обычно это происходило во время уборки, когда все двери были нараспашку. В остальные дни отец не разрешал находиться внутри никому, кроме главного слуги — старика Хью.

Вещи в комнате были сметены к углам, словно их распинали в стороны по пути к столу. Во тьме одного из углов показался обрывок белоснежной ткани. Кай передёрнулся, словно съел невероятно горькую ягоду и, пригвоздив взгляд к столу, на котором лежала стопка бумаг, поспешил вперёд.

На столе тускло засветилась лампада, освещая известия, не предназначенные для глаз Кая: здесь были и процентные расчёты, и письма деревенских девушек, просящих средства на поступления в город, и рисунки диковинных цветов, замешанные среди писем и отчётов. За рисунком цветка, известного в университетской среде как громоотвод обыкновенный, показались отчёты о подготовке отряда номер один. Кай внимательно перечитал каждое слово, но не смог найти ничего доселе ему неизвестного.

Вскоре стопка бумаг опустела, однако в свете лампады показался еле заметный уголок записки, выглядывающий из запертой столешницы. Кай аккуратно старался подцепить её ногтями, но безуспешно. От его попыток она лишь провалилась глубже. Юноша тяжело выдохнул: он знал, где находится ключ, а также участь любого, его своровавшего. Отец не посмотрит на родную кровь, текущую по венам вора.

Кай повернулся к окну, устремив взгляд к хвойному лесу, раскинувшемуся за забором. Его величие и свобода вдохновляли на глупости, и, казалось, стоит ему бежать — и лес его прикроет. Окутает ветвями в холод, собьёт корнями гончих и растворит в себе, скрыв от чужих глаз. Среди этого леса ещё остался дух, что вёл его к плакучей иве у реки, что толкал его в холодную воду и покрывал тело мурашками. Бунтарская улыбка отразилась на его лице, но лишь на мгновение, ибо позади него раздался приглушённый кашель. Сердце Кая замерло, он медленно повернулся к тёмной фигуре в дверном проёме. В руках худощавого силуэта тускло горел фитиль керосиновой лампы, освещавший комнату не лучше лунного света, растекавшегося по полу.

— Кай. Что ты здесь делаешь? — раздался спокойный голос старика Хью.

Луна выглянула из-за туч, желая увидеть каждый момент.

— Хью. — кивнул юноша и взял в руки лампаду, — Добрая ночь, правда?

Бордовая жилетка качнулась в двери.

— Ты же понимаешь, что я обязан сообщить твоему отцу.

Кай посмотрел на слабый огонь фитиля, дёргающийся в глазах угрюмого Хью.

— Я понимаю. — он отложил стопку бумаг к высохшей чернильнице и поплёлся к выходу, — Доброй ночи.

В комнате было тускло, Луна освещала наброски картин, но не добиралась до потаённых углов, в которых прятались законченные работы, лишь одна стояла рядом с окном — с аккуратно выведенными ивой и тарзанкой.

— Если бы я только знал, куда... В какую сторону. — шептал он, не отрывая глаз от улыбающегося лица, — Или, может, всё равно в какую сторону? В какой-нибудь да найдётся...

Кай вздохнул, притянув картину ближе, рассматривая лицо матери.

— Помоги мне. Хотя бы намёк!

Вдруг, в дверь раздался еле слышный стук. От неожиданности Кай чуть не выронил картину.

— Кто там? — сиплым голосом протянул он.

Дверь медленно отворилась.

— Кай. — в дверях показался силуэт Хью, что держал в руках небольшой свёрток.

— Что это?

В ответ он лишь протянул бумажный свёрток и, впервые крепко обняв юношу, развернулся.

Хью скрылся в темноте. Его лампа светила совсем недолго, пока он не смочил пальцы и не прижал ими тусклый огонёк, погрузившись в непроглядную тьму. Подбежав к окну, Кай развернул свёрток. На испачканной грязью и порохом бумаге он пытался различить надписи карандашом. Начало прочитать было невозможно, но с середины письмо начинало обретать смысл. В нём говорилось об успехах в поиске ведьмы, точнее — об их отсутствии.

«Последний раз её видели в имении ныне покойной миссис Мари, оттуда она отправилась в сторону севера. По нашим данным там ничего нет, лишь заброшенные со времён войны деревни и пара портов, пешим ходом до которых более недели. Местные утверждают, что в тех краях можно встретить отшельников и охотников за головами. Движение по неизвестной местности с такими угрозами считаю нецелесообразным, принято решение направиться обратно — в пригородный порт.»

Ниже были указаны инициалы, но промокшая бумага скрывала их от глаз читателя. Улыбнувшись освещённому Луной портрету, он поклонился, и одинокая слеза упала на пол, растворившись в оранжевой кляксе.

***

Ночь. Никогда ему не удавалось оказаться посреди ночи в городе. Все замки в доме замыкались с отходом отца ко сну, лишь изредка, когда он возвращался в полночь, Кай отводил лошадей в стойла, цепляя из темноты улиц пляшущие силуэты и крики девушек. Казалось, его всю жизнь берегли для чего-то, о чём он и догадываться не мог. Ровно до этой ночи.

Фонари кутали тёплым светом улицы, по которым бродили толпы, размахивая пенными кружками. Девушки неохотно отбивались от внимания парней, сбросивших свои доспехи по воле пьяного вечера.

Никогда прежде Кай не видел подобного. Это отличалось от банкетов, балов и заседаний. Здесь не было нужды обмениваться последними новостями, оценивать прибыль заведений и знакомиться для дальнейшей работы. Люди жили ради удовольствия.

Глубоко вдохнув тёплую ночь, Кай завернул в переулок, что выходил к кузнице, рядом с которой в стойле ждала его верная лошадь — белоснежная Вьюга. При виде Кая она застыла, словно высеченная из мрамора статуя.

— Не привыкла ты бегать со мной по ночам. — протянул ласково Кай, отвязывая лошадь.

Напротив кузни стоял трактир “Пьяная пчела”, в его расписных окнах мелькали люди: они пили, держались за руки и целовались. Окна второго этажа не сильно отличались своим содержанием, но за одним из столиков Кай зацепил знакомые локоны. Резко он отвернулся, по коже прокатился болезненный холод, юношу передёрнуло и, оседлав лошадь, он направился к воротам.

В столь поздний час уличные фонари сдали: теперь их заменяли окна трактиров и редкие компании юношей с керосиновыми лампами, что проливали свет на лошадь, уступавшую по скорости лишь королевской, но не уступающей по своей притягательности никому. Её писали художники, ей восхищались наездники всех сортов, но подчинялась она лишь одному человеку, и он велел ей мчаться к воротам, не смотря на покров ночи, к которому она не была привыкшей.

— Стоять! — рявкнули латунные доспехи, ограждавшие ворота, — Куда...

Стражник замер, всматриваясь сквозь щель шлема в знакомое лицо, затем выпрямил спину и ударил по стальному плечу подошедшего напарника.

— Доброй ночи, Кай! — сказал он растерянно, но с глубочайшем уважением в голосе, — Извольте задать вам вопрос…Где ваш отец?

— Он сейчас во всю раздаёт приказы. — ответил Кай строго, — Мне тоже достался один — категорически срочный. Я выдвигаюсь в помощь второму отряду.

— Но второй отряд отбывает только к утру. — почесал металлическую макушку стражник.

— Да. — Кай нахмурил брови и заговорщически прошептал: — Я выдвигаюсь на разведку, это секретное поручение отца.

— Но как же? Без его подписи...

— Секретное! — сказал Кай настолько громко, что бездомные у ворот повернули головы, — Или ты, балда, хочешь сорвать многонедельный план по поимке чёртовой ведьмы, что украла невесть зачем имущество университета, скрылась в лесах и замышляет свергнуть самого правителя?! Я понимаю, тебя не уведомили, на то оно и секретное! Отец ночами не спит, сам бы поехал, да только его знают все, сколько караванов провёл через деревни, сколько золота в казну собрал! Мне самому страшно, пойми ты, да только долг передо мной. Долг!

В серо-оранжевых глазах, что выглядывали из прорези шлема, смешались оттенки гордости и грусти. Понимающе качнув головой, стражник потянулся к железному засову. Массивные двери со скрежетом начали раскрываться.

— Удачи вам, Кай. — приложил стражник кулак к груди, — Ваш отец гордится вами.

— Да… — ответил он тихо, как вдруг в боку упрекающе кольнуло. Он обернулся на окутанный ночью город. Вдалеке, где раньше возвышались холмы, стояли величественные имения. Он задержался взглядом на одном, где всё ещё зреют яблоки, затем повернулся к приклонившимся стражникам. Стыд и горечь разлились в его сердце. Что ждёт их, если отец узнает о помощи? Что ждёт Хью, нарушившего сразу несколько сокровенных законов имения? К горлу подкатил едкий ком, какой подкатывает только при виде мертвецов.

Вьюга послушно стояла, ожидая сигнала «вперёд», когда Кай спрыгнул на землю, провалившись по щиколотку в блеклый туман.

— Значит так. — сказал он стражникам, — Вы меня выпустили не по своей воле, ясно?

Двое в недоумении переглянулись.

— Но как, вы же…

Вдруг, оборвав стражника на полуслове, он со всей силы толкнул его на землю. Его напарник схватился за меч, но не осмелился вынуть его из ножен, вместо этого он попытался схватить преступника, но Кай хлопнул Вьюгу по спине. Что было мочи она ударила копытами в стальную броню, оставив вмятину в упавшем нагруднике. Кай взобрался на лошадь и кинул последний взгляд на корчащихся стражников, прежде чем умчаться в сторону тёмного леса.

Вьюга шла галопом, поднимая копытами пыль. Кай вцепился в вожжи и мчал лошадь вперёд. Мчал, внимая такту её копыт, внимая жжению в руках и ногах, что говорили о прилично пройденном пути. Однако, стоило ему на мгновение отвлечься, как острая боль пронзила его бок. Кай остановил лошадь и спрыгнул на холодную траву. Живот его скрутило, ноги отказали — он упал и едкий ком, накативший вновь, покинул его тело вместе с последним ужином, раздирая по пути горло. От боли глаза его прыснули солёной водой, а живот втянулся в сдавшееся тело.

Вьюга ждала в привычной для неё стойке, ожидая приказа, боясь сделать шаг в сторону. Однако, вид корчащегося юноши выбил её из привычного положения. Она заметалась по сторонам в поисках помощи, но они были слишком далеко от города и недостаточно близко к ближайшей деревне. Жадно хватая ртом воздух, что обжигал тело изнутри, Кай поднялся, упираясь в берёзу рукой.

— Пора. — скомандовал Кай, — Нельзя, чтобы нас догнали здесь. Нельзя.

Он упёрся руками в седло и достал из вшитого кармана фляжку. Родниковая вода вернула ощущение земли под ногами. Он забрался в седло и потрепал Вьюгу по гриве. Луна красовалась посреди неба, ухмыляясь над поднявшим взор Каем.

— Я найду тебя. — сказал он и лицо его озарила улыбка.

Глава 8

Луна освещала ночную чащу. Своим взором она пыталась удержать образ девушки, мелькавший между деревьев. Её оранжевые локоны то и дело цеплялись за раскидистые кусты, пока она не выбралась на прокатанную повозками колею. Извилистая дорога вела путницу сквозь непроглядный лес, временами раскрывая на обочине кострища. Оставленные много лет назад костры больше не прожигались, ибо ступали сюда редко, а если ступали — останавливаться не решались. Однако, с каждым потухшим костром воспоминания Алисы становились яснее.

Некогда этот путь обладал особым статусом. У привалов теснились путники, выбивали место поближе к костру и хвастались урванным добром с «Худой русалки». Старейший порт, отделённый от ближайшей деревни недельной дорогой, притягивал к себе моряков всех языков и культур, оттого и найти в нём можно было всё, что человек когда-либо решился изготовить.

Не частым гостем был в торговых портах Феофан, однако тот раз стал исключением. Фиалита каждое утро выходила на крыльцо, смотрела в глубину леса и повторяла:

— Скоро репетиции начнутся. — поднимала она глаза на Феофана, — В театре, как обычно, платья штопаные будут… Что же, не платье красит девушку, а уж тем более артиста…

Не мог он терпеть боле её тоскливый взгляд. Тогда, в день отъезда, собрал он повозку, взял Данко с Алисой и помчал. Рыжеволосая совсем ребёнком была, истерила без умолку, однако стоило им выйти на лесную тропу — тотчас успокоилась, заворожённо вглядываясь в костры. В их пламени отражались экзотические фрукты, платья, колбы, а люди так счастливы были, что не могла девочка сдержать улыбки. Данко и Феофан переглядывались удивлённо и молчали, дабы не спугнуть долгожданный покой.

На привалах она расспрашивала незнакомцев о покупках, а затем толкала дедушку в плечо и повторяла «купим?». У каждого кострища она топила сердца людей. Путники дарили ей сладости и просили не вытягивать последнее из бедного дедушки, а тот сушил ноги у костра и удивлялся, как его сюда занесло.

По памяти не сказать было, сколько идти до «Худой русалки», но привал из воспоминаний был в паре поворотов. Рассвет поднимался сквозь деревья, прогоняя с неба Луну. Стоило ей повернуть и серебряный лик растворился. Больше приглядывать за ней было некому.

— Девушка! Девушка!

По её следам вышла из-за поворота дюжина всадников. Лошади зафыркали при виде усталой незнакомки, приободрились. Алиса скрестила пальцы, дабы всадники прошли мимо, в сторону порта, но колонна лошадей замедлила ход.

— Девушка, вы чего тут?

Все как на подбор, всадники были одеты в охотничьи костюмы, с кинжалами на поясе и льняными сумками на лошадях. Во главе колонны шёл старик с повязкой поверх правого глаза. Он пытался высмотреть в Алисе нечто, чем она явно не обладала.

— Я иду до Худой русалки, мне как раз навстречу должны скоро подойти… Семья.

— Семья. — протянул он и спешился с лошади. Колонна за ним застыла. — Вас не подбросить?

— Нет-нет, я не люблю торопиться, когда на природе.

Алиса сошла с тропы, освободив колонне ход, но ни одна лошадь не двинулась с места. Глаза наездников застыли на ней. Ни один не смел нарушить привычную лесу тишину: лишь филин ухал в глубине чащи, отгоняя хищников от своего гнезда. Алиса ждала, но ничего не происходило. Вдруг, мыши зашелестели в кустах, но ни один глаз не дёрнулся в их сторону.

— Вы ведь в порт? — не выдержала тишины Алиса и указала на грядущий поворот, — За ним будет большое кострище, ваши лошади совсем измучены дорогой, там как раз бьёт холодный ключ.

— Мы не в порт. — почесал он глазную повязку и щёлкнул пальцами.

Алиса шагнула назад, но густые ветки упёрлись штыками в спину. Её сердце ударило несколько раз и замерло, когда с лошади спешился огромных размеров всадник с изувеченным лицом. Старик рассмеялся и махнул рукой побледневшей Алисе.

— Да ты не бойся. Мы по рабочему поручению, исследуем территорию, так сказать.

Алиса неуверенно качнула головой, стараясь нащупать за спиной путь среди густого кустарника. Изувеченноликий шагнул вперёд старика и начал речь своим хриплым голосом, больше походившим на изнурительный стон.

— Мы лесничие, нас наняли поймать в этих лесах чудовище. — промычал он, как вдруг старик отодвинул его в сторону, — Простите, девушка, он у нас местный урод. — посмеялся он, — Хорошую ты дала идею: разобьём лагерь, воды ключевой напьёмся, а как отдохнём, так сразу и проводим тебя до семьи твоей.

— Знаете… — Алиса сделала шаг назад, — Спасибо большое за предложение, но я правда пойду одна, пешим ходом тут можно срезать, я по лесной тропе как раз куда надо выйду.

— За половину суток от этого места ничего нет. — крикнул всадник с конца колонны.

Двадцать три глаза вновь приковались к девушке.

— Послушайте, мне правда стоит идти, меня ждут.

Старик закинул в руку в льняную сумку и вынул клочок бумаги. С помятого свёртка смотрели глаза Селены. Её эскиз углём уже начал размазываться, но основные черты были видны. Старик ткнул чёрным ногтем, под которым запеклась старая кровь, в надпись «разыскивается».

— Не она, случаем, ждёт? — прохрипел он.

— Я не знаю кто это. — отрезала Алиса, попытавшись сделать шаг в сторону, как вдруг двенадцать всадников сорвались с места.

— Стоять!

Кто был на лошадях — соскочили, подобно зверям, а старик и урод кинулись вперёд. Алиса увернулась от их когтей и со всех ног побежала прочь. Сквозь колючие ветки и кусты она протиснулась на узкую тропу и ринулась вглубь леса, пока гончие били кинжалами себе проход. Один, что помельче, бежал по свежим следам, но нагнать Алису не мог. Лучи рассвета слепили её. Скрывали собой колючие ветки, бившие по лицу. Скрывали выступающие из земли корни и выход на просторную поляну, кончающуюся оврагом, разделявшим лес пополам. Стоило ей ступить на согретую солнцем траву, как вдруг позади, в просвете между деревьев, что-то щёлкнуло.

Не успела она обернуться, как острая боль пронзила её плечо. Тело, не успев среагировать, сделало пару шагов и упало перед деревьями. На мгновение она увидела, как окровавленная стрела, выступающая из плеча, ломается о выступающие корни.

Лучи рассвета сверкнули в брызнувшей крови и спрятались за спинами запыхавшихся охотников, вставших плечом к плечу. Старик прокашлялся, сплюнул в утреннюю росу и наклонился перед извивающейся в агонии девушкой.

— Ты Эбигейл? — сделал он глубокий вдох, стараясь отдышаться, — Или Алиса? Тебя ведь ведьма вытащила с собой, когда сбегала?

— Что вам от меня нужно? — кричала она.

Пока старик и Алиса переговаривались, охотники в недоумении глазели в сторону поляны. Деревья, с которых начинался лес, были облеплены белками, мышами и мелкими птицами. Поймав на себе взгляд охотников, они разбежались так же бесшумно, как и появились.

— Я обещаю, что мы обработаем тебе рану, до ключа твоего отведём, до…Семьи. — он усмехнулся себе под нос, — Тебе всего лишь нужно сказать, где сейчас ведьма.

— Я не знаю! — шипела она от боли.

Почесав щетину, старик сплюнул и щёлкнул пару раз пальцами над ухом.

— Разбиваем лагерь прям здесь, Урод, тащи верёвку! Остальные — за хворостом, я пригляжу пока за нашей добычей.

Круг охотников разошёлся, обнажив солнце. Первые лучи припекали плечо, с которого текла на землю алая кровь.

Лагерь разбили у оврага, вглубь которого уходила непроглядная чаща. Лошади стояли на поводках у деревьев, а охотники ели мясо на разгорающемся костре. Алиса сидела, связанная у дерева. Кровь, казалось, остановилась, но стрела так и торчала пером из плеча.

Сначала ей предлагали повязки, затем еду. Один из охотников удосужился сходить до ключа по наводке Алисы и вернулся с полной фляжкой, но даже холодная вода не разговорила её.

— Я ничего не знаю! — повторяла она вновь и вновь, — Я сбежала, придурки, сбежала от них! Откуда мне знать куда они направились, мы были посреди чёртового, мать его, леса!

Охотники глянули на старика, но тот, щёлкнув пару раз над разгорающимся костром, устроился поудобнее и залпом осушил фляжку. Одиннадцать силуэтов заметались по лесу, пополняя запасы хвороста и свежей воды. До самого вечера они искушали её теплом, едой и водой, но Алиса продолжала стоять на своём.

Солнце начинало заходить, а костёр угасать. Терпение старика было на исходе: Алиса повторяла одно и то же, а хворост не хотел разгораться! Отборный, стоит сказать, хворост. Стоило ему полежать без внимания пару минут, и он оказывался то сырым, то гнилым, хотя на первый взгляд был идеально горючим!

Из лесу время от времени приходили его обитатели, подсматривали за происходящим, но тотчас прятались, стоило взвинченному старику замахнуться на кого-нибудь из своих. Алиса подняла голову к небу, с которого смотрели два совиных глаза. Птица сидела на кроне дерева и, насупившись, вертела головой по сторонам. Она вскидывала крылья, но ветер приминал их обратно. Вдруг, изувеченное лицо охотника перекрыло небо.

— Ты кого там высматриваешь? — сказал он своим осипшим, пробирающим до глубины души голосом, — Мы картошку в угли собрались кидать, костра всё равно хорошего не выйдет, ты будешь?

Изрезанное кинжалами, изъетое ядом и сотнями схваток лицо пугало в первую встречу каждого. Однако, на удивление Алисы, среди вырезанных ямочек, ороговевших ноздрей и опаленных волос можно было разглядеть больше мимики, чем у всех охотников вместе взятых. За его плечом показался одноглазый старик.

— Знаешь, мы ведь можем морить тебя голодом, да толку-то. Пока ты тут начнёшь молить о капле воды уже дни пройдут, а ведьму нужно отыскать в кратчайшие сроки, понимаешь? Тебе нужно просто сказать, где она и мы тебя накормим, напоим и отпустим. К Агнию там, к Феофану… Кто ты такая — к тому и пойдёшь.

— К Феофану не хотелось бы! — крикнул кто-то из-за костра.

— Да, — он почесал затылок, — Алиса ты али Эбигейл?

— Алиса. — прошипела она сквозь тесно сжатые зубы, — Послушайте, если бы я знала хоть что-нибудь — рассказала бы! Не объявись Селена в тот день — не было всего этого! Сама бы придушила её, появись возможность…

Лагерь переглянулся. Охотники зашептались, кинув по картофелине в раскалённые угли. Урод поднял руку вверх и провёл по глубокой ране, рассекавшей его лоб надвое.

— Я встречал Феофана однажды. — прошептал он и островки бровей его опустились, после чего ужасающая гримаса искривила его изрезанное лицо, — Долгая история, у тебя не будет столько времени.

Вдруг, чёрные ногти легли на его плечо. Старик толкнул Урода в сторону и сел на корточки.

— А-ли-са. — протянул он, смакуя каждый слог, — Мне нужно всё, что ты знаешь. Всё, что помнишь!

— Я уже говорила — всё как в тумане! Вы, кучка охотников, ни разу не сталкивались с ведьмой? Не знаете, как она залазит в голову и переворачивает там всё вверх дном?

— Оу. — он почесал подбородок и развернулся к лагерю, расправив руки, — Она ничего не знает! Ничего не помнит! Бедная девочка!

На каждый его возглас охотники скалились, словно дикие звери. Старик расправил перед собой иссохшую ладонь и со всей силы ударил Алису по лицу. То ли грязь, то ли гной из-под ногтей отпечатался поверх её веснушек.

— Ну как? Освежил память?

Девушка подняла голову, всматриваясь в одинокий глаз. Обветренные губы её разлиплись, на мгновение старик начал злорадствовать, приоткрыв рот, в который девушка, со всей ненавистью, плюнула.

— Ты! — одноглазый начал плеваться на траву, пока за костром стоял хохот, спугнувший со всей округи птиц.

— Феофан найдёт вас! Каждого найдёт! — кричала она.

Казалось, слова Алисы заставили сидящих у костра напрячься. Охотники начали переглядываться и шептаться, даже Урод отшагнул в сторону, но не одноглазый старик. Он вытер лицо и обернулся к лагерю.

— Ужин! — рявкнуло перекошенное лицо.

Солнце погладило Алису по голове и спряталось за горизонтом. Аромат печёной картошки возносился к появившейся на небе Луне. Он мог привлечь всех животных в округе, да только что-то их отпугивало. Словно сам лес запрещал им сюда идти.

— А где моя картошка?! — крикнул один из охотников и начал ворошить палкой раскалённые угли под хохот толпы.

— Так вот она, чернющая! Сама уже в угли превратилась!

— Сам ты чернющий! Вон, не она там разве?

— Так, а что мы думаем?!

Соскочив с места, старик свистнул охотникам и направился к связанной Алисе. Два грузных силуэта вскочили за ним: их горбатые спины и вывернутые шеи напоминали рисунки существ из бестиария Феофана. Они походили на демонов, монстров, хоть на кого, но не на людей. Цепкие ногти вцепились в руки Алисы и подняли кричащую от боли девушку на ноги. Лес зашелестел. Он был невольным свидетелем, но не мог ничего поделать. Охотники поволокли её к тлеющему костру.

— Алиса, твой друг в беде!

Перед костром стоял упитанный мужик с обгорелой щетиной. Он гладил себя по пустому животу и вытирал воображаемые слёзы. Поднявшаяся на небе Луна мерцала, точно пыталась дать кому-то сигнал, но налетевшие тучи украли её. Алиса осталась абсолютно одна. Она опустила измученные глаза под ноги.

— Друзей в беде оставлять нельзя! Правда, Алиса? Где ты говорил, видишь картофелину?

Остриё палки показало на угли, тотчас воспламенившись. Раскалённые до кирпично-красного, они искажали над собой воздух вечернего леса. Их тепло поднималось до самых крон, с которых наблюдал одинокий сердитый ворон.

— Посмотри во-о-онтам!

Кивнув друг другу, охотники швырнули Алису лицом в останки костра.

Завизжав от впившихся в кожу углей, она попыталась оттолкнуться ладонями от раскалённой могилы и покатиться в сторону, но дорогу её преградили измазанные грязью ботинки. Они пинали её обратно в костёр и смеялись, пока шипящие угли прилипали к её коже. Алиса

извивалась в агонии, кричала что было сил, вдыхая носом едкий дым, заполнявший собой нос, рот и грудь. Её рыжие волосы обуглились, посерели и вспыхнули, как вдруг неописуемой силы удар выбил из её груди воздух и откинул Алису на холодную землю.

— Не дай ей откинуться! — кричал старик.

В голове стоял звенящий гул, а перед глазами беспросветная пелена. Казалось, её глаза выжгли — не было больше ни чёрного, ни белого. Девичье сердце бешено колотилось, давило изнутри на голову, пульсировало так, словно сотня кузнецов бьют молотами по каждой части её умирающего тела.

Не было за пеленой и глухотой больше жизни. Она не могла крикнуть, покуда грудь её больше не расправлялась. Не могла посмотреть в бесчувственные глаза и услышать смех кровожадных гиен. Она больше не была живой, но и умереть ей что-то не давало, продлевая нечеловеческие мучения. Она жаждала смерти настолько, что грозовое небо было готово обрушить шквал, разразиться громом и молнией. В глубине туч сверкнуло, как вдруг Луна разорвала оковы облаков. Её холодный свет прикоснулся к обугленным щекам и тёмно-синим губам. Тучи развеялись.

Одна Луна станет свидетелем того, что было с Алисой до полуночи.

С небосвода кострище казалось расщелиной, тянущейся в самый ад. Словно из его недр выползла дюжина демонов, терзавших неоткликающееся тело ещё несколько часов.

Пробирка за пробиркой они спаивали ей кровавую розу. С каждым глотком она на мгновение открывала глаза и сердце её вновь качало смешанную с пеплом кровь. Демоны пытались разорвать её тело, чтобы добраться до самой души. Они резали, били, снова резали, пока, наконец, не выдохлись.

Двенадцать окроплённых кровью охотников расселись у костра, скалясь.

Тело Алисы давно было мертво, если бы не кровавая роза, что держала её из последних сил на этой земле. Пока голодные охотники чистили картошку, старик достал кинжал и подтащил Алису за ногу к костру. На её стопе был след от впившегося в кожу угля, давно остывшего и отвалившегося. Рана напоминала кострище, углубляясь глубоко в плоть.

— Ты хоть перекуси! — донеслось из-за костра.

Отмахнувшись, старик снял с пояса кинжал и начал выскабливать из раны пепел. Обнажив запёкшуюся кровь, он осторожно вонзил кинжал в плоть. Под отвращённые взгляды охотников он повёл беспрерывный порез под углом вверх, вырезая спираль. Алиса не чувствовала боли, глаза её больше не реагировали, а разум, наконец, отпустила кровавая роза.

Умело перекладывая рукоять из руки в руку, он закончил свой узор, тянущийся от стопы до конца бедра. Опьянённый удовольствием, он облизал нож и принялся за вторую. Косые взгляды отразились в лезвии, но его это не остановило.

— Хватит! — возмутились охотники, — Ты этим кинжалом хлеб режешь!

— Заткнись! — хотел было крикнуть одноглазый, как вдруг Урод подбежал и с неописуемым ужасом на лице пнул тело в сторону. Оно подкатилось к оврагу и за мгновение до того, как старик успел поймать его за руку, опрокинулось вниз.

Овраг был крутым, но случайные корни и ветки, словно сотни рук, ловили тело, не давая ему набрать скорость. Опускали его вниз, пока двадцать три глаза смотрели сверху, моргая в ночи, постепенно угасая за непроглядными кустами. Внизу раскинулась глухая лесная чаща. Тело Алисы свалилось в настил свежих листьев и перекатилось пару раз в недра лесного царства.

Луна замерла. Звёзды — слёзы безграничного неба, падали за небосвод, пока кроны деревьев, словно толпа деревенских зевак, раскачивались на ветру в поисках того, кто решится помочь. Только некому было больше помогать — деревья это понимали. Весь лес, казалось, понимал: он затих и склонил кроны перед ушедшей невинной душой. Её мучения кончились. Листья в медленном вальсе начали опадать, прикрывая тело Алисы — девочки, желавшей

обыкновенного счастья, потерявшего спрос. Возможно, воспоминания и мечты мелькали перед ней в этот момент — она не расскажет. Кровь с её ран уже просочилась в землю, пробудив из спячки семена кровавых роз. Они раскроются на утро, укрыв бутонами бледное тело. Возможно, они процветут достаточно долго, чтобы Феофан нашёл её. Алиса не хотела бы, чтобы он застал её в таком виде — он ведь всегда предупреждал об опасностях леса! Только оказалось, что ни один вид с бестиария не виноват. Человек — истинный монстр этого мира, погубил… Погубил… Но как же! Эбигейл! Эбигейл ведь обещала ей другое! Она… О Господи, неужели Кай с Вьюгой доберутся до злополучного оврага первыми? Она ведь ждёт их… И действительно, с оврага вдруг посыпалась земля.

Одинокая белка умело прыгала по веткам вниз, вцепившись лапками в небольшую, размером с указательный палец, пробирку. Она цеплялась за корни, толкалась вперёд и неистово что-то пищала застывшему на месте лесу. Оттолкнувшись от ствола берёзы, она в пару прыжков добралась до Алисы. Кроваво-красная жидкость ходила волнами за стеклом, пока белка пыталась прогрызть пробку. Наконец, из небольшого отверстия пробился запах лепестков. С особой осторожностью она опрокинула пробирку к губам незнакомки и, замерев, дала жидкости вытечь на засохшие губы.

Алиса приоткрыла глаза. Сердце её ударило по груди, спугнув белку на соседний куст, а с него и на ближайшую ветку.

Лес затаил дыхание, притаился, но в заплывшем зрачке Алисы ничего больше не отражалось. Разъярённая белка запрыгала на месте, а потом и вовсе кинулась вверх оврага, но кусты вытянули в стороны свои ветви и не позволили ей подняться. Деревья закачались, забились кронами, их ветки посыпались вниз, застилая листьями лесную подстилку, как вдруг одна из них упала на лицо Алисы и она, словно живая, дёрнулась.

Ветер метался в лесных владениях, нагонял с севера тучи, трепал деревья за раскидистые плечи, просил их помочь, сделать хоть что-нибудь, но кроны лишь виновато клонились к бездыханному телу.

Разгневавшийся, ветер взвился над лесом, толкнув пролетавшую сову в бок. Птица крикнула и спикировала вниз, маневрируя между деревьями в сторону слабого огонька в глубине леса. Ветер пронёсся вперёд, разбившись об избушку посреди глуши. Ему, как и всем обитателям леса, было запрещено наведываться в неё, но в эту ночь он посмел распахнуть дверь. Мёртвый холод прополз в чужие владения, обволакивая дряхлые ноги.

За столом в избе сидел старик, протирая стекло масляной лампы. За его спиной на полке стояла сотня свечей, и лишь одна из них отдавала светом и слабым теплом, остальные давно потухли.

— Что ты ломишься?! — с гневом встал из-за стола старик, взглянув ночи в глаза.

Ветер пронёсся по дому, потрепав слабый огонь свечи.

— И что?! — рявкнул он, — Это моя работа, не твоя!

В пару шагов он оказался у стены и приблизился тонкими губами к фитилю. Ледяной ветер пронёсся поверх свечи, но огонёк не поддался. Он горел слабо, почти тлел, но не затухал. Тогда старик, набрав полную грудь воздуха, резко задул свечу. Последний фитиль из сотни испустил тонкую нить дыма и окончательно потух.

— Моя служба окончена? — прошептал он в стекающий воск.

Вдруг, огонь стоявшей на столе лампы вспыхнул пуще прежнего. Пламя его наклонилось и, словно компас, держало свою стрелу в неизвестном для старика направлении. Удовлетворённо он кивнул головой и, схватив лампу за ржавую дужку, вышел наружу.

Огонь вёл его вглубь леса. По следам старика стягивались белки, за белками — вороны. Закричав на весь лес, пернатые подняли с берлог медведей и лисиц, заставили сов обернуться и волков взвыть. Лес готовился провожать их старого друга, покуда служба его кончалась.

На поясе старика висел кинжал, в котором отражалось извивающееся пламя, ведущее в сторону оврага. Он шёл неспеша, смакуя долгожданное окончание срока, как вдруг взору его предстала девушка. Она лежала среди деревьев, и её приоткрытые глаза подглядывали за падающими в ночи звёздами. Среди испепелённых локонов старик завидел оттенки оранжевого, перепачканного в золе и саже, и шаг его ускорился. Под ногами шуршали мышки, то и дело оглядываясь на старика, нашёптывая что-то невнятное.

— Неужели? — отвечал он тишине леса, — Алиса?

Кроны леса кивнули, и сердце старика впервые за многие годы ударило. Он подбежал к девушке, ноги его подкосились, в колени впились разломленные ветки.

— Кто тебя так? — с ужасом он отставил в сторону лампу и поднял голову на свет, мерцавший на верху обрыва, — Где шляется смерть, когда она так нужна?!

Он положил ладонь на изувеченное лицо девушки и глаза его замерцали. Он знал её. В её веснушках пряталось созвездие Девы: он был первым, кто это заметил много лет назад. Он встретил её капризным ребёнком и провожает измученной до смерти юной, прекрасной девушкой. Её раны кровоточили, пульсировали по воле кровавой розы. От их вида старик в отчаянии схватился за волосы и вскинул голову к небу. Вдруг, нечто холодное коснулось его плеча. Старик закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— Вот ты где. — выдохнул он облегчённо, — Ты спрашиваешь?

Нечто хлопнуло его по плечу, и он одобрительно кивнул, но стоило этому нечто оторваться от плеча, как вдруг старик прижал первобытный холод обратно.

— Постой, — попросил он вежливо, — что насчёт тех, наверху?

Свет костра, мерцавший с обрыва, на мгновение потух, а холод окутал его плечо целиком. Старик улыбнулся, склонился над Алисой и вынул из ножен кинжал.

— Ты не удостоена этой судьбы, Алиса. Каким бы ветром тебя не занесло в мой лес — это не то. Впрочем, я рад что ты объявилась именно здесь. Не знаю подарком или проклятьем обернётся тебе эта ночь, но…

С кустов выглянули дикие звери, обнюхивая Алису издалека. Старик усмехнулся, поднял голову на тоскующую в небе Луну и кивнул, приветствуя старую подругу.

— Передавай Феофану привет.

Глубоко вдохнув, он вонзил лезвие себе в сердце. Его рука не дрогнула, когда на выдохе он вынул кинжал обратно и отбросил его к кусту дикой малины. Кровь брызнула из груди, орошая жаждущую землю. Старик разгрёб лесной настил и лёг рядом с Алисой, прижав грудь как можно плотнее к почве. Мышки, доселе шуршащие в его ногах, прижались к земле и слушали как она пьёт, вытягивает из сердца всё до последней капли.

Глаза старика заплыли туманом, но последнее, что он видел — до недр души знакомое, прекрасное созвездие Девы.

Тело его иссохло. Весь лес, казалось, замер в ожидании чего-то. Посреди рощи никто не смел издать ни звука, и в полной тишине можно было разобрать шорох, исходящий из-под земли. Маленький, совсем тонкий росток пробился наружу и потянулся вверх, к сердцу мертвеца. Он тянулся, просачиваясь через рубашку к порезу. Два крошечных листа прижались к стеблю и протолкнулись в свежую, смазанную кровью рану. С каждой каплей крови, оседавшей на листьях, он вытягивался всё выше, пока, наконец, крохотный бутон не раскрылся в самом его сердце. Бордовые листья прижались к стенкам, вдыхая в себя остатки души.

Лампа, стоявшая поодаль, затухла, погружая тела во тьму. Лишь Луна, корившая себя всю ночь, не прятала взор за облаками, а наоборот — гнала их прочь и светила прямо на лицо Алисы, гладила её изувеченные черты и боялась снимать с щёк сажу, не желая обнажить последствия этой ночи.

Корни дерева, рядом с которым лежала Алиса, начали вытягиваться вперёд, к узору на её ногах. Точно деревянные змеи, он ползли по следам крови, остановившись перед раной.

Осторожно они извивались по следу спирали и ложились поверх, заполняя собой вырезанную плоть. Они пульсировали, словно лесной ключ, пробивший выход из-под земли. Земля дрогнула, и вокруг шеи пробились молодые, тонкие корни. Собой они обвивали горло, укутывая его словно шарф, ложились поверх ожогов и синяков. Затесавшаяся неподалёку ель вздрогнула, и иголки осыпались на волосы, от которых исходило слабое оранжевое свечение. Звездопад кончился, и Луна, наконец, позволила облакам скрыть её лик.

Сердце Алисы ударило. Ещё. И. Ещё. Судорожно, медленно, оно разгоняло по телу остатки питательной жидкости, а корни с каждым ударом сердца впивались всё глубже, закрывая крови выход из изрезанной ноги. Сбоку повеяло теплом. Слабый огонёк заметался в масляной лампе, кидаясь редкими искорками в стекло.

Глава 9

Солнце гладило по щеке иссохший труп, мирно спавший рядом с Алисой. Сквозь его конопляную рубашку проросли стебли цветов, явив навстречу тёплым лучам свои бутоны. За палитрой фиолетовых и ярко-жёлтых красок было тяжело разглядеть тело, на котором застыла бледная улыбка.

Алиса спала в объятиях древесных корней. Земля, словно деревенская печь, грела своим природным теплом, а подстилка из листвы казалась мягче свежего сена в амбаре. Птицы охраняли спящую девицу: отгоняли мышек, что наровились унести пару рыжих локонов в своё логово.

Корни, окутавшие её в ночи, закрыли собой каждую рану, ссадину и порез. Опавшие иголки запутались в волосах, закрутили их в кудри, вернули прежний окрас и опали, впитав в себя пепел. Еле заметно её грудь вздымалась, окропляя прожжённые лёгкие утренней росой и свежим лесным воздухом.

По кронам деревьев пронёсся ветер, подгоняя собой существ леса ближе к лежбищу. Вскоре заблудшую душу окружили любознательные белки и ежи. За ними подоспела пара сцепившихся хвостами мышек, ругавшихся о чём-то своём, а ветки деревьев прогнулись под весом налетевших птиц: совы, тетерева, кукушки и их птенцы теснились среди оставшихся мест.

Разогнавшись, ветер шибанул по стоявшей неподалёку ели, обрушив дождь молодых иголок. Они приятно кололи кожу, щекотали шею и нос, от чего Алиса вдруг дёрнулась. Острая боль пронзила её насквозь: она прошипела сквозь стиснутые зубы и попыталась повернуться, но что-то ей помешало. Лучи рассвета били в глаза, но сидящая на ветке сова любезно расправила крылья, накрыв незнакомку своей тенью.

Микстура ужаса и изумления застыла в глазах юной девушки.

Лес уставился на неё в ожидании. Она со всех сил сжала глаза, но это не помогло избавиться от круга животных, резко заметавшихся в разные стороны. Даже связанные хвостами мышки, спохватившись, попытались скрыться из виду девушки, только вот побежали в разные стороны, потом опять в разные, пока одна из них не укусила напарницу за хвост и не утащила за куст крыжовника.

— Что происходит? — прошелестел невнятный шёпот.

Острая боль накатила вновь, но лишь по правой ноге. Алиса опустила голову и разглядела вплетённые в ногу корни. В ужасе она попыталась оттолкнуться в сторону, как вдруг корень с треском отломился от материнского дерева, оставляя незнакомке в подарок свою броню.

Страшась, Алиса провела пальцами по ноге. К её удивлению, боль не пронзила её насквозь — наоборот, нога была онемевшей, лишь назойливые удары в висок возвращали чувство жизненной хрупкости тела. Взгляд её скользнул по разорванной одежде, из-под лоскутов которой показывалось всё больше древесных «перевязок», но как бы она не старалась — ни одно воспоминание не явилось к ней. На мгновение перед глазами мерцали мутные сцены, но в тот же миг развеивались.

Из раздумий её вывело жужжание пчелы, пролетевшей перед носом. Она сделала пару кругов над поляной и принялась собирать пыльцу на фиолетовом бутоне конопляной рубашки. Алиса поймала её взглядом и, присмотревшись, разглядела в подобии лесной кочки мертвеца, сквозь которого проросли цветы! Рядом с его плечом теплилась масляная лампа, облепленная муравьями. От увиденного ком накатил к горлу, она повернулась на бок в попытке отдышаться и встретилась взглядами с парой мышек, выглядывавших из-под куста крыжовника.

— Чего вам? — прошептала Алиса, жадно глотая воздух.

Две крохотных напарницы переглянулись и запрыгали в сторону масляной лампы. Их переплетённые хвосты не придавали им грациозности, но потеряться они никогда не боя-

лись. Пламя вспыхнуло в лампе, разгоняя в сторону муравьёв, и наклонилось в сторону чащи. Словно ветер толкал его в определённом направлении, подобно причудливому компасу… Впрочем, Алиса перестала удивляться происходящему. Оперевшись на еловый ствол, она поднялась на здоровую ногу и попыталась подтянуть вторую. Вросшая в плоть кора с треском сгибалась, щёлкала и шелушилась, но не причиняла хозяйке боль.

Собравшись, Алиса попыталась сделать шаг и, к её удивлению, получилось даже лучше, чем она ожидала! Корень, словно пружина, помогал распрямлять ногу с пущей силой, от чего шишки ломались под стопами вместе с острыми иголками. С непривычки, конечно, пришлось пару раз завалиться на бок по дороге к лампе, но, наконец, артефакт оказался в её руках. Мышки вгляделись в огонь и, переглянувшись, устремились в указанную сторону, Алисе оставалось лишь медленно двигаться вперёд.

Со временем треск прекратился и редкие лепестки коры перестали отлетать в разные стороны. Природное одеяние казалось столь естественным, что вопросы о его происхождении растворились, по крайней мере сейчас, когда путешествие за мышками больше походило на сказку, чем на реальность. Удивительно, но что-то подобное ей читал Феофан в раннем детстве. В его сказках герой попадал в загадочный лес, в котором его встречала сама Природа. Феофан рассказывал, что сказки эти были написаны людьми, которые по-настоящему такое испытывали, но никогда Алиса бы не поверила, что его слова могут оказаться правдой.

Среди деревьев замелькала избушка, к которой жадно тянулось пламя лампы, полыхавшее пуще прежнего. Мышки перескочили порог распахнутой двери и залезли по плетёной скатерти на стол, чуть не опрокинув кувшин, полный родниковой воды. Алиса подоспела вскоре, пробираясь через заросли малины, за которыми камнем была выложена тропинка к дому.

Внутри избушка была совсем крохотной: печь, шкаф да стол. Шкаф стоял полный книг, а соседняя стена была уставлена сотней затухших свечей. Она ступила на каплю застывшего воска: видимо, он бился о половицы и разлетался по всей избе, застывая в своеобразных созвездиях. Мышки спрыгнули на пол и забегали между капель, разгоняясь в разные стороны и падая на пол животами, стянутые сплетённым хвостом.

Вдруг, одна из свечей вспыхнула. Алиса шагнула навстречу, как вдруг искра родившегося из пустоты огня прыгнула на соседний фитиль. Словно пропитанный маслом, он вспыхнул, затрещал. Искры начали стрелять во все стороны и Алиса, прижав руки к груди, отшагнула. Одна свеча за другой, и вскоре целая полка горела, освещая невеликие просторы избушки.

В мерцающем свете можно было разглядеть и запасы еды, спрятанные высоко на печи, и мышек, что чуть не перевернули метлу у окна, и толстый-толстый, точно с Феофанов кулак, том. Книга лежала рядом со свечами — на деревянной кафедре. Бронзовая эмблема дуба, литая поверх обложки, отражала в себе огонь свечей. Вниз от дерева шли размашистые корни, с конца которых стекали изумрудные чернила, выливаясь в слово «лес». Весила она неестественно много, точно корни связали кафедру намертво с книгой. Алиса подошла ближе, повесила лампу на крючок и открыла первую страницу.

К её удивлению, с книги на неё смотрело знакомое лицо. Пропорции, взгляд, взъерошенные волосы и даже созвездие Девы в виде веснушек — точное отражение Алисы, выведенное карандашом. Редко её можно было встретить с взъерошенной головой, но сейчас был тот самый момент. Словно её отражение отпечаталось на бумаге, стоило перевернуть страницу. Холодный ветер прошёлся по спине и вылетел из дома, прикрыв скрипучую дверь. Алису ужасало собственное отражение, она не смогла терпеть его и, вскоре, перелистнула страницу, где её встретил рукописный текст. Подобный почерк она встречала исключительно среди лесничих, которым приходилось писать поверх пней и грязных сапог. Каждую строку приходилось перечитывать по несколько раз, но содержимое книги затянуло её с первых слов.

Подобное она читала в библиотеке Феофана, но никогда не углублялась настолько. Страницы описывали как устроен лес в абсолютно изумительном ключе, в котором травнические

пособия никогда не издавались. Заметки на полях казались абсурдными, они отражали вещи абсолютно сказочные, в которые обыватель не смог бы поверить. Алиса внимательно вчитывалась в каждое слово, с каждым разом всё виртуозней расшифровывая завитки причудливого почерка. Несколько часов пролетели в одно мгновение.

Введение не удостоилось серьёзного внимания. Феофан часто брал её в лес, оттого информация казалась знакомой. За введением шла глава «роль корней». Ни одно слово не избежало чуткого взгляда. Она искала, и нашла:

«Если лес считает должным помочь животному или человеку, он может пожертвовать частью питательных элементов, чтобы обернуть место раны корнями. Смола в процессе заживления теряет вязкость и, просачиваясь в место ранения, обращается защитной плёнкой, останавливая кровотечение и предотвращая заражение. Для леса процедура является болезненной, однако, по неизвестным причинам, в редких случаях он готов пойти на подобные жертвы.»

— Жертвы... — протянула Алиса.

Между строк мелькнул силуэт проросшего цветами трупа. Алиса перечитала страницу трижды, прежде чем перевернуть. Далее было выведено «хранители леса».

«В каждом лесу обитает один или несколько хранителей. Чаще всего хранителями выступает союз нескольких животных, в редком случае — чудовищ, и в крайне редком — человек. Истории неизвестны случаи, когда хранителями становились сразу несколько человек.

Медведь является самым распространённым хранителем небольшого леса, часто смешанного с буреломом, болотами и оврагами. Когда его владения расширяются в связи с естественными явлениями, появляется необходимость в юрких, маленьких животных, способных быстро доставлять новости из разных точек леса. Прямыми помощниками выступают вороны, мыши, соболи и белки.

Если на жизнь леса покушаются люди: практикуют излишнее собирательство, вредят животным и портят живые участки леса — инициируется процесс преображения. В попытке защититься лес начиняет выделять природный экстракт неизвестного состава — он сочится из выступающих корней деревьев и цветов. Хищники, лакомясь им, становятся в разы сильнее, их черты искажаются, территориальное поведение обостряется.

Также замечено, что лес помогает животным в моменты противостояний с человеком — выделяет больше экстракта, перекрывает кронами свет, извивает корни под ногами вторгающихся.»

Прочитанное крутилось в голове и казалось бреднями сумасшедшего, однако у неё были веские доказательства верить этим бредням. Отдельные строки не совпадали с учениями Феофана — она подчеркивала их карандашом, оставляя на полях заглавную букву “Ф”, и продолжала читать:

“В исключительных случаях, когда лес на грани смерти, он может обратиться к человеку, рискуя навсегда исчезнуть в некомпетентных руках. Он будет направлять хранителя и обеспечивать всем необходимым, даруя полную власть. Однако, после становления хранителем...»

Вдруг, форточка распахнулась. Порыв ветра потрепал скатерть, пронёсся поверх полок, навестил каждый угол и захлопнул книгу прямо перед лицом Алисы. Пыль полетела в нос и глаза, и не успела она чихнуть, как дверь за её спиной отворилась. На пороге стояла лампа, которую она весила на крючок! Алиса протёрла глаза от пыли, но это не помогло. Пламя лампы горело ярко и тянулось куда-то в глубь чащи. Ветер вылетел наружу, напоследок потрепав подол тёмно-зелёного платья, появившегося на столе.

— Это мне? — Алиса обвела взглядом закрытую книгу, поверх которой сверкнул стальной дуб.

Ветер аккуратно потрепал её за волосы и вылетел, чтобы не смущать. Прекрасное лёгкое платье, в котором она выглядела точно лесная принцесса, закрыло ссадины и шрамы — лишь несколько поверх шеи и лица напоминали… Впрочем, они ни о чём не напоминали. В избушке

не было зеркала, в лесу не было озера, чтобы разглядеть в холодной воде своё отражение. Она знала: что-то произошло, но голова была застлана непроглядным туманом, скрывавшем события прошлой ночи и размывавшем события настоящего. Только сейчас, взяв лампу и направившись по направлению трескучего компаса, она поняла, что ощущает себя выпившей. Нечто размывало её взгляд, прятало выступающий из ноги корень и заглушало треск, сопровождавший каждый её шаг. Лесная броня, окутывавшая каждую рану, боле не казалось чуждой — она слилась с ощущениями собственного тела. Алиса попыталась отбросить мысли, но нечто в том тексте, в словах про жертву глубоко её встревожило, пусть лес и пытался всем своим существом доказать, что она желанный гость. Кроны деревьев кланялись, стоило поднять на них взор. Корни расступались перед её ногами. Птицы следовали за ней по пятам и напивали мелодии, отдающие эхом глубоко внутри, заставляя довериться этому месту, словно старому другу.

Последние лучи заката растворились в её кудрях и лес накрыла беспросветная тьма. Луна сегодня не выглянула из-за облаков, и лишь верный компас разгорался всё пуще, изредка отклоняясь в сторону. В его свете показались две мышки. Они бежали навстречу Алисе, толкались и пищали изо всех сил нечто важное. Остановившись у её ног, они поднялись на задние лапки и вытянули носы вверх.

— Что случилось? — Алиса наклонилась к мышам и корни в её ноге хрустнули. Несмотря на гибкость, со временем они покрывались чем-то твёрдым, похожим на слой коры. Мышки ухватились за подол платья и начали пищать ей на ухо. — Вы же знаете, что мы говорим на разных языках? — повела она бровями.

Одна из мышек закатила глаза и потащила подругу за хвост, рассержено пискнув.

— Эй, стойте! Может, повторите ещё раз?

Не обратив ни капли внимания на просьбу, мышки ринулись прочь. Лишь хвосты мерцали в свете лампы, когда Алиса мчалась за вестницами леса. С каждым ударом сердца она чувствовала, как кровь пульсирует в корнях, растекается по жилкам и вытесняет текучую смолу. Лес расступался перед девушкой, указывал кронами и плюющемся пламенем путь, как вдруг…

Во тьме показался тусклый огонёк.

Он качался из стороны в сторону, в такт размеренных шагов коня. Ветер подтолкнул застывшую на месте Алису. Её фонарь ослаб — пламя размеренно пробивалось сквозь запыленное стекло, позволяя тьме окутать свои владения. В глубине этой тьмы, далеко за деревьями, сверкнули знакомые глаза.

— Быть не может… — положила Алиса ладонь поверх груди.

Мышки цапнули её за подол платья и без единого писка скрылись среди веток. Алиса сделала шаг навстречу свету, и корень в её ноге щёлкнул.

Измученный дорогой юноша и его верный белоснежный конь обернулись. В его глазах плескался свет ламп, дрейфующий среди волн. Свет ламп, дрейфующий среди волн…

Лошадь шатнулась, когда Кай спешился. Он мчался между деревьями навстречу Алисе, а она стояла в тусклом свете лампы, покрытая ссадинами и гематомами, кровоточащими ранами и корнями. Стояла и не могла поверить своим глазам, одёргивала платье, прикрывала рукавами порезы, как вдруг свет пролился на его лицо.

Юноша замер. Их сердца стучали в унисон, били по ушам и заставляли кончики пальцев дёргаться.

— Алиса? — спросил он, не поверив своим глазам.

— Кай… — дёрнулись её губы, прежде чем она упала в его объятия.

Лошадь, измотанная дорогой, плелась в их сторону, когда мышки запрыгнули ей на ногу и вскарабкались до самого носа. Их лапки вытянулись в сторону родника. Удовлетворённо кивнув, верная спутница зашагала к местному источнику жизни.

— Эбигейл была права… — испуганно сказала Алиса, — Как ты меня нашёл?

— Отцу приходят письма с поисков ведьмы. Три ночи я добирался до леса, а как зашёл в чащу — словно что-то вело к тебе. — Кай огляделся и поднял с земли лампу, — Что с тобой произошло?

Алиса не успела вовремя одёрнуть платье и взору Кая предстало её новое обличие. Она отвела взгляд, ссадины поверх её веснушек покраснели.

— Если бы я знала. — протянула она, — Помню, как сбежала от Селены, как очнулась в этом лесу, а что было между... Извини, я не хотела, чтобы мы встретились при таких обстоятельствах, когда я… Такая.

Юноша сделал шаг навстречу. В свете лампы блестели её оранжевые локоны. Румянец окутал щёки.

— Ни одна ссадина не отнимет твоей красоты.

Алиса усмехнулась. По-доброму, как усмехаются польщённые молодые дамы. Толкнула его в плечо и, схватив за руку, повела в сторону избушки. Обитатели леса то и дело переглядывались, крались по стопам бурно обсуждающей пары и старались подслушать, но ни слова не понимали. Луна поднялась над деревьями, освещая путникам дорогу.

В тесной избе витал аромат тушёного мяса. Керамический котелок стоял на печи, оставленный, видимо, прошлым хозяином. По крайней мере это было лучшим объяснением, предложенным Алисой. За котелком стоял хлеб и банка с солёными огурцами.

— Получается, ты сбежал? — поставила Алиса лампу на стол.

— Отец, думаю, каждый угол в городе прочесал. Если ведьма не здесь, то мой след им не отыскать.

Алиса выглянула в окно. Лунный свет освещал поляну, на которой лошадь внимательно слушала мышек, пищавших друг поверх друга.

— Знаешь, Эбигейл рассказала про тебя кое-что. — улыбка осветила её лицо.

— Эбигейл? Откуда ей знать обо мне?

Алиса рассмеялась, наблюдая за мышками, дерущимися перед лошадиным носом. Вмиг её звонкий смех охрип, а по щекам потекли горячие слёзы.

— Она знает. Она всё знает. — сказала, кусая губу, Алиса.

Кай взял её ладонь и вывел Алису на прохладный ночной воздух. На поляне стояло кострище, обрамлённое поваленными брёвнами, на которых они расположились. Осторожно, словно стараясь не спугнуть, Кай опустил руку на её холодное плечо и прижал к себе.

— Как только всё это кончится, мы можем двинуться на восток. У моей матери были виноградники и небольшое поместье. Сходим в местный театр, проведаем моего приятеля детства. Будем пить вино и ходить на скачки, заглянем на маскарад в лабиринте из живой изгороди. В обсерватории возьмём подзорную трубу и будем искать созвездие Девы.

Алиса подняла голову в усеянное звёздами небо, а он посмотрел на неё.

— Я согласна. — посмеялась она, — Надеюсь, так оно и будет, но нам нужно дождаться отца Эбигейл.

— Он знает где мы?

— Нет, — кивнула она, — но он уже в пути.

Вдруг, кусты неподалёку зашуршали. Из-под листьев высунулись мышки, державшие по светящейся ягоде малины.

— Эбигейл предупреждала, что ты не поверишь тому, что я расскажу, поэтому я дождусь Агния.

— И всё-таки, — он посмотрел Алисе в глаза, — откуда ей знать?

— Говорю же, — не поверишь.

Глава 10

Лучи рассвета изрешетили куст крыжовника, под которым прятались мышки. Они перешёптывались о чём-то секретном, пока широкая тень совы не нависла над ними.

— Ну что? — качнулись серые хвосты.

— У-гу! — крикнула птица и полетела к избушке.

«Нормально сказать не может», — всплеснули они лапками и передразнили пернатую, невнятно пискнув. Не успели они засмеяться, как вдруг земля под лапками дрогнула. Теперь над крыжовником нависла фигура размером с целое солнце. Она огляделась по сторонам и задумчиво протянула:

— Это тоже не малина... Где они сумели её отыскать?

Недовольный великан развернулся, выпуская солнце из-за своих плеч. Сообразив, одна мышка ударила вторую по лбу и обе ринулись вперёд. Прошмыгнув между листьями, они встретили знакомое лицо. Кай пробирался по кустам: всматривался меж листьев и раздвигал в стороны колючие ветки. Мышки, скреплённые хвостом, обвились вокруг ноги юноши, что хотел было отскочить, но вовремя остановился.

— Вы теперь не отстанете? — спросил он, присаживаясь на корточки.

Парочка слезла с ноги и, втянув носами утренний воздух, запищали, устремившись в неизвестность. Поначалу следовать за прыткими проводниками удавалось легко, но вскоре Кай перешёл на бег, ибо мышки поймали особый ритм и набрали такую скорость, что иголки летели из-под лап! Насколько бы он не был силён и вынослив, серым подругам удалось изнурить его неизвестной дорогой, что кончалась залитой светом поляной. Уперевшись руками в колени, Кай пытался отдышаться, пока между глазами мелькали две проводницы, играющие в полевых цветах.

— Дайте минуту. — выдохнул он и поднял голову, встретившись взглядом с кустом, усеянным малиной, — И ягоду!

«Нашёлся, ягоды ему таскать! — скрестила лапы мышка и дёрнула свою подругу, что сломя голову понеслась к кусту, — Сам пусть собирает!».

Мышки отошли в сторону. Спелые ягоды переливались в лучах солнца: таких крупных плодов Кай не находил с самого детства, с тех времён, когда мать брала его с собой на выходные в деревню к дедушке. За его юношество леса истощились: у городов ни то, что малину, траву чистую редко встретишь.

Одна за одной ягоды полетели в плетёную корзину. Не все, конечно. В некоторых поселились черви и пауки, в некоторых...что уж врать, некоторые сами напрашивались быть съеденными. Вскоре ягоды начали перекатываться за корзину — тогда Кай окинул взглядом мышек и, попрощавшись, двинулся в обратную сторону.

«Дорогу найдёт», — махнула одна, запихивая в рот остатки ягоды.

«Найдёт», — кивнула в ответ подруга, развалившаяся на отопленных солнцем камнях.

За последнюю сотню лет в этих краях изменилось столько, что ни в один том не поместится. Теперь, с приходом Алисы, лес вновь задышал иначе. Ягоды казались обитателям слаще, тучи уже второй день обходили лес стороной, а животные, скрывавшиеся в тени деревьев, то и дело выбегали на поляны, товарищески бодались и бегали вместе к прохладному лесному ключу. Вселесное перемирие — праздник, в честь которого в небо поднялся столб дыма. Впервые за последние десять лет.

В печи трещали дрова. Аромат ванили и василькового мёда растворялся в волосах Алисы, раскатывающей скалкой тесто. В окно влетал ветер, то и дело смахивая с её лба выступающую испарину.

— Как ты просила, — показался в дверях Кай, — Целая корзина.

Стоило добыче оказаться на столе, как порыв ветра смахнул пару ягод с собранной горки. Кай подставил ладони, но стоило ягодам удариться о холодные руки и ветер вновь сдул их на пол, прямо на босые ноги Алисы, ссадины на которых затягивались с каждым часом. Лишь корень в виде спирали, казалось, останется с ней навечно.

— Не подбирай малину. — сказала она, провожая взглядом катившиеся под стол ягоды, — Изба хочет полакомиться.

— Изба? — покосился Кай. — Они укатятся под половицы и упадут в землю?

— Возможно. — кивнула она. — А возможно нет. Я знаю многое, и больше знать не хочу.

— О чём ты?

— Не бывает случайностей на этой земле. — Алиса набрала в ладонь муки и позволила ей сыпаться между пальцев. — Я так хотела в них верить, Кай, а теперь не могу найти себе покоя. Двум людям суждено встретиться и прожить до конца дней, что бы не встало у них на пути, как бы не пытались их остановить человек и природа… Двум другим суждено убить или быть убитыми, будь то злой умысел или чистой воды «случайность». Эбигейл, к моему горю, разрушила это слово, и теперь мне суждено менять его на «судьбу» каждый раз, когда хочется обвинить кого-то. Жизнь предрешена, Кай, и от того мне радостно и больно одновременно.

Алиса повернулась и взяла Кая за руку, заглянув в обод смятенных глаз. Остатки муки рассыпались, сверкая в лучах солнца, пробивавшегося в окно.

— Я хотела верить, что ты моя случайность, но ты оказался судьбой.

— Ты говоришь загадками.

— Судьба не любит прямолинейность. — сказала она тоскливо и отвернулась, взяв горсть ягод. — Пора толочь малину.

Не проронив ни слова, они готовили ягоды и заворачивали их в пышное тесто. Обитатели леса тем временем сходились на запах и прятались по кустам и гнёздам, вглядываясь в сокровенное окно, за которым царствовала рыжая покровительница. Вскоре за первым противнем показался второй, а за вторым показался белоснежный нос лошади, протиснувшийся в форточку.

— Вьюга с рождения была любопытной. — потрепал Кай за ухо верную лошадь.

— Вьюга? — веснушки на лице Алисы поднялись вместе с уголками губ. Она погладила её по холодному носу и велела ждать у порога. — Ты выбрал это прекрасное имя?

— Тебе нужно благодарить мою матушку. — улыбнулся Кай, покачав головой, — Она знала толк в прекрасном.

Дверные петли скрипнули, отпугнув засевших за кустами и кочками зверей. Они выждали пока рыжеволосая незнакомка выйдет с избы и, удостоверившись в её власти, скрылись в глубинах чащи. Волкам приходилось видеть страшные картины на пороге этого дома, ибо сам лес оберегал его от посторонних. Лишь хранителю леса и его приближённым были открыты эти двери, а значит — она одна из них. На владения опускался вечер…

Кай, Алиса и Вьюга лежали на поляне, разговаривали и ели горячие пирожки с малиной. Вьюга не была разговорчивой, не кивала на вопросы и сама, казалось, витала где-то далеко в облаках. Лишь подоспевшие мышки ухватили её внимание, а вместе с ним и один надкусанный пирожок. Кай водил рукой по залатанным корнями шрамам Алисы, что мирно сопела, положив голову на его колени, как вдруг плечи её дрогнули.

— Агний скоро придёт. — прозвучал её трепетный голос. — Пора идти.

Мышки встрепенулись, запищали и вскарабкались на Вьюгу, от чего та заржала и забила копытом.

— Не бойся. — погладила Алиса белоснежную гриву. — Мышки, проведите её до Агния, я вас найду.

Яро кивнув носами, подруги перелезли с седла на гриву и запищали на ухо двинувшейся лошади. Алиса растворилась в полумраке избы, но вышла обожжённая светом. В её руке бол-

талась разгоревшаяся лампа, и пламя её вело в глубь леса. Её фигура качнулась и растворилась в чаще, точно лес укрыл её от лишних глаз.

— Алиса?!

— Секунду! — ответила далёкая тьма. — Пока разведи костёр!

Неподалёку от их поляны, там, где кроны сосен расступались, рос молодой дуб. Казалось, стоит Алисе вытянуться, встать на цыпочки и протянуть руки вверх, и она станет чуть выше него. Вытянувшаяся по пояс трава желала обогнать их обоих, но сколько бы не тянулась — всё попусту. Каждая из зримых крон склонилась, готовая слушать Хранителя. Оглядевшись по сторонам, она встала на колени, скрывшись по плечи в траве, и прислонилась лбом к деревянной броне молодого великана.

— Пожалуйста, Лес, принеси яства для прибывших, покуда дорога их не баловала. Обереги, покуда другим до них не было дела, а я оберегу тебя.

Ветви дуба качнулись, поддавшись внезапному порыву ветра, корни в ноге Алисы стянулись. От резкой боли она зашипела, но стоило ветвям дуба коснуться её плеч и боль тотчас пропала. Она подняла голову вверх. Отсюда казалось, что дуб уходит к самому небу, на котором начинают разгораться звёзды.

— Алиса! — послышалось с поляны. — Агний идёт!

Кивнув на прощание, она устремилась к избушке, из-за которой появился до боли знакомый, до костей измученный дорогой силуэт, и под ним — она, родная сердцу лошадь по имени Астра.

— Быть не может... — протянул Агний и спешился.

Астра замерла, вглядываясь в преображённую, застывшую Алису, а затем ринулась навстречу, стоило костру выстрелить искрами в вечернее небо. Вспыхнувшие на мгновение искры застали распахнувшую руки Алису и вставшую на дыбы, взвывшую на весь лес Астру. Они пролетели над изнеможённым, запрокинувшим в улыбке голову Агнием и затухли прямо перед четвёркой прищуренных глаз, осевших под крыжовником.

— Только не сильно крепко. — последнее, что успел сказать Агний перед тем, как Алиса заточила его в свои объятия. — Вы, смотрю, ждали нас?

— Я знала, что вы найдёте меня.

— Что же. — Агний похлопал по спине Астру. — Хоть один из нас троих был в этом уверен.

Астра одобрительно качнула головой и устремилась за Вьюгой, обещавшей вывести её к роднику. Хитрые глаза пропали из-под крыжовника и, пища что-то невнятное, поскакали по следам копыт.

— Я переживал, что ведьма убила вас. — выдохнул облегчённо травник. — А Эбигейл…

— Жива. — кивнула Алиса и вновь обняла побледневшего Агния — Жива, но её здесь нет. Вам нужен сон и еда, давайте разберёмся с последним, а дальше всё остальное. Мы с… Точно!

Алиса подозвала Кая. Юноша отряхнул рубашку и крепко сжал изрезанную временем руку. Рукопожатие парня было нарочито крепким, словно он готовился к встрече не с Агнием... С Феофаном! Травник по-отцовски посмеялся в кулак и отпустил руку покрасневшего юноши.

К удивлению Кая, Алиса выносила из пустой избы горшочки с горячей едой, поспевая за аппетитом прибывших. Похлёбки с мясом, горячий хлеб и ромашковый чай с малиной — всё появлялось в её руках, стоило ей скрыться за порогом хижины. На вопрошающий взгляд Кая она развела руками и кивнула на охапку хвороста, прикрытого листьями крыжовника. Травник ел, пока Астра щипала траву под любопытный взгляд Вьюги. Прикованный к котелку с похлёбкой, Агний не заметил, как Алиса скрылась на время в хижине, появившись на пороге с ржавой дужкой фонаря, скрипящей на ветру. Она подошла к костру и села напротив, потирая большим пальцем ладонь руки.

— Агний, мне нужно рассказать вам про день нашего исчезновения.

Травник отложил в сторону опустошённый котелок и поднял глаза на Алису. Она водила руками по холодному платью и вдыхала дымный воздух разгоревшегося костра. Астра подкралась со спины и легла на траву, опустив голову на её колени. Костёр стрелял искрами в небо, с которого подслушивала выглянувшая из-за дымки Луна.

— Воспоминания с ярмарки как в тумане… Я помню, как Эбигейл схватила меня за руку и потащила в сторону ведьмы, как мы бежали в сторону леса… Помню, как обернулась и увидела вас с Астрой, но Эбигейл одёрнула меня. Мы двигались через туман чёрт знает сколько, бежали изо всех сил, а затем…

Глава 11

Вс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.